

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

李泳诺

ЛИ Юнню

**Сопоставительный анализ ценностных компонентов лексического
значения в языковом сознании русских и китайцев (на материале
корпусных и экспериментальных данных)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т. И. Ерофеева

Пермь 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ.....	16
1.1. Категория ценности в философии.....	16
1.2. Лингвистическое исследование категории ценности.....	26
1.2.1. Определение языкового сознания	27
1.2.2. Терминологический аппарат лексической семантики.....	34
1.3. Характеристика категории ценности в лингвистике	40
1.3.1. Определение понятия «ценность».....	41
1.3.2. Ценность и антиценность.....	44
1.3.3. Классификация ценностей	46
1.4. «Язык морали» в китайской лингвистике	48
1.5. Выводы.....	53
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	56
2.1. Теоретические основания методики исследования	56
2.1.1. Социолингвистический подход	56
2.1.2. Психолингвистический подход.....	60
2.2. Характеристика материала исследования	63
2.2.1. «Словарь русской ментальности» и два Национальных корпуса китайского языка	63
2.2.2. О проблеме выделения частей речи в китайском языке.....	66
2.3. Методы сбора и обработки материала исследования.....	73
2.4. Выводы.....	81
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ СОЦИУМАХ ПО ДАНЫМ «СЛОВАРЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ» И ДВУХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	82
3.1. ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶 как основные понятия категории ценности .	82

3.1.1. Содержание и структура лексем ДОБРО и ЗЛО в русском социуме	84
3.1.2. Содержание и структура лексем 善 («добро») и 恶 («зло») в китайском социуме.....	90
3.2. Сопоставительный анализ категории ценности и антиценности в русском и китайском языках	95
3.3. Выводы.....	99
ГЛАВА 4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	
4.1. ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 как базовые ценности.....	101
4.2. Анализ значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения: гендерный аспект	103
4.2.1. Содержание и структура лексемы ЛЮБОВЬ в языковом сознании русского молодого поколения	104
4.2.2. Содержание и структура лексемы 爱 («любовь») в языковом сознании китайского молодого поколения	107
4.2.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ЛЮБОВЬ / 爱 в групповом сознании русского и китайского молодого поколения	110
4.3. Анализ значения лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения: гендерный аспект	112
4.3.1. Содержание и структура лексемы СЧАСТЬЕ в языковом сознании русского молодого поколения	112
4.3.2. Содержание и структура лексемы 幸福 («счастье») в языковом сознании китайского молодого поколения	115
4.3.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем СЧАСТЬЕ /	

幸福 в групповом сознании русского и китайского молодого поколения	118
4.4. Выводы	120
ГЛАВА 5. СТРАТИФИКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 И ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО СОЦИУМОВ	123
5.1. ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 как этнокультурные ценности	123
5.2. Исследование значения лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в групповом сознании русского и китайского социумов с учетом страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»	125
5.2.1. Содержание и структура лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в русском социуме	125
5.2.2. Содержание и структура лексемы 礼貌 («вежливость») в китайском социуме	132
5.2.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в языковом сознании русского и китайского социумов	139
5.3. Исследование значения лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в групповом сознании русского и китайского социума с учетом страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»	139
5.3.1. Содержание и структура лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в русском социуме	145
5.3.2. Содержание и структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в китайском социуме	154
5.3.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в языковом сознании русского и китайского	

социумов	162
5.4. Выводы.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	183
ПРИЛОЖЕНИЕ А	215

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена анализу содержательной структуры лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳. Исследование носит междисциплинарный характер и опирается на такие направления современной лингвистики, как социолингвистика, психолингвистика и лингвокультурология.

Понятие ценности является важнейшей методологической проблемой в науке, тем самым определяя круг ее исследователей. Такие русские философы, как С. Ф. Анисимов [1970; 2001], В. П. Барышков [2005], П. С. Гуревич [2003], О. Г. Дробницкий [1966], М. С. Каган [1997], А. М. Коршунов [1988], Я. Л. Розин [1989], В. П. Тугаринов [1988], Б. А. Чагин [1966], а также китайские философы Ли Дэшунь [2007], Ли Лянькэ [1985, 1985а], Ли Цзяньфэн [1988], Ма Чжичжэн [1991] и другие, изучали сущностные характеристики категории ценности, рассматривая ее как отношение «субъекта (человека, класса, нации, народа) к объективным материальным и духовным результатам человеческого труда» [Чагин 1966: 7].

В изучение проблемы ценности лингвисты внесли существенный вклад, отраженный в работах Ю. Д. Апресяна [2006; 2007], Н. Д. Арутюновой [1999], С. Н. Виноградова [2007], В. И. Карасика [2002; 2013; 2019; 2019а; 2022], Е. Ф. Серебренниковой [2011], И. А. Стернина [1996] и др. Ценность в области лингвистики проявляется через языковое и речевое действие людей посредством словесных моделей ценности, создаваемых носителем языка. Ю. Д. Апресян полагает, что «ценность представляет не столько классификацию языковых единиц сама по себе, сколько набор признаков, по которым каждая единица попадает в различные пересекающиеся классы» [Апресян и др. 2006: 160; Апресян 2007]. С точки зрения когнитивной лингвистики справедливо отмечается, что ценности представляют собой «...социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые и наследуемые каждым новым поколением» [Стернин 1996: 108]. В рамках

лингвокультурологии рассматриваются различные типы ценностей: витальные, социальные, политические, моральные, религиозные и эстетические.

В настоящее время в Китае актуальна проблема исследования категории ценности в «языке морали» – инструменте для выражения моральных понятий. Китайские ученые, например Чэнь Шэн, Юй Мяо, Сян Юйцяо, изучают язык морали с точки зрения конфуцианской этики — современного философского направления Китая.

В России в 2022 году вышла в свет коллективная монография «Общая и русская лингвоаксиология», в которой демонстрируется подход к объяснению ценностного аспекта значения слова с позиций философии и лингвистики. Цель монографии — «выявление приоритетных направлений мысли современного носителя русского языка, его ценностных ориентиров на основе изучения фактов языка» [Общая и русская лингвоаксиология 2022: 8].

При изучении ценности лексемы значение играет важную роль, представляя собой интерпретацию действительности в ее измерениях — физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [Бартминьский 2005: 32]. Такое значение, созданное на основе компонентного семантического анализа, т. е. деления значения на мельчайшие компоненты — семы, обладает структурой лексемы, имеющей три зоны: ядро, предъядерную зону и периферию. В нашей работе вместо термина «сема» используется термин «семантический компонент», который представляет, по сравнению с семой, более крупную семантическую единицу.

Анализ категории ценности в аспекте лингвокультурологии представляется **актуальным** в современных исследованиях ценностей, понимаемых как культурно-значимые социопсихические образования в коллективном сознании, опредмеченные в той или иной языковой форме [Карасик 2002].

Актуальность исследования определяется следующими факторами:

– высокой релевантностью понимания специфики восприятия лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌,

ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, отражающей ценности представителей русского и китайского этносов;

– важностью комплексного изучения актуализации лексического и психолингвистического значений в языковом сознании носителей русского и китайского языков;

– потребностью в исследовании ценностного аспекта с учетом влияния комплекса социобиопсихологических страт-факторов на значения лексем, полученных в лингвистических экспериментах;

– необходимостью гармоничной межкультурной коммуникации и диалога культур; сотрудничество России и Китая достигает высокого уровня, который нуждается в более подробном исследовании фундаментальных ценностных аспектов двух социумов.

Гипотеза исследования. В настоящей работе ценностный аспект отражает положительное или отрицательное отношение коммуникантов к референту, сохраняется в языке и проявляется в значениях лексем.

Учитывая тот факт, что социальная природа языка определяет стратификационную обусловленность ценностных компонентов в языковом сознании индивида, страты «гендер», «уровень образования» и «специальность» оказывают влияние на понимание ценностного аспекта значения той или иной лексемы.

Объектом данного исследования стали лексемы ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶, отражающие моральные ценности в национальном сознании носителей русского и китайского языков; лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福, характеризующие базовые ценности в групповом сознании молодого поколения русского и китайского социумов; лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, определяющие особенности этнокультурных ценностей в языковом сознании молодого поколения русского и китайского социумов.

Предметом диссертационного исследования является значение изучаемых лексем в определении русского и китайского социумов.

Целью исследования являются выявление и анализ семантических компонентов ценностного аспекта значения лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, а также моделирование семантических структур этих лексем.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) разработать методику исследования применительно к изучаемым лексемам;

2) проанализировать данные «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка для сопоставления значения лексем ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶;

3) провести лингвистические эксперименты для сопоставительного анализа значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения;

4) построить семантическую структуру лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 в зависимости от страты «гендер»; лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в зависимости от страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»;

5) сопоставить содержание и структуру значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳;

6) выявить общие и специфические ценностные аспекты значения исследуемых лексем в русском и китайском социумах.

Основой для настоящего исследования послужил следующий языковой **материал**.

1. Фрагменты «Словаря русской ментальности», содержащие 73 вербальных контекста, в которых фиксируются лексемы ДОБРО, ЗЛО и лексема, содержащая в значении и ДОБРО, и ЗЛО (лексема ДОБРО — ЗЛО).

2. Фрагменты Сбалансированного корпуса современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности (国家语委现代汉语通用平衡语料库) и Языкового корпуса Центра китайского языкознания при Пекинском университете (北大语言中心 CCL 语料库), содержащие 65 вербальных контекстов, включающих лексемы 善 («добро»), 恶 («зло») и лексему 善 — 恶 («добро» — «зло»).

Всего в работе рассмотрены 138 контекстов из «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка.

3. Данные, полученные в ходе лингвистического эксперимента, в котором приняли участие 40 информантов: 20 русских и 20 китайских студентов. Выборка информантов сбалансирована по страте «гендер». В качестве стимульного материала в эксперименте использованы русские лексемы ЛЮБОВЬ и СЧАСТЬЕ и их соответствия в китайском языке 爱 и 幸福.

4. Данные, полученные в ходе лингвистического эксперимента, в котором приняли участие 64 информанта: 32 русских и 32 китайских студента. Выборка информантов сбалансирована по стратам «уровень образования», «специальность» и «гендер». В качестве стимульного материала в эксперименте использованы русские лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ и ТРУДОЛЮБИЕ и их соответствия в китайском языке 礼貌 и 勤劳.

В целом в экспериментах приняли участие 104 информанта. Получено и проанализировано 464 ответа с учетом уровня образования, специальности и гендера.

В работе используется **комплекс методов**, который включает методы сбора материала (фрагменты корпусных контекстов, лингвистический эксперимент, анкетирование, наивное толкование лексем), методы представления и анализа материала (корпусный анализ, компонентный анализ,

конструирование структуры значения, стратификация, описание, сопоставление, контент-анализ с количественной обработкой данных).

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые:

1) проведено комплексное психолингвистическое исследование определения ценностей в групповом и национальном сознании русского и китайского социумов;

2) выявлены актуальные ценностные семантические компоненты лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 на основе их сопоставления в русском и китайском языках; при этом лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 исследованы с учетом страты «гендер»; ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 — с учетом страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»;

3) определена специфика объективации ядерных, предъядерных и периферийных зон структуры в исследуемых лексемах.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие общей теории лексической семантики, социолингвистики и психолингвистики. Выявленные общие и специфические ценностные аспекты исследуемых лексем доказывают, что семантические компоненты лексем играют важную роль в формировании и закреплении ценностей в языковом сознании разных социумов. Предложены модели значений лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳. Полученные результаты позволяют уточнить понимание содержания лексем в аспекте категории ценности.

Практическая значимость диссертационной работы обусловлена тем, что материал и результаты исследования ценности в языковом сознании русского и китайского социумов могут быть использованы при разработке курсов по семантике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, социолингвистике и психолингвистике, а также в практике анализа коммуникативных сбоев при общении между носителями разных групп

населения. Представленная в работе экспериментальная методика описания лексем может быть использована в последующих исследованиях.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ценность, понимаемая в лингвистике как категория, представляющая значимость предметов для общества и индивида, выявляется в значении и может быть проанализирована с помощью семантической интерпретации на различных корпусных и экспериментальных материалах. Классификация ценностей исследуемых лексем представлена в работе следующими типами: базовые ценности (любовь — счастье), моральные ценности (добро — зло), и основанные на признаках социального поведения этнокультурные ценности (вежливость — трудолюбие); выделенные типы классификации определяются по тому или иному ведущему принципу.

2. Материал «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка позволил выделить ценностные особенности значения лексем ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶: в русском социуме — это эстетическая категория, в китайском социуме — этическая, т. е. она означает нравственные принципы, лежащие в основе поведения людей. Антитеза ДОБРО — ЗЛО в русском социуме объясняется с точки зрения философской категории единства противоположностей; в китайском социуме – с точки зрения теории «языка морали».

3. Базовые ценности лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 определены идентично юношами и девушками обоих социумов: любовь есть эмоциональное чувство, счастье — состояние удовлетворенности. Специфические ценностные компоненты отмечены уже в ядре значения лексем: любовь для русских девушек представляет собой эмоционально-психическое чувство, для китайских юношей счастье означает чувство радости. Гендерные ценностные особенности обоих лексем (например, русские юноши считают любовь физиологическим чувством, а китайские — проявлением

заботы и внимания) сосредоточены в основном на периферии и характеризуются низким процентом частотности.

4. Семантическая структура лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 дала возможность описать специфические ценностные компоненты значения в группах молодого поколения обоих социумов с учетом уровня образования, специальности и гендера.

В ядерной зоне (ядро + предъядерная зона) обнаружено сходство во всех группах русских и китайских информантов: в лексемах ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 — почтительное отношение к людям как форма выражения этикета и элемент воспитанности; в лексемах ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 — усердная и результативная работа.

В периферийной зоне называются семантические компоненты, которые уточняют семантические компоненты, выявленные в ядерной зоне. Так, в группах русских информантов лексема ВЕЖЛИВОСТЬ означает воспитанность и доброжелательность, а в группах китайских информантов при определении лексемы 礼貌 («вежливость») первоочередность отдается семантическим компонентам, связанным с традиционной культурой.

5. Рассмотренные в стратификационном плане лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 указали на роль страт в значениях семантических компонентов в том и другом социумах: например, частотность такого компонента лексемы ТРУДОЛЮБИЕ, как характерная черта «трудоголика», в ответах русских магистрантов намного выше (18,2%), чем в ответах русских студентов бакалавриата (3,3%). В целом роль страт в том и другом социумах определяется через суммарный показатель частоты семантических компонентов.

Теоретическая база исследования представлена работами по следующим направлениям: *аксиология* [Абушенко 2002; Анисимов 2001; Баева 2004; Дробницкий 1966; Рокич 2015; Лотце 2012; 李剑锋 (Ли Цзяньфэн)

1988; 李连科 (Ли Лянькэ) 1985, 1985а; 李德顺 (Ли Дэшунь) 2007; 马志政 (Ма Чжичжэн) 1991]; *лингвокультурология* [Алефиренко 2010; Бромлей 1983; Быстрова 2014; Вежбицкая 1996; Воробьев 2008; Карасик 2001, 2002, 2013, 2019; Колесов 2002, 2004; Красных 2003; Маслова 2001; Черноусова 2017; 邢福义 (Син Фуи) 1990; 周振鹤, 游汝杰 (Чжоу Чжэньхэ, Ю Жунцзе) 1986; 申小龙 (Шэнь Сяолун) 1988, 2000; 沈锡伦 (Шэнь Силунь) 1987]; *общее языкознание* [Апресян 2007; Апресян и др. 2006; Бодуэн де Куртенэ 1963; Бойко, Кошкарлова 2024; Верещагин, Костомаров 1983; Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации 2022; Гумбольдт 1984, 1985; Дзюба 2015; Звегинцев 1957, 1962; Зимняя 2001; Касевич 1990; Караулов 2000; Кирилина 1999; Кошкарлова, Кожухова 2023; Левицкий 2004; Мишланов 2011; Попова, Стернин 2006, 2007; Потенция 1993; Сепир 1993; Сорокин 1992; Стернин 1996, 1999, 2002, 2004, 2005; Тарасов 1996, 2000, 2000а; Щерба 1974, 2007; Щур 1967, 1974; 王力 (Ван Ли) 1955, 2015; 甘玉龙, 秦克霞 (Гань Юйлун, Цинь Кэся) 1993; 高名凯 (Гао Минкай) 1953, 1954, 1955; 朱德熙 (Чжу Дэси) 1985, 1999, 2010; 方光焘 (Фан Гуантао) 1986; 吕叔湘 (Люй Шусян) 1942, 1953, 1954, 1980; 陈承泽 (Чэнь Чэнцзе) 1922; 邵敬敏 (Шао Цзинминь) 2007]; *семантика* [Апресян 1995; Кобозева 2000; Колесов 2014; Кронгауз 2005; Новиков 1982; Степанов, Шмелев 2015; Стернин 1985; Телия 1986, 1996; Шмелев 1977]; *психолингвистика* [Выготский 1956, 1982; Горелов, Седов 2001; Ерофеева Е., Белоусов 2015; Залевская 1998, 2007, 2011; Леонтьев А. А. 1965, 1971, 1993, 2003, 2011; Ломов 1976; Сахарный 1989; Стернин 2010, 2022; Тарасов 2012; Уфимцева 2002, 2003, 2004, 2011, 2021; Фрумкина 2014; Штерн 1992, 2003]; *социолингвистика* [Беликов, Крысин 2001; Дешериев 1977; Доценко, Ерофеева Е., Ерофеева Т. 2010; Ерофеева Е. 2005, 2014; Ерофеева Т. 2004, 2009, 2010, 2019; Кропачева, Литвинова, 2023; Крысин 1989, 2004; Тимофеев 1971; 王敏 (Ван Минь) 2018; Labov 1972].

Работа прошла **апробацию** на шести конференциях: I Международной научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (г. Томск, 27–29 апреля 2021 года); научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы филологии глазами молодых исследователей» (г. Пермь, 14–15 мая 2021 года); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке» (г. Пермь, 13–14 мая 2022 года); Международной научной студенческой конференции «Филология в XXI веке» (г. Пермь, 19–20 мая 2023 года); Всероссийской научно-практической конференции «Мир культуры глазами молодых исследователей» (г. Пермь, 15–19 апреля 2024 года); Международной научной студенческой конференции «Филология в XXI веке» (г. Пермь, 17–18 мая 2024 года).

Автор диссертации опубликовал 8 статей по теме настоящего исследования, в том числе 4 — в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка (304 наименования) и приложения. Текст диссертации включает 11 таблиц и 49 рисунков. Объем основного текста работы составляет 214 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ

1.1. Категория ценности в философии

Ценность является общей проблемой, с которой приходится сталкиваться человеку в практике выживания и развития, и в этом заключается ее важное методологическое значение с мировоззренческой точки зрения. Как замечает С. А. Ан, ценности «упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, выражают иные, по сравнению с наукой, аспекты окружающей действительности» [Ан 2012: 38].

Еще в IV веке до нашей эры древнегреческие философы говорили о проблеме ценности. Первым понятие «ценность» предложил Сократ. В современном мире то, что мы подразумеваем под ценностью, может быть в основном эквивалентно «красоте», «добродетели», «справедливости» в ранней греческой философии. Например, Сократ считает, что «добродетель — это знание». По мысли Пифагора, число есть источник всех вещей, а красота заключается в гармонии чисел и правильной пропорции между числами. Аристотель полагал, что ценность заключается в человеческом интересе, а высшая ценность всех вещей — в наивысшем благе. В теории Эпикура ценностью является счастье.

У средневековых богословов ценность тесно связана с религиозным содержанием. Итальянский философ и теолог Фома Аквинский рассматривает Бога как абсолютную ценность. Он «четко определил семь добродетелей, из которых три — вероучительные (вера, надежда, любовь) и четыре — человеческие (благоразумие, мужество, умеренность, справедливость)... Любовь к Богу — главная ценность в ряду высших ценностей» [цит. по: Анисимов 2001: 29].

Многие мыслители Возрождения выступали за человекоцентричность, поэтому человек считался высшей ценностью того времени. В эпоху Просвещения высшей ценностью определялись разум, равенство и свобода,

поэтому ценность рассматривалась как «результат активности субъекта, обусловленной разумно-волевыми факторами» [Баева 2004: 16]. Р. Декарт, один из представителей Просвещения, в своей книге «Рассуждение о методе» пишет, что «наша воля склонна чему-либо следовать или чего-либо избегать только в силу того, что наше разумение представляет ей это хорошим или дурным» [Декарт 1950: 441].

В XVIII веке Юм и Кант предложили разделить фактическое суждение и ценностное суждение, действительный мир и мир должный, причинность вещей и назначение людей, фактически заложив философское понятие ценности и придав ему мировоззренческий смысл.

К концу XIX века произошла вторая промышленная революция. Это заставило философов вновь задуматься о ценности и возвести это понятие в философскую категорию. Немецкий философ Г. Лотце в работе «Микрокосм» выделял три мира: истины, действительности и ценности. По его мнению, в трех основных областях: эмпирических фактов, всеобщих законов и ценностей – только ценность является целью, а остальные — средством [Лотце 2012]. Именно он присвоил понятию «ценность» ранг философской категории и определил ценность в качестве центрального положения философии. Другой немецкий философ, Фридрих Ницше, выдвинул теорию «переоценки ценностей», полагая, что законодателями всех ценностей являются люди.

К концу XIX – началу XX веков философское учение о ценности постепенно сформировало самостоятельную философскую дисциплину — аксиологию, ставшую в XX веке важным направлением философской научной мысли и значимой областью философии, «занимающейся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам» [Новейший философский словарь (далее —

НФС) 2003: 25]. При этом важно отметить, что разные ученые в разных странах по-разному определяли ценность.

Проблема ценности является одной из главных тем русской философии. Русские философы пытались определить, что есть ценность и что есть наивысшая ценность для человека и общества, каковы критерии и основания ценностного суждения, какова роль ценностей в истории и культуре. Как определил В. П. Барышков, «русская философия в значительной степени тяготела к смысложизненной проблематике, а вопрос о ценностях для нас — прежде всего вопрос о смысле жизни» [Барышков 2005: 13].

Н. О. Лосский, русский философ, представитель религиозной философской мысли и интуитивизма, считает, что ценности — это объективные свойства бытия, которые можно познать только интуитивно. «Ценности вступают в сознание субъекта не иначе, как посредством чувств субъекта, интенционально направленных на них. В связи с чувством субъекта они становятся ценностями, переживаемыми им» [Лосский 1931: 122]. Н. О. Лосский согласен с М. Шелером, что «чувство есть особый вид **сознавания** (термин Н. О. Лосского. — *Прим. наше*), в котором даны ценности» [Лосский 1931: 123], абсолютные и относительные или объективные и субъективные.

Русские философы рассматривают ценность с различных позиций. Например, В. П. Тугаринов создал оригинальную марксистскую концепцию аксиологии. Именно он ввел в философию проблему ценностей. С его точки зрения, ценности представляют собой «предметы, явления (стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [Тугаринов 1988: 261]. С. Ф. Анисимов рассматривает ценность как всеобщую категорию, то есть «единство объективного и субъективного, форму отношения или взаимодействия между

субъектом и объектом» [Анисимов 1970: 20]. Б. А. Чагин придерживается похожей точки зрения, считая, что «проблема ценности — это в значительной мере проблема отношения субъекта (человека, класса, нации, народа) к объективным материальным и духовным результатам человеческого труда исходя из исторически развившихся потребностей» [Чагин 1966: 7].

Для русских философов ценность является элементом культуры. Например, П. С. Гуревич полагает, что ценность «выражает человеческое измерение культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования. Она как бы стягивает все духовное многообразие к разуму, чувствам и воле человека... Она характеризует человеческое измерение общественного сознания, поскольку пропущена через личность, через ее внутренний мир. Если идея — это прорыв к постижению отдельных сторон бытия, индивидуальной и общественной жизни, то ценность есть скорее личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека» [Гуревич 2003: 151].

Н. С. Розов дает такое определение ценности: «Ценность, подобно “истине”, “человеку”, “культуре”, по-видимому, никогда не будет определена исчерпывающим образом, однако понимание этого обстоятельства не должно препятствовать созданию рабочих понятийных конструкций, отвечающих необходимости решения современных проблем» [Розов 1998: 113]. Таким образом, ценность — это «предельное основание актов сознания и поведения людей» [Там же: 115].

О. Г. Дробницкий, специалист в области этики, связывает ценности с интересами. С его точки зрения, «под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т. д.» [Дробницкий 1966: 25].

Нет сомнений в том, что ценность играет важную роль в жизни человека. Ценностями являются «обобщенные цели и средства их достижения,

выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Каждая ценность и система ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [Лапин 2000: 131]. Это одна из причин, по которой исследования ценности продолжают существовать.

Более широкое определение термина «ценность» дает Философский словарь (далее — ФС): «Ценности — специфические социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие значения для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное), заключенные в явлениях общественной жизни и природы» [ФС 1986: 534].

Изучение китайской философии ценностей также имеет долгую историю, которая во многом своеобразна. В отличие от Запада, «ценность» («价值») в китайском языке на самом деле является современным понятием. Несмотря на то что в древнекитайском языке нет слова для обозначения ценности, с точки зрения значения такие категории, как «гуманность», «справедливость», «ритуал», «мудрость», «доброе намерение» («仁义礼智信») в традиционной китайской философии эквивалентны понятию ценности. Эти понятия были впервые предложены Конфуцием в V и IV веках до нашей эры, затем их развивали ученые-конфуцианцы, в итоге они стали центральными ценностями китайской философии и культуры. Значение гуманности («仁»), понимаемое как ценность, поощряло любовь, сочувствие, помощь и уважение между людьми. «Праведность» («义») относилась ко всему нравственному поведению, функция которого состояла в поддержании общественного порядка. «Ритуал» («礼») понимался как кодекс поведения, регулирующий отношения, такие как брак, родословная и порядок по старшинству. «Мудрость» («智») включала такие моральные коннотации, как различение правильного и неправильного, познание себя и других. «Доброе намерение» («信») означало честность, его

основной философский смысл заключается в верности определенным убеждениям, принципам и в отсутствии обмана. Таким образом, конфуцианская философия рассматривает ценность в аспекте этики, где важную роль играют коллективизм и семья.

Философское исследование ценности в современном Китае возникло после реформ и переходу к политике открытости. Китайская философия использует марксистские концепции и методы для проведения исследований, стремится исходить из практической точки зрения, подчеркивает единство фактов и ценностей, основывается на социальной истории и истории культурного развития.

Современная китайская философия считает, что практика — это уникальная предметная деятельность человека, что ценность возникает именно в практике, то есть в отношениях между субъектом и объектом. Китайский ученый Ма Чжичжэн полагает, что «ценность относится к совпадению между свойствами и функциями объекта и потребностями субъекта или к положительной и отрицательной связи между объектом и потребностями субъекта (то есть к отношениям удовлетворения)» [Ма Чжичжэн 1991: 232].

Составными элементами ценности являются субъект, объект и воздействие субъекта на объект; другими словами, объект имеет ценность только в том случае, если он удовлетворяет потребности субъекта.

С философской точки зрения ценность рассматривается как категория. Философский словарь так определяет категории: «Формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [ФС 1986: 191]. Категория есть обобщение и отражение общей природы объективных вещей человеческим мышлением. Категория ценности в философии является высшей абстракцией и высшим обобщением ценности.

В настоящее время категория ценности в области философии имеет три типа сущности: субъективистскую, объективистскую и реляционистскую — представление значения категории ценности и ее природы в области философии с трех разных точек зрения.

Понимание природы ценности с субъективистской точки зрения основано на психологии. Категория ценности определяется учеными из удовлетворения человеческого желания и стремления человеческого субъекта; сущностью ценности является проявление человеческой природы субъекта как психологического продукта. Субъективисты считают, что сущность ценности субъективна, а ценность рассматривается как дух человека. По мнению Г. Риккерта, нельзя сказать, что «они (ценности. — *Прим. наше*) существуют или не существуют, но только то, что они значат (*gelten*) или не имеют значимости» [Риккерт 1998: 55].

Субъективистское определение ценности признает важное положение субъекта в области ценностей, выделяет нацеленность, избирательность и инициативность людей, а также их способность анализировать роль иррациональных факторов, таких как воля, эмоции и интерес в процессе создания ценности. Это помогает преодолеть давнюю тенденцию сосредотачиваться только на рациональных факторах и игнорировать иррациональные, открытые в предыдущих исследованиях ценности, что очень важно для всестороннего анализа ценности. Однако в субъективистском определении, как следует из самого названия направления, ценность понимается только с субъективной точки зрения — рациональный фактор субъекта и объектный фактор в ценности игнорируются. В связи с этим трудно говорить о всестороннем и правильном понимании сути ценности субъективистами.

Ученые, придерживающиеся объективистских взглядов на природу ценности, приписывают ценность самим вещам, их свойствам, эффектам или значениям. Они ориентируются на объект, отождествляют ценность

со свойствами, структурой и функцией объекта. Они считают, что ценность — вещь объективная, не имеющая ничего общего с субъектом и субъективностью. «Ценность есть объективное свойство предмета. Она заложена в его собственной природе и неотделима от него», — так определяет суть объективно-натуралистической концепции О. Г. Дробницкий [Дробницкий 1966: 295].

Сущность ценности является объективной, имеет два проявления: одно состоит в том, чтобы понимать ценность субстанциально, то есть прямо отождествлять ценность с субстанцией и думать, что ценность есть ценная вещь: ценность воды — это вода, ценность хлеба — это хлеб. Такова, например, теория ценностей Перри, согласно которой ценность вещи есть сама вещь, она является основным неотъемлемым атрибутом объекта. Функции и свойства вещей, которые могут удовлетворить потребности субъекта, являются ценностью, в противном случае они не имеют ценности. Например, Ли Цзяньфэн считает, что ценность — «...функция и признак предмета, вошедшие в объем человеческого познания и практики, способные отмечать общие потребности большинства людей как субъектов» [Ли Цзяньфэн 1988: 161].

Объективистская теория основывается на материалистической позиции материального первого и духовного второго и имеет определенную рациональность, однако она не лишена и явных недостатков. Во-первых, прямое отождествление ценности с вещами, в соответствии с которым ценные вещи считаются самой ценностью, не может разумно объяснить природу ценности. Во-вторых, много вопросов вызывает использование категории полезности для определения ценности и отсутствие различий между ценностью и оценочным суждением.

При рассмотрении природы ценностей с реляционистской точки зрения ученые полагают, что можно исследовать сущность категории ценности с позиций диалектики. То есть они рассматривают ценность как отношение между потребностями субъекта и свойствами объекта, положительную связь

между свойствами структуры объекта и объективными потребностями субъекта. Только отношение, в котором объект удовлетворяет потребности субъекта, является ценностным отношением, и в этом отношении объект составляет ценность для субъекта. Отсюда видно, что категория ценности на самом деле является категорией отношения. Ценность — это «область субъектно-объектных отношений, то есть объективных явлений, осмысленных с точки зрения целей, интересов, потребностей субъекта» [Коршунов 1988: 270]. Ли Лянькэ считает, что «ценность или свойство ценности — это объективная связь между объектом и потребностями субъекта» [Ли Лянькэ 1985: 3]. С точки зрения Ли Лянькэ, объект является источником ценности и ценности возникают в практике. Сущностью категории ценности является единство признаков или функций объекта и практические и познавательные потребности субъекта (см., например, работы: [Ли Дэшунь 2007; Ли Лянькэ 1985а; Розин 1989]).

Определение сущности ценности как отношения между потребностями субъекта и свойствами объекта объясняет не только ценность природы и общества, но и ценность человека и ценность духа. Ценность природы заключается в том, что природа как объект положительно влияет на совершенствование и развитие субъекта. Различные общественные отношения, социальные нормы и социальные системы как социальные объекты играют положительную роль в совершенствовании и развитии человеческих субъектов, каждый из которых является ценностью. Единство личности как ценностного объекта и субъекта, ее ценность проявляется в положительной роли в развитии человеческого субъекта, с одной стороны, а с другой — всестороннее и свободное развитие есть высшая цель совершенствования и развития человеческого субъекта.

В философии обсуждается также сущность ценности как категории отношения. В связи с этим выделяются следующие характеристики ценности: субъективность, объективность и разнообразие.

1. Субъективность ценности. Субъективность ценности означает, что ее формирование зависит от существования субъекта. Без субъекта нет ценности, один и тот же объект имеет разную ценность для разных субъектов. Формирование ценности зависит от практики субъекта, а объект, не имеющий отношения к субъекту, не имеет ценности. Таким образом, потенциальная ценность объекта проходит через творческую деятельность субъекта.

2. Объективность ценности. Причина объективности заключается в том, что объективны как основа, так и результат формирования ценности. Ценность возникает из взаимоотношений между субъектом и объектом, при которых бытие, свойства и функции объекта объективны, как и бытие и потребности субъекта. Потребности людей связаны с обществом и социальной практикой сообщества и не зависят от их воли. Результат взаимодействия субъекта и объекта тоже объективен, при определенных условиях ценность объекта для субъекта не зависит от того, насколько хорошо субъект его знает и знает ли вообще.

3. Разнообразие ценности проявляется в ее многообразии, обусловленном, в свою очередь, разнообразием субъектов и объектов. Потребности разных людей различны, объективность ценности сложна и разнообразна. Один и тот же объект имеет множество атрибутов и функций. Кроме того, с развитием и изменением времени у людей появляются разные способы использования вещей и разные потребности в них, поэтому ценностные отношения, устанавливаемые людьми с внешним миром, становятся все более разнообразными, а их историческое содержание постоянно меняется.

В силу этих характеристик ценность тесно связана с языковым сознанием. Во-первых, субъективность ценности определяется тем, что у каждого человека есть свои уникальные ценностные потребности, поэтому понимание ценности у каждого человека имеет субъективное выражение. Во-вторых, ценность объективна, она существует в объекте, а функция и свойство объекта передаются не волей человека, а с помощью его субъективного сознания,

поскольку любое материальное сознательное явление или процесс тесно связаны с сознанием.

Так как ценность играет важную роль в жизни и развитии человека, она составляет «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [Абушенко 2002: 21]. Ценность стала одной из важных проблем языкознания в XX веке.

1.2. Лингвистическое исследование категории ценности

В конце XX века появились многочисленные философско-антропологические направления, трактующие существование человека в системе современного знания в том или ином аспекте с точки зрения разных наук с учетом «многообразных отношений и связей человека с миром» [Ананьев 1977: 5].

Так, обращение «к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, а именно о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики “имманентной” с ее установкой рассматривать язык “в самом себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Серебренников 1988: 8].

Антропоцентрический принцип проявляется в следующих направлениях: 1) язык и духовная активность человека; 2) язык и сознание человека; 3) язык и физиология человека; 4) язык и культура; 5) язык и коммуникация; 6) язык и ценности человека» (см. работу Е. С. Кубряковой, А. М. Шахнаровича, Л. В. Сахарного «Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи», 1991).

Язык, мышление и культура тесно связаны друг с другом и образуют единое целое. Язык как зеркало культуры отражает ценности, существующие «вечно» для данной культуры. Кроме того, постоянное взаимодействие языка с культурой и мышлением формирует носителя языка как члена определенного

социокультурного сообщества, «навязывает» и развивает систему ценностей, морали, поведения и отношения к людям.

Анализ категории ценности через призму языковых единиц и их семантических значений предоставляет возможность для выявления и описания социокультурных аспектов, заключенных в языке.

Рассмотрим подробнее основание лингвистического исследования категории ценности.

1.2.1. Определение языкового сознания

Российские ученые, проведя углубленное исследование сознания, определили его важные признаки: «Сознание — это высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и самому себе, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей» [ФС 1986: 436]. С точки зрения А. Н. Леонтьева, внутренние психические процессы возникают в практической деятельности человека и в процессе его общественной жизни, поэтому сознание — это «особая форма деятельности — продукт и дериват развития материальной жизни, внешней материальной деятельности, которая преобразуется в ходе общественно-исторического развития во внутреннюю деятельность, в деятельность сознания...» [Леонтьев А. Н. 1975: 157]. С. Л. Рубинштейн дает определение сознанию как осознанному бытию, единству переживания и знания, субъективного и объективного [Рубинштейн 1999: 20]. А. С. Штерн считает, что сознание характеризуется активностью, которая проявляется в избирательности и целенаправленности, направленностью на предмет, способностью к рефлексии и самонаблюдению, различной степенью ясности [Штерн 2003: 198].

Сознание базируется на языке и изменяется с развитием языка. В процессе формирования человеческого общества язык стал инструментом поддержания контактов между людьми и важным условием общественного производства.

Что касается определения языка, то различные ученые в разных областях дают языку разные определения. Мы же разделяем точку зрения Пермской школы социолингвистики, согласно которой язык не только является «социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования», но и «внутренней психической структурой, которая представляет собой составляющую сознания, базу речевой способности индивида» [Доценко, Ерофеева Е., Ерофеева Т. 2010: 147].

Соотношение между сознанием и языком ученые объясняют неодинаково. А. Н. Леонтьев полагает, что «...сознание имеет языковую, речевую природу... Иметь сознание — владеть языком. Владеть языком — владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Леонтьев А. Н. 1988: 14]. А. Р. Лурия в книге «Язык и сознание» (1979) показал, что сознание основывается на языке и развивается вместе с ним. Он считает, что возникновение языка и труда является решающим фактором при переходе от поведения животных к человеческому сознанию. Кроме того, «рождение языка привело к тому, что постепенно возникла целая система кодов, которые обозначали предметы и действия» [Лурия 1979: 24]. Следовательно, язык имеет решающее значение для дальнейшего развития сознания. Есть китайская идиома «В словах звучит голос сердца» (言由心生), означающая, что в словах выражаются мысли. Таким образом, мы можем считать, что языковым механизмом обеспечения речевой деятельности человека является языковое сознание.

И. А. Зимняя утверждает, что языковое сознание — это «вербально оформленное отражение действительности <...>, форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 2001: 159]. По мнению Ю. А. Сорокина и В. А. Пищальниковой, языковое сознание — механизм, который связан с орудийно-предметным, речевым и семиотическим сознанием. С помощью языкового сознания мы можем овеществлять индивидуальный, групповой

и этнический опыт познания и участвовать таким образом в конструировании образа мира [Пищальникова, Сорокин 1993]. Т. М. Дридзе указывает, что языковое сознание — это такой «уровень сознания, где образы, представления, мыслительные структуры приобретают языковое оформление» [Дридзе 1976: 201].

В нашем исследовании мы соглашаемся с точкой зрения Е. Ф. Тарасова и полагаем, что языковое сознание — это «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2000: 4].

Следовательно, суть языкового сознания — это вербальное отражение нашего знания, нашего представления об окружающем мире. При этом существует неразрывная связь между формированием языкового сознания и деятельностью личности.

Нет сомнений в том, что слово является основным компонентом языка, а также элементом выражения состояния человеческого сознания. Как пишет А. А. Потебня, «при помощи слова человек снова узнает то, что уже было в его сознании. Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» [Потебня 1993: 302]. Люди используют слова, чтобы выразить все то, что они воспринимают в мире. Следовательно, семантические исследования также имеют решающее значение в процессе исследования языкового сознания.

Язык — это не только средство общения, но и носитель культуры, то есть он отражает культуру народа. А. А. Леонтьев считает, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев А.А. 1993: 20]. В. П. Белянин в книге «Психолингвистика» приходит к выводу, что современные исследования определяют языковое сознание как «слой сознания, который оперирует значимыми элементами конкретного национального языка

(словами, словоформами, фразеологическими оборотами и т. п.)» [Белянин 2016: 33]. Таким образом, в исследовании языкового сознания отражаются национально-культурные особенности социума.

В науке выделяют общественное, групповое и индивидуальное сознание. **Общественное сознание** существует непосредственно в индивидах, и общественные идеи, взгляды и настроения — это формирующиеся в процессе развития общества идеи и взгляды конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях [Ломов 1976].

В «Российской социологической энциклопедии» (далее — РСЭ) определяется **групповое сознание** как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, волеизъявлений, присущих данной социальной группе. С. г. — одно из видов общественного сознания, из которого индивид “черпает” общезначимые идеи, взгляды, представления, модифицируя их на основе групповых интересов и ценностей» [РСЭ 1998: 475].

В «Учебном словаре терминов рекламы и паблик рилейшнз» групповое сознание обозначено как «совокупность идей, взглядов, выражений чувств, настроений, волеизъявлений, присущих определенной социальной, социально-культурной или этнической группе» [Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшнз]. Таким образом, групповое сознание представляет собой общую психологическую, культурную и когнитивную характеристику, сформированную общим содержанием и формой деятельности внутри группы.

Основу **индивидуального языкового сознания** составляет отражение системы языка в сознании его отдельного носителя. В РСЭ приведено такое определение индивидуального сознания: «Сознание индивидуальное — это сознание конкретной личности, принадлежащей к определенному обществу, классу, различным социальным группам и коллективам. В С. и. общественное бытие отражается и осознается через призму индивидуального своеобразия бытия отдельной личности» [РСЭ 1998: 475].

Если человеческое сознание определить как сознание аксиологическое, то оно, по мнению социолога Н. М. Суетиной, «формируется на основе человеческого опыта оценки конкретных событий, явлений и процессов. Ценности, выработанные той или иной культурой, усваиваются непосредственно в процессе социализации. Посредством ее формируются представления о мире, происходит приобщение к духу культуры, идее той или иной эпохи, народа» [Суетина 2008: 89]. Филолог В. В. Матюшина считает, что аксиологическое сознание «ориентировано на выработанные обществом и принятые субъектом сознания ценности. Ценность в данном случае выступает как продукт ценностно-ориентационной деятельности субъекта» [Матюшина 2015: 31]. Следовательно, категория языкового сознания взаимосвязана с категорией ценности.

В Китае понятие «языковое сознание» впервые появилось в области литературоведения для обозначения того факта, что литературоведы уделяют больше внимания тому, как «говорить» и как донести свои идеи до читателей. Эти идеи отражены, например, в статьях 1987 года «Испытание языкового сознания в современных романах» Вэнь Шуто и «Пробуждение лингвистического сознания и другое» Чжун Хафая.

В области лингвистики под влиянием европейской и американской школ некоторые китайские ученые изучали практику преподавания китайского и английского языков с точки зрения языкового сознания. В 1993 году Чэнь Цингуй и Ма Цзянь опубликовали статью «Исследование методов преподавания английского языка с точки зрения языкового сознания», в которой подчеркивалось, что языковое сознание не только влияет на язык, но и ограничивает его, так что существует общность между всеми носителями этого языка. Эта общность, с одной стороны, отличает конкретный язык от других языков, а с другой — позволяет тем, кто говорит на нем как на иностранном, следовать правилам и приближаться к нему с помощью определенных средств [Чэнь Цингуй, Ма Цзянь 1993]. В 1999 году Ли Ян

в статье «Сосредоточьтесь на языковом сознании и войдите в мир языков» так говорит об этом понятии: языковое сознание «относится к чувствительности и самосознанию людей о природе языка и роли языка в жизни человека», то есть означает понимание людьми характеристик, функций, ценностей и значений языка, знание правил использования языка и готовность активно овладевать ими. Языковое сознание подчеркивает тесную связь между языковой формой и языковой функцией, согласованность между языковой концепцией и языковым поведением, а также единство изучения языка и его применения [Ли Ян 1999: 30–31]. В 2001 году Фань Вэйцзе и Ван Цинхуа опубликовали статью «Обсуждение синтаксического языкового сознания в русском языке и сравнение с китайским» — первую работу в Китае, посвященную исследованию языкового сознания носителей русского языка. Авторы предлагают использовать термин «русское синтаксическое языковое сознание» — это конденсированные мысли и идеи с регулярностью языкового построения, метод мышления и метод выражения языка для выражения объективного и субъективного мира [Фань Вэйцзе, Ван Цинхуа 2001: 102].

Предметом изучения китайских ученых выступает и детское языковое сознание. Например, Чжао Вэй исследует взаимосвязь между метаязыковым сознанием и ранним усвоением детьми письменного языка, тем самым давая ориентир для лучшего развития раннего языкового образования детей [Чжао Вэй 2012].

Китайские исследователи языкового сознания испытали влияние российской психолингвистики, проводя эмпирические сравнительные исследования языкового сознания носителей русского и китайского языков, внедряя теории и методы российских психолингвистических исследований [Сюй Гаоюй 2001; Чжао Цюе 2003; Ду Гуйчжи 2006; Чжао Айго 2015; Цзюй Юньшэн 2022; Хуан Тяньдэ 2022 и др.]. Самым известным ученым в этой области является Чжао Цюе, которая впервые представила теорию языкового сознания в статье 2003 года «Попытка обсудить национально-культурные

особенности языкового сознания», в которой она рассмотрела теорию языкового сознания в русском языке и результаты соответствующих исследований в четырех аспектах: картина мира и языковое сознание, функции языкового сознания, национально-культурные особенности языкового сознания и педагогические предложения. В 2008 году она опубликовала статью «Обзор исследований основных русских слов в языковом сознании», где подробно описала результаты исследований российской психолингвистики по ключевым словам языкового сознания, направленного на выявление сходств и различий в мышлении разных народов.

Китайский ученый Сюй Гаоюй в статье «Сознание, смысл в сознании, языковое сознание» показал достижения российской психолингвистики в теоретических и экспериментальных исследованиях сознания, психосемантики и языкового сознания. Автор считает, что они имеют определенное значение для психолингвистики Китая при проведении исследований в этой области [Сюй Гаоюй 2003].

На основе теории и методов исследования языкового сознания большинство китайских ученых применяют ассоциативный эксперимент для исследований языкового сознания носителей разных языков [Чэнь Мэйюй 2013; Чжао Цюе, Хуан Тяньдэ 2015; Яо Цзююань 2019 и др.], при этом используя ассоциативные словари [Чжао Цюе, Чэнь Мэйюй 2013; Чэнь Мэйюй 2013; Чжао Цюе, Хуан Тяньдэ 2015; и др.] наравне с сопоставительным анализом ключевых слов языкового сознания в разных языках [Ву Лижу 2007; Чжао Кунь 2015; Юй Шуан 2013; Ян Жуй 2015 и др.] или концептов в разных культурах [Чжан Чжицзюнь, Ян Мин 2018; Чжан Сиси 2018 и др.].

Поскольку языковое сознание тесно связано с категорией ценности, есть необходимость в определении и описании их взаимосвязи.

Таким образом, и русские, и китайские ученые считают необходимым осветить вопрос о сущности языкового сознания при обращении к описанию категории ценности. При этом именно язык является главным инструментом

для оценивания фактов действительности (см., например: [Богданова 2017; Стернин, Попова 2007, Карасик 2002]).

1.2.2. Терминологический аппарат лексической семантики

Категория ценности является сущностной характеристикой языка, имеет наиболее заметную связь с таким явлением языка, как семантика [Попова, Бокова 2012].

Семантика как наука начинает развиваться во второй половине XIX века и становится одной из основных дисциплин языкознания. В XX веке в семантике отмечается широкий спектр исследований и многие российские лингвисты определяют предмет семантики.

Так, И. М. Кобозева дает следующее определение: «Семантика — раздел языкознания, изучающий содержание единиц языка и тех речевых произведений, которые из этих единиц строятся» [Кобозева 2000: 7]. У нее же: «Термином семантика обозначают не только лингвистическую дисциплину, но и ее предмет (объект)» [Там же: 16].

Российским лингвистом И. М. Кронгаузом семантика понимается как «лингвистическая дисциплина, изучающая план содержания языка в целом, значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи» [Кронгауз 2005: 3]. По его мнению, семантика — это «наука о значении» [Там же: 5], которая «является составной частью не только лингвистики, но и философии, логики и семиотики» [Там же: 13].

В ЛЭС семантика определяется как «1) все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением); 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию; 3) один из основных разделов семиотики» [ЛЭС 1990: 438].

Т. В. Матвеева, автор «Полного словаря лингвистических терминов» (далее — ПСЛТ), дает следующее толкование семантики: «Семантика — значение грамматических единиц (слов, морфем, грамматических форм,

словосочетаний, предложений), а также наука о значении (наука называется также семасиологией). В семантике различается грамматическое (наиболее обобщенное) и лексическое значение, а также значение (семантический факт языка) и смысл (конкретизация значения в речи). Современная семантика исходит из признания системных отношений в лексике и выявляет состав значения языковых единиц на основе их сопоставления между собой, изучения парадигматических, то есть системно-языковых, и синтагматических, то есть речевых, связей» [Матвеева 2010: 405–406].

В лингвистической семантике существует два основных направления: сильная и слабая семантика. «Сильная семантика по сути представляет собой вариант логической семантики — раздела логики, рассматривающего интерпретацию языков логических исчислений на той или иной модели мира. <...> Слабая семантика считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека. Языковые значения — это не фрагменты мира, а способ их представления, отражения в сознании. Для того чтобы выявить этот способ представления, недоступный непосредственному наблюдению, нет необходимости обращаться к самому миру или его модели. Достаточно исследовать отношения между языковыми выражениями внутри самого языка, устанавливаемые носителями этого языка» [Кобозева 2000: 25–26].

Методы и направления семантики в разные периоды различались, но объект, предмет и основные проблемы семантики формулируются обязательно.

Л. А. Новиков в работе «Семантика русского языка» считает, что «предметом семантики <...> как научной дисциплины является исследование значения знаков <...>. Значение — основная категория семантики, ее центральное понятие <...>. Лингвистическая семантика изучает значение единиц естественного языка — морфем, слов, словосочетаний, фразеологических единиц, предложений методами, разработанными в

лингвистике» [Новиков 1982: 5–7]. По его мнению, одним из фундаментальных вопросов семантики является изучение отношений между вещью (предметом, референтом, денотатом), идеей (мышлением, понятием, значением, смыслом, сигнификатом, десигнатом, вообще интерпретацией предмета) и именем (словом, знаком, текстом) [Там же: 7].

Итак, семантика как наука — это раздел языкознания, в рамках которого изучаются значения языковых единиц и взаимоотношения между вещью, идеей и именем.

Учитывая, что единицы разных уровней языка имеют разные типы содержания, семантику можно разделить на морфемную, лексическую и синтаксическую.

В данном исследовании мы изучаем лексическую семантику как «раздел семантики, в котором изучается значение слов. Говоря более точно, эта дисциплина изучает значение слов как единиц лексической подсистемы языка (называемой также словарным составом языка, или просто его словарем, или лексиконом, или лексикой) и как единиц речи. Таким образом, объектом исследования в лексической семантике является слово, рассматриваемое со стороны его означаемого» [Кобозева 2000: 70].

Разные ученые дают слову разные определения. ЛЭС толкует слово так: «Основная кратчайшая единица языка, выражающая своим звуковым составом понятие о предмете, процессе, явлении действительности, их свойствах или отношениях между ними» [ЛЭС 1990: 464].

В ПСЛТ слово рассматривается как «основная семантическая единица языка, которая служит для наименования элементов действительности: предметов, процессов, свойств. Слова закрепляют в памяти и передают знания и опыт людей. С позиций отражения мысли слова — это часть предложения, которая соотносится с предметом мысли как обобщенным отражением определенного участка действительности» [Матвеева 2010: 423]. Вместе с тем оно «характеризуется структурной оформленностью (имеет единое ударение),

непроницаемостью, отдельностью, особой функцией — номинативной, или функцией названия» [Там же: 424].

Приведем некоторые точки зрения на определение значения слова:

– «отражение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, процесса)» [Шмелев 1977: 58];

– «значение слова как номинативной единицы формируется как результат отражения действительности сознанием человека» [Стернин 1985: 7];

– «то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами. Значение благодаря тому, что оно обозначено знаком, приобретает устойчивость и входит в содержание общественного сознания» [Леонтьев А. Н. 1972: 288–289];

– «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Смирницкий 1955: 89].

При всем многообразии высказываний обнаруживается, что за языковыми значениями скрывается человеческое познание мира. А. А. Леонтьев писал, что значения «есть часть общественного сознания и общественно-исторического опыта; и в силу этого они развиваются по общественно-историческим законам, имманентным индивидуальному сознанию. Но в то же время они есть важнейшая образующая этого индивидуального сознания: действительность дана, презентирована в сознании человека как означенная действительность, объективная реальность, переведенная на язык значений. Значения есть форма идеального существования действительности» [Леонтьев А.А. 2011: 10].

И. А. Стернин считает, что целесообразно говорить о двух типах лексического значения. Первое значение, называемое в лингвистике системным, фиксируется в словарях и формулируется лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Такое значение называется лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления в словарях. Лексикографы априори исходят из того, что именно в данном семантическом объеме понимают и употребляют это слово носители языка [Стернин 2005: 4–5]. Однако «лексикографическое значение в большинстве оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда меньше по объему реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения слова в словарных толкованиях не отражены» [Стернин 2006: 4]. При этом И. А. Стернин говорит о том, что «периферийные компоненты значения играют чрезвычайно большую роль в коммуникации. Они в значительной степени обеспечивают коммуникативную гибкость слова, обеспечивают ему широкие номинативные возможности в коммуникативных актах, возможности семантического варьирования; именно периферийные компоненты значения часто оказываются в языке национально-культурно специфическими, именно в них сосредоточивается лингвострановедческая ценность слова» [Стернин 2010: 58]. «В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения — психологически реального (или психолингвистического) значения слова» [Попова, Стернин 2007: 67].

Психологически реальное значение слова есть «упорядоченное единство всех смысловых компонентов, реально связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин 2010: 58]. Это реализация обособленного объема смысловых составляющих слова в единстве всех

образующих его семантических признаков, более или менее ярких, центральных и периферийных.

Значения слов языка составляют интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [Бартминьский 2005: 32]. Отражая общественные ценности, значения слов содержат не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [Апресян 1995: 351]. Таким образом, глубокое изучение нравственных ценностей требует обращения, помимо социального, философского, политического аспектов, еще и к лингвистическому аспекту. Особенно ярко ценностные компоненты значений слов раскрываются в межкультурном общении, что показывает, насколько важно рассматривать категорию ценности как лингвистическую.

Кроме термина «слово», в лингвистике употребителен термин «лексема». Термины «лексема» и «слово» рассматриваются нами как синонимы (см. работу [Денисов 1984]). «Лексема — языковая единица лексического уровня, взятая во всей совокупности своих форм и значений; слово как отдельная составляющая часть лексического состава языка» [Матвеева 2010: 174]. «Лексема, являясь по существу множеством словоформ, обладает лексическим значением (собственным специфическим значением)» [Кронгауз 2005: 102].

Лексическое значение «обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, к которым относятся в первую очередь реальная действительность (отношение к предмету), мышление (отношение к понятию), языковая система (отношение к языку), а также эмоционально-оценочное отношение человека к обозначаемому» [Корлякова 2012: 51–52].

Мы согласны с точкой зрения В. В. Красных, что «значение должно изучаться именно как обобщение», а «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» [Красных 2003: 36]. Т. В. Матвеева в Словаре лингвистических терминов представляет такое строение в виде

семантической структуры слова — это «строение лексического значения слова. Представление о семантической структуре слова выработано на основе компонентного семантического анализа, то есть деления значения на мельчайшие, далее неделимые компоненты — семы» [Матвеева 2010: 406].

Сема — это минимальная единица плана содержания, которая отражает в языке различные стороны и свойства обозначаемых предметов и явлений действительности. В данной работе использован термин «семантический компонент», представляющий по сравнению с семой более крупную семантическую единицу.

Членение значения слова на отдельные компоненты доказывается исследованиями психолингвистов. По их мнению, выбор слова в речевом акте из той или иной семантической парадигмы идет «двумя независимыми, но согласованными путями — на основе иерархии акустик артикуляционных признаков и на основе иерархии семантических признаков, причем первенство принадлежит — в конечном счете — семантическим» [Леонтьев А. А. 1971: 16–17].

В нашем случае через выделение семантических компонентов в лексических значениях лексемы можно определить семантическую структуру лексемы, которая является важным методом семантического исследования слова.

1.3. Характеристика категории ценности в лингвистике

Аксиологическая лингвистика (лингвоаксиология) как самостоятельное лингвистическое направление изучает ценностный компонент в языке. Изучение языка с аксиологической точки зрения представлено в работах российских лингвистов, среди которых выделяются исследования Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Е. Ф. Серебренниковой. Как отмечает В. И. Карасик, предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц

и коммуникативных моделей поведения» [Карасик 2019: 4]. Объектом аксиологической лингвистики являются понятия, «в своей взаимообусловленности образующие данную исследовательскую парадигму: оценивание, оценка, ценность, ценностная ориентация, ценностный смысл» [Базылев 2016: 38].

Таким образом, разделяя мнения других исследователей, характеризующих ценность, обобщает их в следующем определении: «объективный параметр аксиосферы отражает определенную конвенциональность системы ценностей, выработанной предыдущим опытом коллектива и народа в целом, а субъективный параметр исходит из того факта, что всякое аксиологическое отношение в реальности устанавливается конкретным субъектом в конкретных условиях жизни, при этом субъект оценивает предмет или явление, соотнося его не с неким универсальным абсолютным воплощением моральных, социальных или эстетических ценностей, а прежде всего, со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей» [Еременко 2012:15]

1.3.1. Определение понятия «ценность»

Ценность в лингвистике выявляется в значении и может быть проанализирована с помощью семантической интерпретации: ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007: 93]. «При посредстве языка говорящий субъект сам ориентируется в мире своих ценностей и ориентирует других субъектов, оказывая регулирующее влияние на их последующие состояния и действия» [Серебренникова 2011: 17].

Ценность проявляется через языковое и речевое действие людей посредством словесных моделей ценности, создаваемых носителем языка. В качестве примеров выраженности ценностей могут быть такие их названия,

как *добро, свобода, справедливость, правда, красота*. Ценности являются объективным обоснованием стремлений людей, их ориентации и активности. При этом они служат основой как для общества, социальной группы, так и для индивида.

Система общечеловеческих и этнокультурных ценностей определяется в статье Е. Ф. Тарасова «Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей». «Сфера общения членов социума друг с другом и с самим социумом детерминирована ... мировоззренческими универсалиями, которые называются общечеловеческими ценностями (ОЦ)» [Тарасов 2012: 9]. Е. В. Бабаева считает, что ценности — это цели, которые направляют человека в его деятельности и определяют нормы его поведения [Бабаева 2004: 60]. В определении А. Н. Усачевой, ценности — это «исторически сложившиеся обобщенные представления людей о типах своего поведения, возникшие в результате оценочно-деятельностного отношения к миру, образующие ценностную картину мира, закреплённую в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированную в языке этого этноса» [Усачева 2002: 26].

Ю. Д. Апресян полагает, что «ценность представляет не столько классификацию языковых единиц сама по себе, сколько набор признаков, по которым каждая единица попадает в различные пересекающиеся классы» [Апресян и др. 2006: 160; Апресян 2007]. Ценности отражают «приоритетность потребностей всего сообщества по сравнению с потребностями отдельного человека» [Карасик 2019а: 24]. Система ценностей образует внутренний стержень культуры. Именно совокупность наиболее существенных для данной культуры ценностных доминант определяет тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2002].

У каждой личности и у каждой культуры есть своя система ценностных ориентиров. Важным для лингвистов является разграничение между понятием ценности и ценностной ориентацией. Опираясь на высказывание других исследователей, психолог Л. Б. Шнейдер определила их различие: «Ценность

определяется как любой объект, имеющий жизненно важное значение для субъекта (индивида, группы, слоя, этноса), а ценностные ориентации – как отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегически жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [Шнейдер 2009: 135]. Ценностная ориентация в нашей работе рассматривается как ценностный аспект значения лексем.

Полное определение ценности дано в работе В. В. Красных: «...ценности (в любом их понимании) самым непосредственным образом связаны с культурой: они есть, если есть культура, и наоборот, если есть культура, то в ней обязательно есть ценности, которые *формируют определенную систему*. При этом можно говорить, с одной стороны, об иерархии (обще)человеческих ценностей как таковых, которая сложилась как результат опыта культурной деятельности многих народов, и о системе ценностей конкретной культуры (культуры по Ю. М. Лотману, В. Н. Телия, Я. Ассману) – с другой. Например, как показывают социологические [Г. П. Артемов. Политическая социология. Иерархия ценностей современных обществ. Электронный ресурс] и этнопсихолингвистические [Н. В. Уфимцева. Языковое сознание и образ мира славян. Электронный ресурс] исследования, для России характерно преобладание социокультурного типа, представители которого «сфокусированы» на социальное окружение, над социокультурным типом, в котором люди «сфокусированы» на самих себя» [цит. по электронному варианту статьи В. В. Красных «Роль и основные функции культурных ценностей в коммуникации»].

В 2022 году вышла в свет коллективная монография «Общая и русская лингвоаксиология», в которой представлены разные аспекты: аксиология в лексике — аксиология в грамматике — аксиология в дискурсе, где понятие ценности считается важнейшей методологической проблемой лингвистической науки. Цель этого проекта — «выявить приоритетные направления мысли современного носителя русского языка, его ценностные

ориентиры на основе изучения фактов языка; извлечь информацию о состоянии аксиологического сознания, опираясь на данные языка “текущего момента”, специфика которого заключается в переходе на новый уровень коммуникации... Идея оценки и представление о ценностях находят отражение в семантике языковых единиц разных уровней» [Общая и русская лингвоаксиология 2022: 8].

Китайский лингвист Шэнь Хэ полагает, что «ценности — это оценка, суждение и отношение субъекта к тому, обладает ли объект свойствами, удовлетворяющими его потребности, то есть общие и фундаментальные взгляды людей на ценности» [Шэнь Хэ 2019: 31]. Согласно мнению психолога Ян Иинь, ценности — это и склонность человека к выбору, и более глубокий результат его установок и представлений, которые определяют его склонность воспринимать внешний мир и реагировать на него, а значит, являются важными индивидуальными психосоциальными процессами и характеристиками [Ян Иинь 1988: 82].

Как видим, определение категории ценности в науке зависит от разных целей и задач исследования.

1.3.2. Ценность и антиценность

В лингвистике категория ценности состоит из двух противопоставленных категорий — собственно ценности и антиценности. Ценность — субъективная оценка на уровне личностного сознания, которая формируется на основе таких факторов, как собственные потребности, интересы, жизненные идеалы, отражает познание и оценку людьми мира. Человек как часть нации не может не подвергаться влиянию таких факторов, как социальная среда, история, культура, обычаи и язык своего народа. Поэтому нравственные ценности разных людей в языковом сознании также имеют общность, которая и составляет важную часть национального сознания.

В. И. Карасик считает, что языковое сознание «членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное

выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерения» [Карасик 2002: 5]. Исследование ценности является одним из эффективных методик изучения национальной культуры и национального языкового сознания. Следовательно, при анализе социальных и культурных различий категория ценности играет ключевую роль.

Под антиценностью подразумевается все то, что наиболее неприемлемо, отвергаемо, раздражает или угрожает, что осуждается обществом и культурой [Георгиева 2008: 126]. Антиценности — это не природные, а социальные явления, связанные с межличностными отношениями, отношениями в социуме, и они есть явления материальные, хотя и связанные с духовными отклонениями отдельных личностей и сообществ [Кулаева 2018: 93]. Антиценности – это явления, которые обладают объективно отрицательным значением для человека.

Можно согласиться с предостережением философа В. Н. Сагатовского о том, что деление на ценности и антиценности порождает серьезные теоретические проблемы: «У разных человеческих типов и в разных культурах ценности и антиценности могут “меняться местами”» [цит. по электронному варианту Сагатовского]. То, что для одной культуры считается правильным, для другой может быть вредным или антиценным, это же справедливо и для ценностей: «Зло становится ценностью у сатанистов, преступление — у “воров в законе”; богатство в его материальной форме — одна из базовых ценностей американского образа жизни, но оно не является таковой для христианского аскета или йога» [цит. по электронному варианту Сагатовского].

Г. Г. Слышкин отмечает, что философия рассматривает преимущественно положительные ценности, тогда как в лингвистике внимание исследователей обращено как к ценностям, так и к антиценностям. Для лингвистов отрицательные ценности зачастую более привлекательны, чем положительные [Слышкин 2004: 31]. См., например, работу В. И. Карасика, посвященную изучению концепта «лень» [Карасик 2004: 114–119], и экспериментальное

содержательно-структурное исследование значения лексемы 腐败 («коррупция») в современной китайской культуре Цайся Пэй [Цайся Пэй 2018: 225–234].

В рамках данной работы под ценностью понимается то, что оказывает положительное влияние на социальный прогресс и личностное развитие, а под антиценностью — то, что оказывает негативное влияние на эти процессы.

1.3.3. Классификация ценностей

«В науке не существует унифицированной классификации ценностей. Так, ученые чаще всего выделяют виды ценностей по сферам бытия (ценности природы, культуры, социума), способу существования (материальные, духовные, духовно-материальные), содержанию (вещные, этические, эстетические, логические), значимости в жизни человека (бытийные ценности и ценности потребления) и т. д. С формальной точки зрения ценности подразделяют на положительные и отрицательные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные» [Кадачиева, Абдулкадырова 2018: 60].

Пермский лингвист А. В. Голованова рассматривает ценность как отношение субъекта к объекту, поэтому осмысление ценности предполагает выявление той позиции, которая и определяет природу этого отношения. Она выделяет следующие ценности: 1) этические (нравственные), 2) эстетические, 3) утилитарные, 4) гедонистические [Голованова 2002: 56].

В классификации Е. Ф. Серебренниковой выделяются пять специальных областей бытования ценностей: 1) область Истины (ценность определяется в терминах «истинно — ложно»); 2) область Прекрасного («прекрасное — уродливое»); 3) область Этики («хорошо — плохо»); 4) область Удовольствия («приятное — отвратительное»); 5) область Практической пользы («полезно — бесполезно — вредно» [Серебренникова 2011: 29].

Рассматривая общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, социально-групповые и индивидуальные ценности, В. И. Карасик предлагает следующую классификацию. «По содержанию (объектный подход) выделяются

приоритеты: а) определяющие условия биологического состояния человека (базовые ценности физического бытия), б) характеризующие пользу и вред для индивидов (утилитарные ценности), в) раскрывающие природу долга и ответственности (моральные ценности), г) объясняющие суть духовного бытия и смысла жизни (терминальные ценности). По дискурсивной специфике можно противопоставить ценности, определяющие установки и поведение людей в разных ситуациях общения: обиходного и профессионального, светского и религиозного, естественного и учебного, повседневного и ритуального, серьезного и шуточного и др. По уровню конкретизации и степени обязательности противопоставляются: а) собственно ценности, б) конкретизирующие их нормы в виде запретов, предписаний и правил, в) уточняющие их обыкновения, традиции и стереотипные реакции» [Карасик 2022: 15–16].

Китайские ученые Хуан Ситин, Чжан Цзиньфу и Ли Хун разделяют ценности на 10 типов: политические, моральные, эстетические, религиозные, профессиональные, межличностные, супружеские, собственные, жизненные и счастливые. Ученые считают, что в системе ценностей жизненные ценности являются доминирующими, поскольку выполняют сдерживающую роль по отношению к другим ценностям в системе [Хуан Ситин, Чжан Цзиньфу, Ли Хун 1994: 10–13].

Китайский психолог Хуан Гуанго делит ценности на две основные категории: 1) ценности, касающиеся способа поведения индивида, называемые инструментальными ценностями, включая моральные ценности и ценности компетенции; 2) ценности, касающиеся состояния цели существования, называемые терминальными ценностями, включая ценности человеческой природы и социальные ценности [Хуан Гуанго 1995: 290–291].

В настоящем исследовании классификация ценностей исследуемых лексем представлена в работе следующими типами: базовые ценности (*любовь — счастье*), моральные ценности (*добро — зло*), и основанные на признаках

социального поведения этнокультурные ценности (*вежливость* — *трудолюбие*); выделенные типы классификации определяются по тому или иному ведущему принципу.

1.4. «Язык морали» в китайской лингвистике

Под влиянием лингвистического поворота в философии XX века многие ученые стали анализировать роль языка с точки зрения этики. В ходе этого процесса знаменитый специалист по этике R. M. Hare написал книгу «Язык морали», которая считается классической работой на пересечении лингвистики и этики. R. M. Hare полагает, что язык морали — это прескриптивный язык [Hare 1952]. В «Новой философской энциклопедии» (речь идет о русском издании) так определяется это понятие: «Язык морали — грамматические и лексические средства естественного языка, с помощью которых выражаются моральные позиции, требования, рекомендации, оценки, императивы, чувства и т. д. Базис языка морали составляет небольшое количество оценочных (называемых также нормативными, прескриптивными и др.) терминов, взятых в специфически моральном смысле: “добро”, “зло”, “долг”, “справедливость” и др., а также производных от них слов — “добрый”, “злой”, “правильный”, “неправильный” и др. В языке морали имеется также обширный класс слов, выполняющих двойную, нормативно-дескриптивную, функцию: они одновременно и обозначают (описывают) те или иные реалии человеческого сознания и бытия, и дают им моральную (позитивную или негативную) оценку, например: “добродетель”, “милосердие”, “щедрость”, “сострадание”, “порок”, “злоба”, “жестокость”, “распутство” и пр.» [Новая философская энциклопедия].

Многие китайские ученые тоже изучали язык морали. Так, Хуан Фуфэн в работе «О месте и роли языка морали в моральном мышлении» говорит, что язык морали является основным инструментом морального мышления: он обеспечивает мотивацию и норму морального мышления для субъекта, обобщает и абстрагирует объекты, позволяет формировать моральные понятия,

делает возможными суждения и рассуждения. Отдельным лицам язык морали может помочь хранить моральную информацию и формировать определенную ментальную структуру. Язык морали также играет важную роль в изменении моральных установок и прояснении ценностей для других [Хуан Фуфэн 2003].

Чэнь Шэн в статье «Моральный дух, язык морали и моральное применение» считает, что моральный дух — это душа морали, а язык морали — носитель морального духа. Моральный дух, моральные понятия, моральные правила и моральные принципы — все они суммируются из событий и имеют относительно точные определения и конкретный диапазон адаптации при установлении. Однако с течением времени и социальными изменениями понимание людьми некоторых моральных понятий и принципов стало расходиться. В сочетании с простотой письменности и абстракцией моральных понятий людям стало труднее понять и усвоить моральный дух. Следовательно, необходимо изучить взаимосвязь между моральным духом, языком морали и моральным применением [Чэнь Шэн 2003: 8].

Некоторые ученые формулируют язык морали с точки зрения конфуцианства. Юй Мяо в работе 2007 года «Классификация и функционирование языка морали: современная интерпретация об учении “исправления имени” Сюньцзы» обсудил мысль об «исправлении имен» в конфуцианской этике с точки зрения языка морали, сосредоточившись на теории исправления имен Сюньцзы и полагая, что их исправление относится к правилам в области морали; социальной формой этого регулирования является этикет. Он считает, что моральный смысл может быть определен на трех уровнях языка, которые можно назвать комплексными именами, ожидаемыми именами и предписанными именами [Юй Мяо 2017].

Комплексное имя происходит от содержания, указанного в соглашении, и является описательным и оценочным. К этой категории можно отнести имена, выражающие в конфуцианской этической системе добродетель, такие как «гуманность», «справедливость», «ритуал», «мудрость», «доброе

намерение», «преданность родителям и старшим братьям». Все они могут описывать тип поведения и имеют значение моральной оценки. Например, если мы используем «гуманность» для оценки человека, это означает, что он может получить высшую оценку по конфуцианской системе моральной оценки. Юй Мяо считает, что такие понятия стали ценностным стандартом в сердцах людей и частью этнопсихологии китайской нации.

Ожидаемое имя порождается ожиданием субъекта относительно референта, имеет одновременно описательный и оценочный характер того, что должно быть. Понятия, выражающие отношения в конфуцианской этике, можно классифицировать по именам «правитель» (君), «придворные» (臣), «отец» (父), «сын» (子), «муж» (夫), «жена» (妇) и др. Нравственное значение таких понятий заключается в удовлетворении ролевых нравственных ожиданий. Например, «отец» (父) должен воспитывать потомство, иметь способность к воспитанию с любовью детей. Если человек соответствует этим требованиям, люди будут его ценить, если нет, то наоборот.

Предписанное имя исходит из согласованности того, что самое репрезентативное — это «имя», ни к чему не относящееся и не содержащее нравственной оценки. В таких именах есть не только логическая абстракция, но и логическая предписываемость, например «держитесь правой стороны» в правилах дорожного движения: «право» не имеет морального значения, а «идти справа» не имеет моральной ценности, но обязательная согласованность «должен идти справа», представленное сочетанием «держаться правой стороны» содержит моральный смысл. Нравственное значение имеет то, что, если вы идете не по правой стороне, велика вероятность аварии, что создает необходимость обязательного согласия у отрицательной стороны. И такого рода обязательная согласованность, порожденная с отрицательным характером следствия с отрицательным характером следствия, является общественной моралью.

Юй Мяо считает, что в современном Китае указанные типы языка морали имеют два важных направления трансформации. Преобразование ожидаемого языка морали в предписанный язык морали проявляется как преобразование контекста человеческих отношений в законы и правила; преобразование предписывающего языка морали в составной язык морали, например «совершенно мудрый» (圣人), является высшим стандартом китайской классической личности, хотя этого трудно достичь; но как только у индивида появятся эти благородные нравственные эмоции, то он будет использовать общие социальные нормы языка морали в своих собственных потребностях. Это является важным путем к продвижению нравственности [Юй Мяо 2017].

Сян Юйцяо считает, что язык морали в китайском языке представляет собой «нормативную языковую систему, сложившуюся в китайском обществе, в основном используемую китайской нацией и выражающую в качестве своего основного содержания морально-ценностную привлекательность китайской нации» [Сян Юйцяо 2022: 26]. По его мнению, есть три пути развития языка морали в китайском языке: народный, официальный и академический. Народ является широчайшим полем для возникновения и развития языка морали в китайской интерпретации, который обеспечивает социальный фон и реальные условия для создания китайского языка морали и способствует его постоянному развитию. Основная обязанность правительства состоит в том, чтобы направлять развитие языка морали в китайской интерпретации и обеспечивать разумные административные нормы для его развития. В академических кругах китайские ученые проводят академические исследования, выдвигают концепции, выдвигают идеи, вносят академические элементы в язык морали, то есть вносят важный вклад в развитие языка морали.

В статье 2022 года «Составные элементы языка морали и его этическая идеографическая функция в китайском языке» Сян Юйцяо объясняет язык морали в китайском языке, опираясь на шесть аспектов: этическая идеографическая функция китайского языка, этическая идеографическая

функция китайских иероглифов, этическая идеографическая функция китайской лексики, этическая идеографическая функция грамматики китайского языка и этическая идеографическая функция риторики — этический идеографический способ китайского языка морали и его характеристики, которые помогут углубить понимание языка морали в китайском языке. В статье он отметил, что когда китайцы выражают мораль на китайском языке, то произношение передает определенные этические значения. Например, древние китайцы считали, что добродетель (德 dé) и получение (得 dé) имеют одинаковое произношение и значение. В «Ли цзи·Канон сыновней почтительности» есть такое предложение: «德者，得也», что означает добродетель — это получение. Они верят, что добродетель — это то, что должно быть у каждого, точно так же, как гуманность, справедливость, ритуал, мудрость, доброе намерение, которые есть у всех. Другой пример: Конфуций считает, что действительно хорошая музыка должна быть совершенной (尽善尽美), поэтому прослушивание музыки может заставить людей чувствовать себя превосходно (善) и красиво (美) одновременно. Древние китайцы стремились использовать понятие «добродетель» для того, чтобы указывать людям цели, имеющие ценности.

Китайские иероглифы — это идеограммы и пиктограммы, форма и значение китайских иероглифов тесно связаны. Форма китайских иероглифов включает в себе богатые и глубокие этические смыслы. Сян Юйцяо взял в качестве примера слово «ритуал» — 礼. Оно изначально относилось к важным действиям или поведению людей, приносящих жертвы богам и молящихся о благословениях. Это основная причина, по которой слово высоко ценится в китайском обществе. Китайская нация уделяет внимание «правилам этикета», «приличия» и «этикету» с древнейших времен до наших дней и стремится построить «страну церемоний» — и в этом ее источник возникновения.

В конце статьи Сян Юйцяо делает вывод: «Язык морали выражает призыв не только к особой моральной ценности человека, но и к универсальной моральной ценности человечества. Язык морали в китайском языке часто выражает надежду и стремление китайской нации к универсальной моральной ценности. Например, когда Конфуций использовал «совершенство — 尽善» и «идеальность — 尽美» как критерии оценки музыки, он фактически рассматривал «превосходный» и «прекрасный» как общий стандарт или принцип для создания и оценки «хорошей музыки». Когда китайская нация рассматривает положение «Чтобы сделать дело, надо сначала быть человеком» (要做事, 先做人) как моральную истину, это означает, что рассматривается такая истина, как универсальный этический принцип или моральная истина, которая верна для всего мира [Сян Юйцяо 2022: 35].

Таким образом, в китайском языке существует связь не только между произношением и значением иероглифов, но и между синтаксической конструкцией и понятием морали. Исторические и культурные ассоциации вносят дополнительный слой в семантическое значение китайских иероглифов, что делает китайский язык уникальным и богатым, позволяющим передавать концепции и идеи через логографическую систему письменности.

Поскольку китайские иероглифы и выражения имеют культурные и эмоциональные коннотации, отражающие ценности для общества, категория ценности и лексическая семантика находятся в тесной взаимосвязи. Язык служит средством передачи и закрепления ценностей. Это позволяет считать важным изучение лексической семантики для понимания культурных и социальных основ социума.

1.5. Выводы

В первой главе сформулированы следующие теоретические основания диссертационной работы.

1. Ценность определяется как важная философская категория, которая изучается восточными и западными философами с древних времен. Ученые

выделяют три типа сущности категории ценности: субъективистскую, объективистскую и реляционистскую. Сущность ценности есть категория отношения субъекта и объекта, а характеристика ценности связана с сущностью. Ценность содержит разные взгляды людей на мир и способы поведения, показывает представления людей, их ценностные ориентации и нравственные стремления.

2. Основанием лингвистического исследования категории ценности является языковое сознание, отраженное в терминологическом аппарате лексической семантики. Языковое сознание формируется под влиянием таких факторов, как история и культура, с которыми оно связано; выражается через содержательные элементы и семантическую структуру слова.

3. Характеристика категории ценности в лингвистике дается через определение понятия ценности, представленности ценности в биполярной структуре.

Определяется классификация ценностей. Типами классификации ценностей исследуемых лексических единиц в работе являются базовые ценности (*любовь — счастье*), моральные ценности (*добро — зло*), и основанные на признаках социального поведения этнокультурные ценности (*вежливость — трудолюбие*); выделенные типы классификации определяются по тому или иному ведущему принципу.

4. В настоящее время в Китае актуальна проблема исследования категории ценности — языка морали как инструмента для выражения моральных понятий. Это общий для всей китайской нации язык морали, с помощью которого китайцы записывают свой моральный опыт, передают свои моральные мысли, выражают свои моральные чувства, описывают свою моральную волю и свое моральное поведение, объясняют свои моральные убеждения.

Изучение моральных ценностей позволяет выявить национально-специфические особенности языкового сознания китайского народа. В следующей главе мы обсудим материал и методы исследования ценностного компонента в содержании и структуре изучаемых лексических единиц русского и китайского языков.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Теоретические основания методики исследования

Методика исследования в диссертационной работе определяется двумя подходами – социолингвистическим и психолингвистическим.

2.1.1. Социолингвистический подход

Еще в конце XIX века известный русский ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ впервые обратил внимание на необходимость, наряду с психической стороной, изучать и социальную сторону языка: «Так как язык возможен только в обществе, то мы должны в нем отмечать сторону социальную» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 15]. Основы социолингвистических исследований были заложены в 20–30-х годах XX века в трудах Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Р. О. Шор, М. В. Сергиевского, Е. Д. Поливанова, изучавших язык как общественное явление на основе историко-материалистических принципов анализа общественных отношений.

Знаменитый китайский мыслитель III века до нашей эры Сюньцзы раскрыл социальную природу языка в труде «Чжэнмин» («Книга праведного имени»), хотя в современном понимании этот труд не является социолингвистическим исследованием. По словам Го Си, книга китайского ученого Чэнь Юаня «Язык и социальная жизнь: заметки по социолингвистике», опубликованная в 1980 году, считается знаменательным моментом в становлении социолингвистики в Китае. Это первая книга, написанная на китайском языке, где социолингвистика описывается как существенное направление в науке [Го Си 2002]. В XX веке социолингвистика в Китае вступила в период активного развития, в течение которого появилось множество тематических исследований и опубликовано большое количество статей и монографий. В начале XXI века социолингвистика стала более зрелой, с более подробными исследовательскими проблемами и более научными методами исследования. Например, китайские лингвисты

не ограничиваются лексико-фонетическими исследованиями, а переходят на синтаксический уровень и уделяют внимание проблеме языкового варьирования с точки зрения общей языковой системы [Чжао Жунхуй 2005].

Социолингвистика в Китае «в основном использует теорию и методы лингвистики, а также социологии, этнологии, культурной антропологии, социальной психологии и других дисциплин для изучения социальной природы и различий языка с точки зрения различных дисциплин, а также для исследования взаимозависимости языка и общества» [Чжоу Циншэн 2010: 11].

Сегодня в социолингвистике существует два основных направления исследований: макросоциолингвистика и микросоциолингвистика. «Макросоциолингвистика изучает крупномасштабные процессы и отношения, которые имеют место в языке и которые в той или иной степени обусловлены социальными факторами» [Беликов, Крысин 2001: 246]. Иными словами, она изучает такие глобальные проблемы языка в обществе, как языковая политика, языковое планирование и развитие, языковые конфликты и т. д. Микросоциолингвистика изучает использование языка, его изменение и взаимосвязи с социальным контекстом во время межличностного речевого взаимодействия в разных социальных группах. Микросоциолингвистика фокусируется на языковых явлениях и социальных факторах как на неотъемлемой производной, при этом считается, что социальные силы выступают основными факторами, влияющими на структуру языка. В области микросоциолингвистики существуют различные исследовательские школы. В данной работе мы используем теоретические и методические основы Пермской школы социолингвистики, где утверждается: «1) язык является социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования; 2) язык одновременно является и внутренней психической структурой, которая представляет собой составляющую сознания, базу речевой способности индивида; 3) социально-психологическая сущность языка предполагает, что эта структура имеет активный динамический характер:

в зависимости от коммуникативной ситуации (в широком смысле слова) и знаний носителей языка система может перестраиваться и достраиваться; 4) существенной чертой языка являются вероятностные характеристики, на которые индивид опирается в своей речевой деятельности» [Доценко, Ерофеева Е., Ерофеева Т. 2010: 147].

В области социолингвистики принято использовать термин «социальный фактор». Природа социального фактора определяется как «системно организованное социальное действие разной структуры в обществе, в определенной сфере деятельности. Социальный фактор в процессе речевой деятельности (практики) порождает, обуславливает конкретное проявление социальности языка. Многообразие социальных факторов вызывает многообразие конкретных проявлений социальности языка» [Влияние социальных факторов... 1988: 7; Дешериев 1977]. В. П. Тимофеев дает более развернутое определение социального фактора: «Социолингвистическими факторами надо считать физические, психические, социальные способности и склонности говорящих индивидов, исторические факторы, культурные, бытовые, хозяйственные и военные события и явления, связи и отношения, которые определяют изменение и развитие общего и индивидуального языков или, наоборот, способствуют их устойчивости» [Тимофеев 1971: 9].

В диссертации при исследовании материала рассматриваются социальные страты-факторы. Страта «есть конституирующий признак биологических, социальных и психологических свойств, характерных для определенной общности (группы)» [Ерофеева Т. 2004: 34]. Термин «страта» означает не только слой людей, но и признак стратификации. Опираясь на исследования Пермской школы социолингвистики, мы учитываем следующие социальные страты: этнос, гендер, специальность, уровень образования. Они определяют речевое поведение человека и описывают то, как человек себя ведет, как он воспринимает окружающий мир при взаимодействии с другими людьми. При этом «сложность методики социолингвистического анализа обусловлена тем,

что отбор, анализ и интерпретация языковых явлений проводятся в контексте социальных явлений. Это способствует использованию не какого-нибудь одного метода, а целого их комплекса. Иными словами, следует найти такие методы исследования, которые бы дали возможность определить характер соотношения социальных переменных» [Ерофеева Т. 2009: 33].

В предлагаемой работе исследуются этноспецифические особенности значений и личностных смыслов, закрепленных за лексемами ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в сознании представителей русского и китайского социумов. В пятой главе, посвященной изучению содержания и структуры лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в групповом сознании русского и китайского социумов, рассмотрены содержание и структура значения этих лексем в понимании различных социальных групп, объединенных по стратам этнос, уровень образования, специальность и гендер. Рассмотрим эти страты.

Этнос, по мнению этнографа Ю. В. Бромлея, «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием)» [Бромлей 1983]. У каждого этноса своя культура, язык является носителем и кристаллизацией национальной культуры, а также наиболее типичным ее выражением, поэтому этнический фактор влияет на понимание ценностей в русском и китайском социумах.

Образование. Эта страта оказывает влияние на многие языковые и когнитивные особенности индивида, и при проведении любых социолингвистических исследованиях считается обязательной, так как она влияет на все уровни речевой деятельности. В диссертации представлена двумя градациями: студенты бакалавриата и студенты магистратуры.

Специальность также влияет на речевую продукцию говорящего. В данной работе эта страта имеет две градации: гуманитарии и негуманитарии.

Гендер рассматривается как социальный, а не биологический фактор (см., например: [Кирилина, 1999; Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникация 2022]). Эта страта традиционно исследуется почти во всех социолингвистических и психолингвистических работах.

Важным моментом в социолингвистических исследованиях является использование принципа балансировки выборки информантов, суть которого заключается в том, что выборка состоит из одинакового количества информантов по любому фактору, указанному в эксперименте [Штерн 1992; Чэнь Яо 2022]. В нашей работе в процессе проведения лингвистических экспериментов количество информантов сбалансировано по каждой страте. Это позволяет получить достоверные результаты влияния социальных факторов на выявление ценностных аспектов значения лексем в языковом сознании русского и китайского социумов.

2.1.2. Психолингвистический подход

Термин «психолингвистика» впервые введен в исследования американским психологом Робертом Кантором в 1936 году. Академическое название «психолингвистика» было официально принято американскими лингвистами и психологами на семинаре только в 1953 году, а публикация коллективной монографии «Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems» в 1954 году ознаменовала признание новой дисциплины. Психолингвистика разрабатывает проблемы, которые в прошлом затрагивались такими учеными, как В. Ф. Гумбольдт, К. Бюлер, С. Фрейд, Р. Юнг, Г. Гийом, Ж. Пиаже, Л. С. Выготский.

Российская психолингвистика возникла как самостоятельная дисциплина в середине 1960-х годов и с ориентацией на теории Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева, Н. И. Жинкина, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, М. М. Бахтина, С. Д. Кацнельсона и представлена различными

психолингвистическими школами, созданными в Москве (А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, Р. М. Фрумкина, А. М. Шахнарович, Ю. С. Сорокин), Санкт-Петербурге (Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич, Л. В. Сахарный, А. С. Штерн), Перми (Л. Н. Мурзин, Е. В. Ерофеева, Т. И. Доценко, Т. Н. Чугаева) и др. Исследование языкового сознания является одним из важных направлений российской психолингвистики. Язык как феномен культуры влияет на мышление носителей, формируя тем самым важное средство познания как себя, так и других. В российской психолингвистике разрабатываются модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации индивида и осуществляется их экспериментальная проверка (см. работы: [Леонтьев А. А. 2003; Горелов, Седов 2001; Фрумкина 2014; Залевская 2007] и др.).

Психолингвистика в Китае зародилась в XX веке в связи с движением Четвертого мая. После реформ и открытости изучение психолингвистики постепенно расширялось. Китайский ученый Ли Шаошань считает, что китайскую психолингвистику можно условно разделить на три этапа: первый относится к периоду с конца 1970-х до конца 1980-х годов и является этапом внедрения, введения и освоения. В это время ученые в основном разрабатывают базу для проведения психолингвистических исследований в Китае и первоначально исследуют связь между психолингвистикой и преподаванием иностранных языков. Второй этап — с начала и до середины 1990-х годов — является этапом исследований, когда результаты западной психолингвистики продолжают внедряться, базовые исследования укрепляются, доля эмпирических исследований увеличивается, а их результаты постоянно применяются к различным аспектам преподавания иностранных языков. Третий этап — с середины 1990-х годов по настоящее время — характеризуется бурным всесторонним развитием дисциплины, при котором направления и глубина исследований значительно расширяются, а сфера применения исследований охватывает практически все аспекты преподавания

иностранных языков [Ли Шаошань, Ли Чжисюэ 2007: 28]. В Китае психолингвистические теории применяются в том числе для изучения детского языка. В работе Цуй Ган и Чжан Юэ «Лингвистическое исследование детских языковых расстройств» рассматривается усвоение языка детьми [Цуй Ган, Чжан Юэ 2002].

В нашей работе мы используем психолингвистический подход для изучения значения лексемы в языковом сознании разных социумов. Основные положения этого подхода заключаются в том, что 1) язык понимается как деятельностная структура — «значения как социальные по своей сущности единицы; универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням; специфические для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и восприятия)» [Леонтьев А.А. 1965: 42]; 2) значение слова есть единство общения и обобщения, что означает существование слова в реальном процессе общения; при этом «внутренняя сторона слова, его значение, выступает как психологический эквивалент обобщения в качестве неотчуждаемого от субъекта умственного образа» [Ярошевский 1993: 35].

Таким образом, психолингвистический подход дает нам возможность «по-новому взглянуть на сам предмет лингвистики — язык; определить его как деятельностную структуру, состоящую из двух языков: внутреннего концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, не имеющего отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнего, формального, предназначенного для общения с другими носителями той же культуры» [Российская психолингвистика: итоги и перспективы 2021: 9].

Рассмотрение языкового сознания в психолингвистическом ключе позволяет глубже исследовать природу сущности ценности, характеризующую ту или иную культуру. В нашем случае помогает описать семантику языковых единиц с точки зрения категории ценности, то есть показать как общие, так и национальные культурные ценности для русского и китайского языков.

2.2. Характеристика материала исследования

2.2.1. «Словарь русской ментальности» и два Национальных корпуса китайского языка

Материалом для проведения диссертационного исследования послужили контексты «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка, в которых выбраны лексемы ДОБРО / 善 и ЗЛО / 惡.

«Словарь русской ментальности» опубликован в 2014 году. Авторами являются В. В. Колесов, Д. В. Колесова и А. А. Харитонов. Словарь разделен на два тома: А – О и П – Я.

За годы составления словаря «изменились иллюстративные материалы (подключались актуальные цитаты из газет и журналов, появлялись взаимно противоречащие характеристики разных авторов и т. д.), расширился словник (до 3000 статей) <...> Возникла мысль включить в текст словарной статьи дополнительную информацию о происхождении слов, об их движении в историческом контексте, об актуальном значении слова сегодня и т. д.» [Словарь русской ментальности 2014: 3].

В аннотации к словарю читаем: «В “Словаре русской ментальности” на основе высказываний авторитетных русских писателей, философов и общественных деятелей воссозданы национальные особенности русской материальной, духовной и культурной среды на фоне европейских культурных ценностей, с которыми они пересекаются. Ментальные отличия и сходства культур даны через аналитическое описание русских концептов в их содержательных формах (образ — понятие — символ), отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры; определены культурные влияния и их последствия (как благотворные, так и нежелательные)» [Словарь русской ментальности 2014: 2].

Словарная статья состоит из трех частей: определение данного слова; народные речения (поговорки, афоризмы, устойчивые сочетания

и т. д.), извлеченные из старых сборников, начиная с XVII века и сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»; оригинальные тексты классиков.

На основе высказываний авторитетных русских писателей, философов и общественных деятелей в словаре представлены характеристики русского слова, которые являются результатом обобщенного размышления об этимологии литературного русского языка.

Новизна этого словаря состоит в том, что впервые концепты русского слова были определены путем исследования, систематизации и анализа образцов русской лингвистической мысли. В то же время беспрецедентная широта и репрезентативность охватываемых источников способствуют точности и объективности окончательного определения. Следовательно, словарь устанавливает не только типологические особенности русского сознания, характера и поведения в языковой форме русской культурной традиции, но и специфические национально-исторические особенности русского сознания, характера и поведения.

Создание лингвистического корпуса в Китае началось в конце 1970-х годов. Корпус разделен на общий корпус и корпус специального назначения. Корпус специального назначения состоит, в свою очередь, из межъязыкового, древнекитайского и речевого. В ходе данного исследования были выбраны два корпуса общего назначения, которые в настоящее время являются наиболее широко используемыми и влиятельными: «Сбалансированный корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности» (国家语委现代汉语通用平衡语料库) и языковой корпус Центра китайского языкознания при Пекинском университете (北大语言中心 CCL 语料库).

«Сбалансированный корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности» представляет собой универсальный образец корпуса современного письменного китайского языка, созданный при поддержке Комитета

по применению национального языка Китайской Народной Республики. Его создание началось в 1993 году и было завершено в конце 1998 года. Сбалансированный корпус современного китайского языка содержит около 100 миллионов знаков.

Цель построения корпуса — объективно отразить полную картину современного китайского языка. Структурный дизайн корпуса соответствует принципам универсальности, описательности, практичности и случайности с целью обеспечения его баланса и репрезентативности.

Материалы по современному китайскому языку, включенные в языковую базу данных, состоят из трех основных категорий (социальные науки, естественные науки и комплексные науки) и примерно 40 подкатегорий. Источниками корпуса являются учебники, газеты, комплексные публикации, профессиональные журналы, книги и т. д. Пропорции различных типов корпуса следующие: языковой материал социальных, в том числе гуманитарных, наук составляет 59,6% от общего объема корпуса; языковой материал естественно-научных дисциплин — 17,24% от общего объема корпуса; комплексный языковой материал — 9,36% от общего объема корпуса. Кроме того, общий объем корпуса на основе учебников содержит 20 миллионов знаков, которые включены в различные типы корпусов по дисциплинам. Газетный языковой материал составляет 13,79% от общего объема корпуса.

Языковой корпус Центра китайского языкознания при Пекинском университете (北大 CCL) — это крупномасштабный корпус китайского языка, разработанный Центром китайской лингвистики Пекинского университета (далее — CCL). Языковой корпус CCL основан в январе 2000 года. Первая версия корпуса CCL выпущена в конце 2004 года. С тех пор корпус расширился, произошло обновление функций поисковой системы в 2006, 2009 и 2014 годах; с 2014 года и по настоящее время корпус постоянно совершенствуется.

Корпус CCL включает корпус современного китайского языка, корпус древнего китайского языка и параллельный корпус, выравненный по китайско-

английским предложениям. Корпус современного китайского языка насчитывает около 600 миллионов иероглифов, включающих тексты различных жанров и типов речи. Это, например, языковой материал из интернета, разговорная речь различного уровня, тексты из литературных произведений китайского языка, деловая речь, тексты переводной литературы, а также периодические издания (газеты, журналы и т. д.). В современной части корпуса синтаксическая разметка и частеречная разметка отсутствуют.

Из Сбалансированного корпуса современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности и языкового корпуса Центра китайского языкознания при Пекинском университете выбраны тексты, включающие только лексемы 善 («добро») и 恶 («зло»).

Поскольку не во всех корпусах присутствует частеречная разметка, следует рассмотреть вопрос о проблеме частей речи в китайском языке.

2.2.2. О проблеме выделения частей речи в китайском языке

Проблема частей речи является центральной в теории грамматики. Китайский язык не обладает такой богатой морфологией, как индоевропейские языки, поэтому следует определить принцип частеречной классификации слов. По вопросу, связанному с частями речи в китайском языке, в Китае были организованы две важные дискуссии: одна — в конце 1930-х – начале 1940-х годов, другая — в середине 1950-х годов.

Впервые систему китайской грамматики создал Ма Цзяньчжун, считая иероглиф основной единицей китайского языка, он же обосновал учение о частях речи. Однако его критерии выделения частей речи не были уникальными и фиксированными, поэтому в итоге он пришел к выводу, что «не существует определенных частей речи» [Ма Цзяньчжун 1983].

Такой вывод способствовал дальнейшей дискуссии среди китайских ученых, которые высказывали мнения о том, как можно классифицировать слова.

Китайский ученый Чэнь Чэнцзе выдвинул дистрибуцию в качестве критерия для разделения частей речи, то есть то, в какой позиции предложения находится слово и какой вид составляющих предложения оно принимает. Ученый фактически определяет части речи через взаимосвязи между словами, считает, что круговая аргументация между частями речи и словами, составляющими предложения, является одной из основных проблем китайского языка [Чэнь Чэнцзе 1922].

В 1924 году Ли Цзиньси опубликовал первую в Китае систематическую и полную грамматику современного китайского языка, воплотившую национальные особенности, а именно «Новописьменную китайскую грамматику», в которой он разделил слова по пяти категориям и девяти типам, утверждая, что различные понятия, выраженные в словесной организации, делятся на ряд категорий, которые называются частями речи. Он разделяет части речи по значению. Существительные — это имена вещей, они необходимы для представления сущностей в идеях. Глаголы используются для описания действия или изменения вещей. Части речи в китайском языке связаны с предложениями, и не существует фиксированного класса слов [Ли Цзиньси 1924].

В работе «Система и метод» ученый Фан Гуантао предложил ввести термин «обобщенная морфология» (广义形态), утверждая, что части речи необязательно выявлять только в предложениях — их можно установить из взаимосвязей и сочетаний между словами. Фан Гуантао доказывает это следующим примером: *поскольку и одна штука туши (тушь – краска для рисования или написания. – Примеч. наше) (一块墨), и одна штука железа (一块铁) могут сочетаться с «одной штукой (一块)», то они, безусловно, могут быть включены в одну и ту же категорию слов* [Фан Гуантао 1986].

Дискуссия о частях речи китайских слов в 1953–1955 годах возникла на основе статьи советского лингвиста Н. И. Конрада «О китайском языке», в которой он утверждал, что в китайском языке существует грамматическая

категория частей речи. Так, Люй Шусян считает, что части речи объективно существуют в китайском языке: в китайском языке не все знаменательные слова имеют одинаковые грамматические характеристики, поэтому их можно представить в системе частей речи. Критерий классификации слов не должен ограничиваться изменениями в формах слов. Он объединил сочетание слов и их способность выступать в качестве компонентов предложения, считая, что структурные отношения являются основным критерием для классификации [Люй Шусян 1954]. В своей более ранней работе «Грамматическое обучение» он уже утверждал, что «значение и отношения между словами» являются критерием классификации частей речи [Люй Шусян 1953]. Следовательно, критерии классификации слов у Люй Шусяна основаны на структурных отношениях, а значение нужно только для справки. В работе 1942 года он разделил слова на семь категорий и девятнадцать подкатегорий, а в работе 1980 года – на тринадцать категорий и более тридцати подкатегорий, при этом способ деления слов на части речи стал более четким и теоретически более углубленным.

Лингвист Ван Ли считает, что деление слов на части речи необходимо, во-первых, потому, что позволяет обучающимся правильно использовать родной язык в соответствии с грамматическими особенностями различных типов слов; во-вторых, части речи помогают «определить лексическое и синтаксическое повествование» [Ван Ли 2015: 283–284]. По его мнению, существует три критерия для деления частей речи: 1) значение слова играет определенную роль в разделении частей речи, а основное значение слов должно быть определено морфологией и синтаксисом; 2) при наличии морфологических изменений в первую очередь должны использоваться морфологические критерии, включая характер формообразования и характер словообразования; 3) синтаксический критерий является наиболее важным и играет решающую роль там, где морфологический критерий не может быть использован. Эти

критерии взаимосвязаны, и при классификации частей речи слова должны одновременно подходить под все три критерия [Ван Ли 1955].

Другие лингвисты придерживаются мнения, что китайские знаменательные слова не могут быть классифицированы, поскольку китайский язык не имеет морфологических вариаций, как, например, индоевропейские языки. Так, Гао Минкай настаивал на том, что в китайских знаменательных словах не существует различий между существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Чтобы объяснить свою точку зрения, он последовательно опубликовал три статьи: «О разделении частей речи в китайском языке» (1953), «Еще раз о разделении частей речи в китайском языке» (1954) и «Трижды о разделении частей речи в китайском языке» (1955). В более поздний период Гао Минкай признавал, что существует соответствие между частями речи и синтаксической функцией, но настаивал на том, что китайские реальные слова не имеют фиксированных характеристик класса, поскольку китайские знаменательные слова имеют разнообразные значения в области частей речи. Он считал, что изучение китайской грамматики не должно строиться по образцу западной — оно должно следовать особенностям китайского языка и идти по пути самостоятельного творчества.

Начиная с 1980-х годов многие ученые обращают внимание на эту проблему и считают, что в китайском языке существуют части речи.

Чжу Дэси, один из самых известных китайских исследователей грамматики, полагает, что важнейшим основанием для разделения частей речи является грамматическая функция слов, то есть «способность слов к сочетанию» [Чжу Дэси 1985: 14]. «Деление частей речи на основе морфологии — это только метод, средство, которое возможно потому, что оно основано на синтаксической функции слов. Морфология — это не более чем признак функции» [Чжу Дэси 1999: 58]. Кроме того, отношения между частями речи и синтаксическими компонентами в китайском языке являются запутанными и сложными, и между ними существует соответствие «один

ко многим». В китайском языке существительные могут использоваться как дополнение и подлежащее, сказуемое и определение; глаголы могут использоваться как сказуемое, подлежащее и дополнение. Это одна из особенностей китайской грамматики.

Чжу Дэси предложил проводить различие между «грамматическими свойствами» и «грамматическими признаками». Грамматическое свойство частей речи означает общность всех слов в одном классе частей речи, а поскольку это общность всех слов, то она включает и общность между классами частей речи. Грамматические признаки частей речи означают грамматические свойства, которые присущи только этому классу, а не другим, то есть подчеркивается индивидуальность класса, которая отличает его от других классов [Чжу Дэси, Лу Цзявэнь, Ма Чжэнь 1961: 55]. В словах одних и тех же частей речи в разных грамматических позициях могут проявляться разные грамматические свойства [Там же: 57]. Таким образом, «части речи — это класс, основанный на распределении слов. Но невозможно перечислить все распределения слов, поэтому мы можем выбрать только некоторые критерии (для классификации), которые имеют функцию идентификации» [Там же: 92].

В настоящее время в Китае существуют школы, ученые которых придерживаются разных точек зрения на выделение частей речи в современном китайском языке. Так, многокритериальная школа выступает за комплексное использование нескольких критериев для классификации слов; однако в научном сообществе нет единого мнения, какие критерии следует использовать и на каких критериях следует сосредоточиться. Большинство же ученых однокритериальной школы считает, что для классификации слов можно использовать только грамматическую функцию, но при этом отсутствует единое определение понятия «грамматическая функция»: в основном это функция словосочетаний либо функция компонентов предложения. Существует и такая точка зрения: грамматическая функция

должна включать как функцию компонентов предложения, так и функцию фразеологических сочетаний.

В 2009 году китайский ученый Шэнь Цзясюань, опираясь на когнитивную лингвистическую теорию и теорию лингвистической типологии, предложил следующую модель сдерживания китайских классов слов: существительные, глаголы и прилагательные в индоевропейских языках дискретны, с небольшим количеством пересечений, тогда как в китайском языке они находятся в отношениях «сдерживания», когда существительное содержит глагол, а глагол содержит прилагательное (рис. 1).

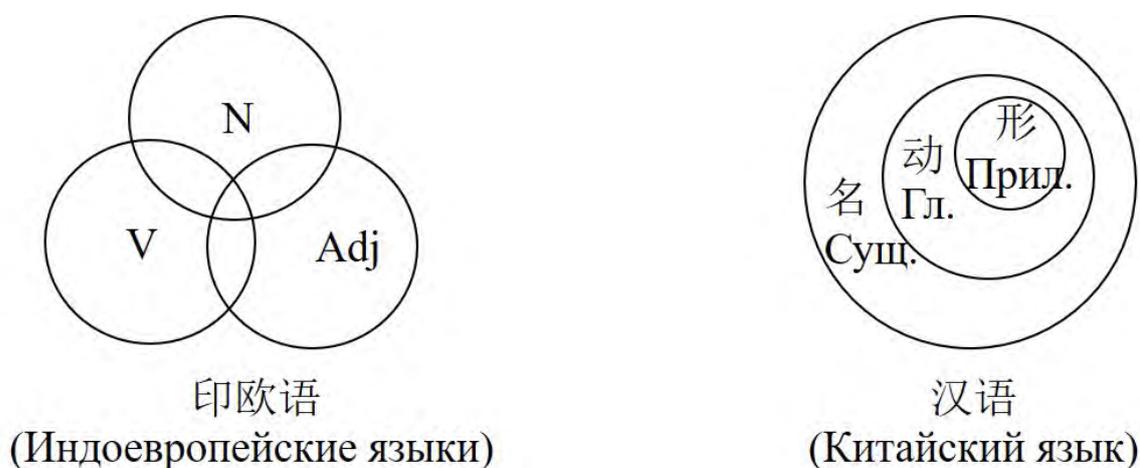

Рисунок 1 — Существительное, глагол и прилагательное
в индоевропейских языках и китайском языке

Модель демонстрирует, что глаголы в китайском языке могут выступать в роли подлежащего и дополнения, а прилагательные — почти во всех синтаксических компонентах китайского языка. Он утверждает: даже если мы признаем, что прилагательные в китайском языке являются подклассом глаголов, различие между прилагательными и глаголами все равно существует, а значит, имеет смысл различать глаголы и прилагательные [Шэнь Цзясюань 2009].

По настоящее время в классификации частей речи современных китайских слов существует множество сложных проблем, таких как разделение служебных и знаменательных слов, знаменательных слов на субстантив, сказуемое, приложение и т. д.

По мнению Пань Янь, слово с несколькими различными грамматическими категориями должно одновременно удовлетворять следующим условиям: во-первых, слово является омофоничным и гомоморфным; во-вторых, оно обладает грамматическими характеристиками более чем двух типов частей речи, то есть обладает грамматическими характеристиками слова класса А в одном контексте и грамматическими характеристиками слова класса В в другом контексте; в-третьих, значения не должны быть идентичными, но слова должны быть связаны по значению; в-четвертых, слово должно часто употребляться как слово другого типа частей речи, чтобы его можно было рассматривать как партитивный класс [Пань Янь 2018: 310–311].

В китайском языке также существует явление использования слов в несвойственных им функциях, когда слово части речи А временно используются как слово части речи В ради риторических нужд в определенных обстоятельствах [Гань Юйлун, Цинь Кэся 1993: 133–134]. Так, слово «退步» («уступать») — глагол, но иногда в предложении оно используется как существительное: 随意发动战争是全球合作道路上的退步。 = Развязывание войны по своему усмотрению — это **шаг назад** на пути к глобальному сотрудничеству. Глагол «退步» в этом предложении ставится в позицию «объектно-ориентированного слова» — **шаг назад**, то есть временно наделяется грамматическими характеристиками существительного.

Подводя итог обсуждению проблемы частей речи в китайском языке, приведем мнение исследователя Е. И. Шутовой: «В общелингвистическом плане опыт предметного обсуждения проблемы частей речи в китаеведении интересен прежде всего с точки зрения оценки эффективности функционально-синтаксического критерия как формального основания выделения частей речи в языках со слабо развитой морфологией» [Шутова 2003: 62]. См. также мнение Е. С. Бойко, Н. Н. Кошкарновой о системе частей речи в русском и китайском языках: «Российское и китайское языкознание

признает наличие частей речи в китайском языке, но критерии их выделения все еще остаются предметом спора ученых...Пожалуй, важнейшим для китайского языка является синтаксический критерий. Таким образом, китайская морфология практически полностью определяется синтаксисом и по праву может называться позиционной, а подходы к выделению или классификации частей речи в китайском и русском языках совершенно очевидно не могут совпадать» [Бойко, Кошкарова 2024: 206].

В нашем исследовании рассматриваются шесть китайских лексем: 善 («добро»), 恶 («зло»), 爱 («любовь»), 幸福 («счастье»), 礼貌 («вежливость»), 勤劳 («трудолюбие»).

В Большом китайско-русском словаре (далее — БКРС) эти лексемы классифицируются с точки зрения частей речи по-разному. 善 («добро») определяется как существительное, как прилагательное (добрый, хороший, знакомый), как глагол (дружить с кем, делать что-то хорошо) и как наречие (умение, как следует, легко) [БКРС 2009: 1773]. 恶 («зло») определяется как существительное и как прилагательное (злой) [Там же: 1643]. В нашей работе рассматриваются только лексемы, отмеченные в словарях как существительные.

При отборе материала в двух Национальных корпусах китайского языка, где нет различия частей речи, проанализированы предложения, в которых лексемы 善 («добро») и 恶 («зло») относятся к существительным на основе функционально-синтаксического критерия.

2.3. Методы сбора и обработки материала исследования

Материалом исследования послужили два источника: данные «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка; данные лингвистического эксперимента.

Из «Словаря русской ментальности» выделено 73 вербальных контекста, в которых есть лексемы ДОБРО и ЗЛО: 23 контекста содержат только лексему

ДОБРО, 24 контекста — лексему ЗЛО, в 26 контекстах фиксируются обе лексемы, противопоставленные в одном предложении. Из двух Национальных корпусов китайского языка определены 65 вербальных контекстов, включающих лексему 善 «(добро)» — 22 контекста, лексему 恶 «(зло)» — 13 контекста, и лексемы 善 — 恶 «(добро — зло)», где обе лексемы противопоставлены в одном предложении — 30 контекстов. Всего в работе рассмотрено 138 контекстов из «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка.

Сбора материала для исследования значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 ведется экспериментальным путем. В тридцатые годы XX века Л.В. Щерба впервые высказал мысль о необходимости такого эксперимента и заложил его теоретические основы в лингвистических исследованиях [Щерба 1974]. В данной работе лингвистический эксперимент проведен с помощью анкетирования, которое представляет собой практическое приложение психологического метода интроспекции, известного как самонаблюдение из работы В. Вундта. Интроспекция — это основной метод исследования значения слова в лексической семантике; в нашем исследовании рассматривается как наблюдение «над теми ментальными объектами и процессами, которые связаны с данным словом» [Кобозева 2000: 180]. Таким образом, когда объектом семантического исследования является родной язык, то исследователи должны пригласить носителей родного языка, чтобы проанализировать, как они сами употребляют и интерпретируют слово.

Учитывая, что наше исследование посвящено представлению о любви, счастье, вежливости и трудолюбии в языковом сознании русских и китайских информантов, проведено два лингвистического эксперимента с использованием анкетирования, основанного на методе наивного толкования слов.

Информантам предложено заполнить анкеты, ответив на такие вопросы:

«Как Вы понимаете слово *любовь*?», «Как Вы понимаете слово *счастье*?», «Как Вы понимаете слово *вежливость*?», «Как Вы понимаете слово *трудолюбие*?». 20 русских и 20 китайских информантов определили, как они понимают лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 (80 ответов); 32 русских и 32 китайских информантов — как они определили лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 (128 ответов). В целом в экспериментах приняли участие 104 информанта.

Выборка информантов в том и другом случае сбалансирована по стратам. Для примера приведем схему балансировки китайских информантов, определявших значение лексемы 礼貌 («вежливость») — рис. 2.

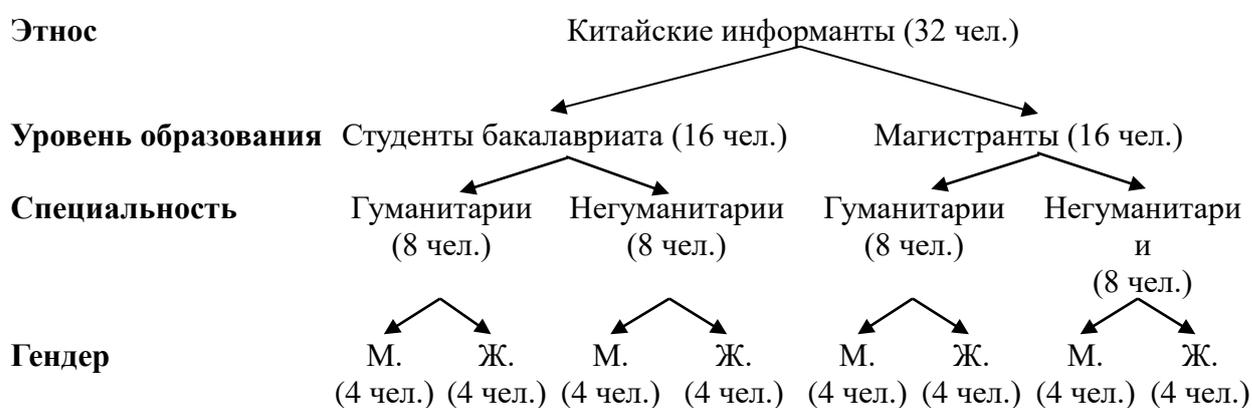

Рисунок 2 – Граф балансировки совокупности китайских информантов для определения значения лексемы 礼貌 («вежливость»)

В диссертации проанализировано шесть русских и шесть китайских лексем. При обработке значений этих лексем использовался метод компонентного анализа.

Термин «компонентный анализ», введенный в лингвистику У. Гуденафом [Goodenough 1956], впервые как метод был предложен Н. С. Трубецким при исследовании фонем, Р. О. Якобсоном — при анализе падежной системы русского языка. Метод был использован Н. Ф. Алефиренко, И. М. Кобозевой, В. Н. Телия при исследовании лексической семантики. В. А. Звегинцев считает, что компонентный анализ «является выражением дискретности, одного из основных принципов современной науки» [Звегинцев 1962: 30], именно

в этом состоит его главное преимущество. С точки зрения Л. М. Васильева, он является инструментом, «с помощью которого мы можем проникать в тайны внутренней организации языка как системы, в частности, в тайны структурной организации семантической системы языка» [Васильев 2006: 467].

Компонентный анализ можно определить как метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, разрабатываемый в рамках структурной семантики и имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие [Кузнецов 1986: 8]. «Значение... слов состоит из элементарных смысловых единиц — семантических компонентов, сем, соответствующих выделенным при сопоставлении признакам. Предположение о том, что значение каждой единицы языка (в том числе слова) состоит из набора семантических компонентов — одна из основных гипотез, на которых базируется метод компонентного анализа» [Кобозева 2000: 110]. Сущность метода состоит в том, что лексические значения слов можно охарактеризовать определенным набором минимальных семантических признаков — сем. В нашем случае используется термин «семантический компонент», представляющий по сравнению с семой более крупную семантическую единицу.

Для примера возьмем лексему ДОБРО, рассмотренную в «Словаре русской ментальности» в 23 контекстах, где в значении лексемы выделяются девять семантических компонентов: 1) эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал — в десяти контекстах; 2) реальность; верный путь в жизни — в пяти; 3) понимается по-разному индивидом — в четырех; 4) способ действительного достижения блага — в трех; 5) сила добра, результат усилий — в двух; 6) смысл жизни; благо, которое способствует общему благу — в двух; 7) истина — в двух; 8) не может быть глупым — в одном; 9) высшее измерение добра — Бог и вечность — в одном. Полученные семантические компоненты представлены в таблице 1, состоящей из двух колонок: в первой показаны девять семантических компонентов,

расположенных по иерархии количественных показателей, указанных, в свою очередь, во второй колонке в абсолютных цифрах и процентах.

Таблица 1 — Семантические компоненты лексемы ДОБРО

Семантический компонент	Частота семантического компонента	
	Абс.	%
Эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал	10	33,3
Реальность; верный путь в жизни	5	16,7
Понимается по-разному индивидом	4	13,3
Способ действительного достижения блага	3	10,0
Сила добра; результат усилий	2	6,7
Смысл жизни; благо, которое способствует общему благу	2	6,7
Истина	2	6,7
Не может быть глупым	1	3,3
Высшее измерение добра — Бог и вечность	1	3,3
Итого	30	100

Общее количество семантических компонентов лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶 и ДОБРО — ЗЛО / 善 — 恶 составляет в сумме 155 таких компонентов; лексем ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 — 381 компонент.

В диссертационном исследовании большое внимание уделяется анализу семантической структуры лексемы. На основе психологически реального значения слова определяется семантическая структура лексемы, чтобы 1) охарактеризовать специфику психологически реального значения информантов в сравнении со словарным значением лексемы; 2) выявить особенности национальной специфики значений, закрепленных за лексемами.

Анализ частоты встречаемости семантических компонентов позволил определить три зоны в семантической структуре каждой лексемы.

Первая зона (ядро) включает наиболее частотные семантические компоненты, обозначающие постоянные, обязательные и неустранимые признаки предмета.

Вторая зона (предъядерная) — зона важных, актуальных для информантов смыслов с достаточно высокой частотой встречаемости семантических компонентов.

Третья зона (периферия) — зона индивидуальных реакций, в которых выделяемые семантические компоненты каким-либо образом уточняют актуальные смыслы слова. Периферия может быть представлена в разных экспериментах двумя зонами — ближней и дальней, которые выявляются с помощью метода перепада от более высокой частоты к менее высокой.

Таким образом, в семантической структуре каждой лексемы выделенные семантические компоненты имеют различную степень значимости и выстраиваются в зависимости от частоты встречаемости в текстах.

Распределение семантических компонентов по зонам позволяет выявить актуальные семантические компоненты в понимании слов. Представим полученные материалы в виде графика, на котором определены данные в процентном соотношении. Границы зон проводились по методу «каменистой осыпи», где линия слома показывает границу между точками процентных показателей зон (рис. 3).

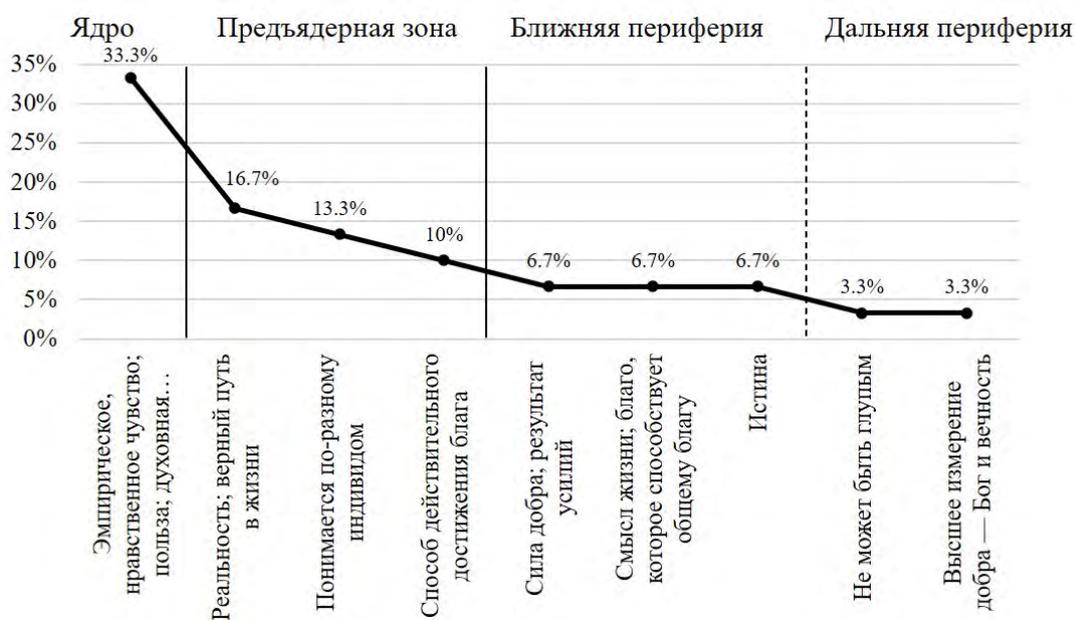
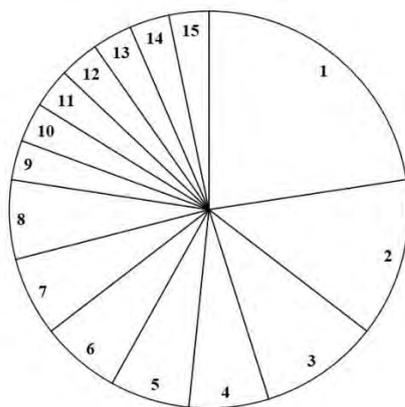

Рисунок 3 – Семантическая структура лексемы ДОБРО в контекстах «Словаря русской ментальности»

Анализ лексем 善 («добро»), ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в русском и китайском языках осуществлен по такому же плану.

Семантические компоненты лексем ДОБРО — ЗЛО / 善 — 恶 приведены на диаграмме, которая показывает степень частоты использования семантических компонентов. Для примера покажем диаграмму лексем ДОБРО — ЗЛО в контекстах «Словаря русской ментальности» (рис. 4).

Примечание. 1) Зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра, избыток зла порождает добро; 2) Борьба добра и зла как условия их существования; 3) Интерес общества к различению добра и зла; 4) Добро — зло неразделимы; 5) Свободное добро предполагает свободу зла; 6) Каждый народ понимает добро и зло по-своему; 7) Добро — зло изменяемые; 8) Добро — зло существуют в индивидуальной жизни; 9) Виды добра — зла противоречат друг другу; 10) Зло проходит, добро остается; 11) Добро как желаемое и достойное одобрения, зло как нежелаемое, достойное порицания; 12) Добро — истина, зло — ложь; 13) Добро ведет к счастью, а зло — наоборот; 14) Зло — это плен, добро — это свобода; 15) Добро — зло имеют своим источником волю.

Рисунок 4 — Семантический антипод лексемы ДОБРО — ЗЛО в контекстах «Словаря русской ментальности»

Наиболее частотными по употреблению в диаграмме даны три семантических компонента под номерами 1–3, которые составляют общую ценностную ориентацию нравственной системы русского социума. Семантические компоненты под номерами 4–8 с частотностью 2 конкретизируют направленность и связанность добра и зла: добро и зло не статичны и существуют в индивидуальной жизни; каждый народ понимает добро-зло по-разному. Характеристика семантики лексемы ДОБРО — ЗЛО с частотностью 1 по употреблению определена в семантических компонентах

с 9 по 15, достаточно конкретными в семантическом плане, противопоставленными в значении лексемы по своей сущности: добро всегда побеждает зло; общество различает добро и зло, одобряя первое и порицая второе (рис. 4).

На этапе анализа полученных данных использован сравнительно-сопоставительный метод для выявления общих и специфических характеристик содержания и структуры лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в русском и китайском социумах. Для этого созданы рисунки, где сопоставляются семантические компоненты, полученные в результате стратификационного исследования каждой лексемы по ядру, предъядерной и периферийной зонам. В качестве примера покажем ядро значений лексем ВЕЖЛИВОСТЬ/礼貌 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера (рис. 5).

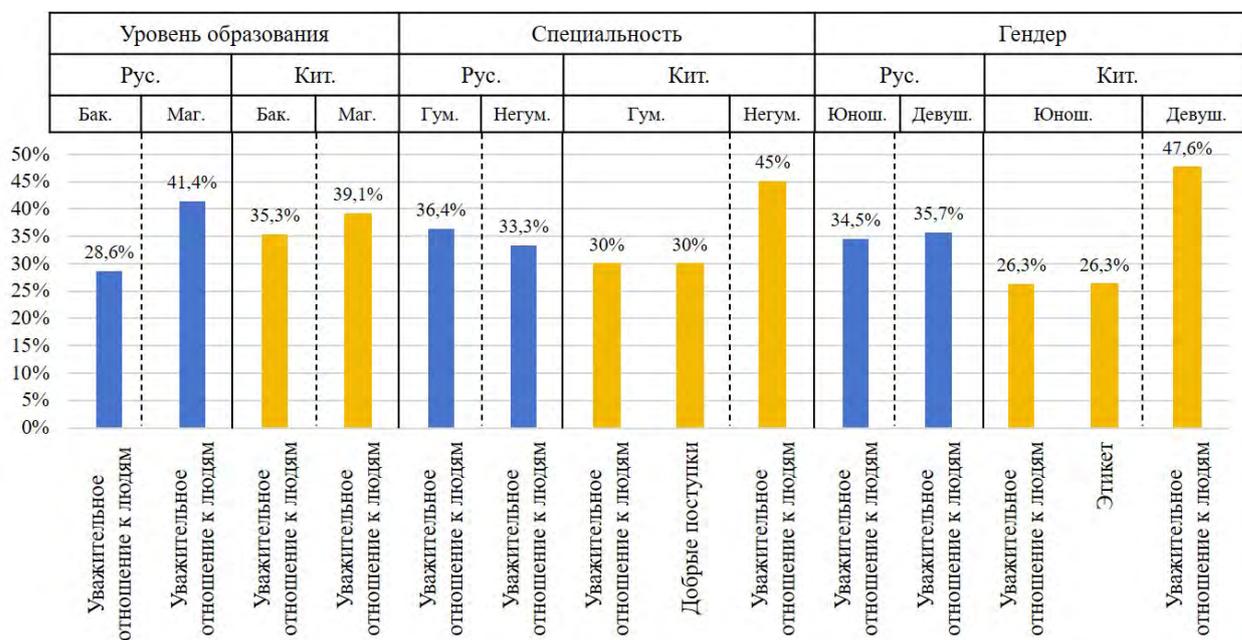

Рисунок 5 – Ядро семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

2.4. Выводы

В данной диссертационной работе был использован комплексный подход к выбору методов для исследования содержания и структуры разных лексем в языковом сознании русского и китайского социумов.

На основе социолингвистического подхода в процессе проведения эксперимента проведена балансировка количества всех информантов по стратам «этнос», «уровень образования», «специальность», «гендер» для определения «характера соотношения лингвистических и социальных переменных» [Ерофеева Т. 2009: 33], то есть для изучения влияния разных страт на значение лексем в языковом сознании русского и китайского социумов.

На основе психолингвистического анализа определена семантическая структура лексем, в основе которой лежит принцип распределения полученных по частотности реакций по зонам — ядра, предъядерной зоны и периферии.

Сопоставительный анализ распределения семантических компонентов по зонам помог установить общие и специфические точки понимания значения лексем группами русских и китайских информантов.

Поскольку материалом нашего исследования являются имена существительные, рассмотрен также вопрос об определении частей речи в китайском языкознании и приведены многочисленные мнения китайских ученых по этому поводу. В данной диссертации для определения частей речи использован функционально-синтаксический критерий (см. 2.2.2).

**ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ
И АНТИЦЕННОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ СОЦИУМАХ
ПО ДАННЫМ «СЛОВАРЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ»
И ДВУХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

3.1. ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶 как основные понятия категории ценности

Ценность как фундамент жизни человечества влияет на наши мысли и тем самым незримо задает направление жизни. Разные культуры своеобразно отражают ценности. Как отметил В. Г. Белинский, «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его манере понимать вещи» [Белинский 1974: 2]. Таким образом, категория ценности играет важную роль в познавательном процессе и является одним из системообразующих факторов культуры.

ДОБРО и ЗЛО являются основными понятиями в категории ценности, основным стандартом для суждения о поведении в целом, основным средством национальных эмоциональных оценочных суждений и важными полярными понятиями, которые репрезентируют соответственно ценность и антиценность.

Сегодня существует множество трактовок понятий ДОБРА и ЗЛА. В Философском энциклопедическом словаре они рассматриваются как «нормативно оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно положительное благо, а с другой — нравственно отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности» [Философский энциклопедический словарь 1983: 171].

В «Словаре по этике» ДОБРО квалифицируется как «одно из наиболее общих императивно оценочных понятий морали и категорий этики; выражает положительное нравственное значение явлений общественной жизни в их соотнесенности с идеалом. Противоположность Д. — зло» [Словарь по этике 1989: 75]. ЗЛО — как «одно из основных понятий морального сознания и этическая категория; обозначает негативные стороны действительности,

деятельности людей и отношений между ними. З. противоположно добру, благу и в самом общем своем определении есть то, что препятствует удовлетворению интересов человека и человечества» [Словарь по этике 1989: 96].

ДОБРО и ЗЛО — уникальные культурные явления в человеческом обществе и вечная ценностная тема человека. В качестве основных понятий ценности они составляют стандарт, по которому люди судят о значении различных вещей. Недаром слова (понятия, концепты) ДОБРО и ЗЛО вместе и по отдельности постоянно становятся предметом исследования с разных ракурсов на материале разных языков: во фразеологии современных узбекского и английского языков [Normamatov 2020, 2021], в немецком и узбекском языках (по материалам соответствующих словарей) [Nazarova 2022], в Библии на материале 30 языков (корпусное исследование параллельных текстов) [Knobloch 2021], в книге Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» [Marchuk et al. 2022]. На материале английского языка в диахронии (начиная с древнеанглийского периода по XX века включительно) проведено масштабное исследование семантических полей *good* и *evil*, включающее более 9 тысяч лексических единиц [Thornton 1988]. Нельзя не отметить, что более половины единиц — около 63% — составляют поле ЗЛО, тогда как на поле ДОБРО приходится лишь 37% [Thornton 1988: 337–338].

«Язык... можно рассматривать как систему ориентиров, необходимых человеку для деятельности в мире его родной культуры, то есть в социальном или предметном мире» [Уфимцева 2003: 102]. Он как зеркало национальной ментальности отражает национальное понимание мира. Напомним, что в настоящем диссертационном исследовании язык представляется «социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования», а также «внутренней психической структурой, которая представляет собой составляющую сознания, базу речевой способности индивида» [Доценко и др. 2010: 147].

Исследование лексем 善 («добро») и 恶 («зло») в китайской этике претерпело ряд эволюционных изменений. В современном понимании, как и в древнее время, 善 («добро») является специальным термином в этике и имеет свое значение. Об этом читаем в словаре «Шовэнь цзецзы»: 善 («добро»), и 義 («правильная мораль»), и 美 («красота») имеют один и тот же смысл. Слово 義 («правильная мораль») подчеркивает благопристойность, а слово 美 («красота») указывает на внешний вид, роскошный и торжественный; в то же время все они служат жертвенным действиям [Цзяо Гочэн 2013: 32–34]. Мы считаем, что представления морально-этических ценностей 善 («добро») и 恶 («зло») находятся в динамическом процессе и изменяются с развитием общества. Кроме того, 善 («добро») и 恶 («зло») как фактор общества имеют стабильные и базовые значения, отражающие особенности китайской национальной культуры.

3.1.1. Содержание и структура лексем ДОБРО и ЗЛО в русском социуме

Для исследования семантики лексем из «Словаря русской ментальности» выбраны 73 контекста, в которых есть лексемы ДОБРО и ЗЛО. Среди них 23 контекста содержат только лексему ДОБРО, 24 контекста — лексему ЗЛО. В 26 контекстах фиксируется и ДОБРО, и ЗЛО, содержательно противопоставленных друг другу в одном–двух предложениях; в философском определении — это единство противоположностей, объединенных в семантическом плане, своеобразная «связанная по значению диада», определяемая как категория «ценности – антиценности».

В 23 контекстах словаря определено девять семантических компонентов лексемы ДОБРО: 1) *эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал* — 10 контекстов; 2) *реальность; верный путь в жизни* — пять; 3) *понимается по-разному индивидом* — четыре; 4) *способ действительного достижения блага* — три; 5) *сила добра, результат усилий* — два; 6) *смысл жизни; благо, которое способствует общему благу*, — два;

7) истина — два; 8) не может быть глупым — один; 9) высшее измерение добра — Бог и вечность — один. Полученные семантические компоненты описаны в таблице 1 главы 2 «Семантические компоненты лексемы ДОБРО».

Данные семантические компоненты можно представить графически. В результате получим семантическую структуру лексемы ДОБРО, репрезентированную в языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей. Семантическая структура лексемы состоит из ядра, предъядерной зоны и периферии. Границы зон проводились по методу «каменистой осыпи», где линия «слома» показывает границу между точками процентных показателей зон (рисунок 6).

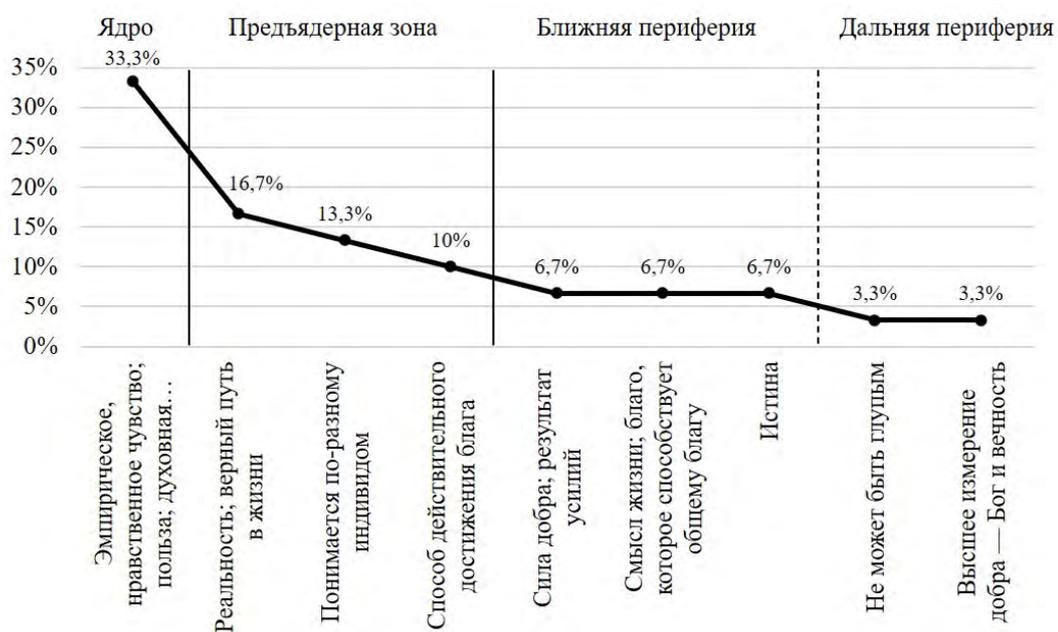

Рисунок 6 — Семантическая структура лексемы ДОБРО в контекстах «Словаря русской ментальности»

Ядро состоит из одного семантического компонента: *эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал* (33,3%).

Предъядерная зона включает три семантических компонента: *реальность; верный путь в жизни* (16,7%), *понимается по-разному индивидом* (13,3%), *способ действительного достижения блага* (10%).

Периферийная зона состоит из пяти семантических компонентов, которые репрезентируют ближнюю и дальнюю периферию. Ближняя

периферия: *сила добра, результат усилий* (6,7%), *смысл жизни; благо, которое способствует общему благу* (6,7%), *истина* (6,7%). Дальняя периферия: *не может быть глупым* (3,3%), *высшее измерение добра — Бог и вечность* (3,3%).

Следовательно, ДОБРО в языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей определяется как позитивное нравственное чувство, полезное и доброе, «высшее благо» (по философскому определению). Оно божественно. Каждый индивид понимает добро по-своему. Добро есть «...верный себе путь жизни во всем и до конца — для всех...» (Вл. Соловьев).

По такому же плану описана лексема ЗЛО. В 24 контекстах словаря выявлены семь семантических компонентов, определяющих лексему: 1) *характеристика зла с точки зрения реальности или идеальности* — девять контекстов; 2) *сопоставление категории зла с другими категориями (совесть, грех, вина, свобода, слабость)* — шесть; 3) *общая характеристика зла* — три; 4) *существует повсюду* — два; 5) *понимается по-разному индивидом* — два; 6) *исправляется при жизни* — два; 7) *человечество не может существовать без зла* — один. В таблице 2 приведены семантические компоненты лексемы ЗЛО.

Таблица 2 — Семантические компоненты лексемы ЗЛО

Семантический компонент	Частота семантического компонента	
	Абс.	%
Характеристика зла с точки зрения реальности или идеальности	9	36,0
Сопоставление категории зла с другими категориями (совесть, грех, вина, свобода, слабость)	6	24,0
Общая характеристика зла	3	12,0
Существует повсюду	2	8,0
Понимается по-разному индивидом	2	8,0
Исправляется при жизни	2	8,0
Человечество не может существовать без зла	1	4,0
Итого	25	100,0

Данные семантические компоненты можно представить графически — таким образом мы получим семантическую структуру лексемы ЗЛО, репрезентированную в языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей. Границы зон проводились по линии «слома» между точками процентных показателей групп. Количество семантических компонентов определено в процентах (рисунок 7).

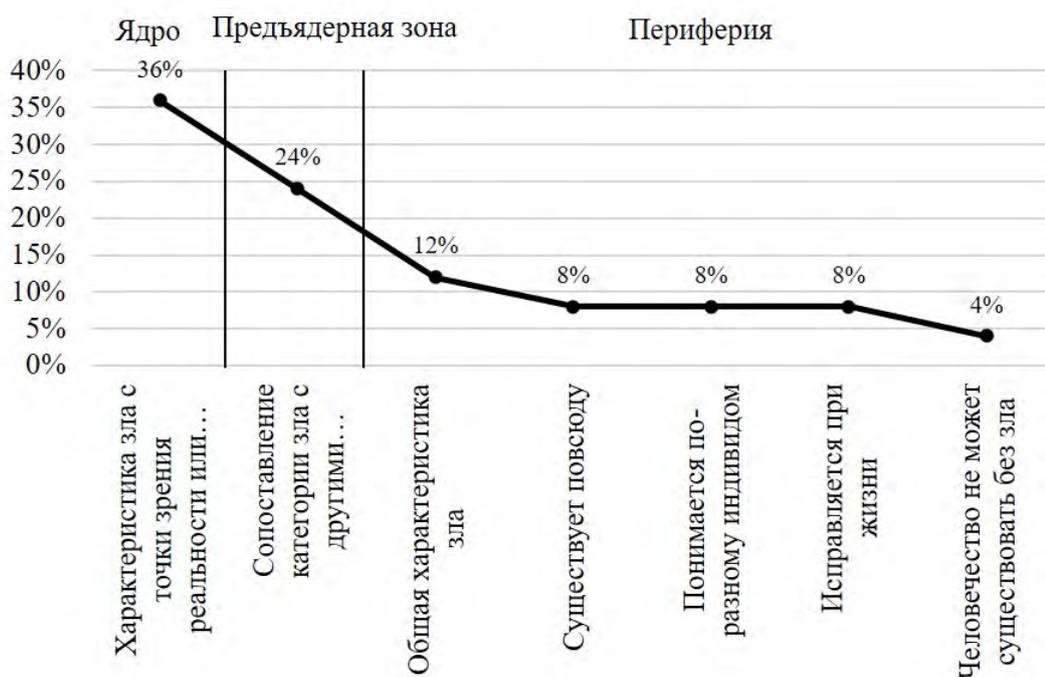

Рисунок 7 — Семантическая структура лексемы ЗЛО в контекстах «Словаря русской ментальности»

Как видим на рисунке 7, ядро лексемы ЗЛО состоит из одного семантического компонента — *характеристика зла с точки зрения реальности или идеальности* (36%).

Предъядерная зона включает *сопоставление категории зла с другими категориями (совесть, грех, вина, свобода, слабость)* (24%).

Периферийную зону составляют такие компоненты, как *общая характеристика зла* (12%), *существует повсюду* (8%), *понимается по-разному индивидом* (8%), *исправляется при жизни* (8%), *человечество не может существовать без зла* (4%).

Следовательно, ЗЛО в текстах Словаря рассматривается с точки зрения реальности или идеальности, в то же время оно тесно связано с другими категориями, такими как совесть, грех, свобода и т. д. ЗЛО существует везде, имеет сущностные характеристики; источник ЗЛА — «все материальное» (Л. Гумилев — Словарь русской ментальности, т. 1, с. 311), человечество не может существовать без зла.

В ходе анализа текстов Словаря обнаружено интересное явление: русские писатели, философы и общественные деятели не просто показывают противоречие ДОБРА и ЗЛА, а активно подчеркивают их взаимосвязь, рассматривают с точки зрения философской категории единства противоположностей: в 26 контекстах фиксируется и ДОБРО, и ЗЛО в семантическом плане в одном предложении. Семантические компоненты этой лексемы приведены в таблице 3.

Таблица 3 — Семантические компоненты лексемы ДОБРО — ЗЛО

Семантический компонент	Частота
1. Зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра, избыток зла порождает добро	7
2. Борьба добра и зла как условия их существования	4
3. Интерес общества к различению добра и зла	3
4. Добро — зло неразделимы	2
5. Свободное добро предполагает свободу зла	2
6. Каждый народ понимает добро и зло по-своему	2
7. Добро — зло изменяемые	2
8. Добро — зло существуют в индивидуальной жизни	2
9. Виды добра — зла противоречат друг другу	1
10. Зло проходит, добро остается	1
11. Добро как желаемое и достойное одобрения, зло как нежелаемое, достойное порицания	1
12. Добро — истина, зло — ложь	1
13. Добро ведет к счастью, а зло наоборот	1
14. Зло — это плен, добро — это свобода	1
15. Добро — зло имеют своим источником волю	1

Представим данные семантические компоненты в виде диаграммы, построенной исходя из частотности семантических компонентов в контекстах (рисунок 8).

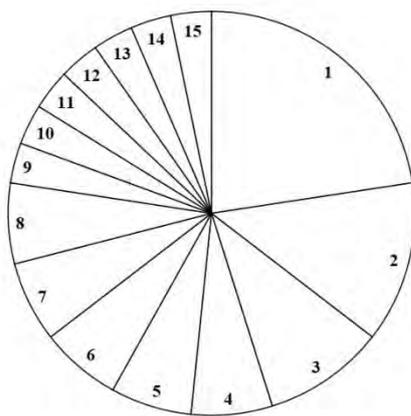

Рисунок 8 — Семантический антипод лексемы

ДОБРО — ЗЛО в контекстах «Словаря русской ментальности»

Отметим, что наиболее частотными являются три семантических компонента: 1) *зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра, избыток зла порождает добро*; 2) *борьба добра и зла как условия их существования*; 3) *интерес общества к различению добра и зла*. Эти компоненты составляют общую ценностную ориентацию нравственной системы русского социума.

Семантические компоненты под номерами 4–8 с частотностью 2 конкретизируют направленность и связанность добра и зла: *добро и зло неразделимые и изменяемые, свободное добро предполагает свободу зла*. Добро и зло не статичны, они *существуют в индивидуальной жизни, каждый народ понимает добро и зло по-своему* (табл. 3).

Характеристика семантики лексемы ДОБРО — ЗЛО (с частотностью 1) показана в семантических компонентах с 9 по 15 (табл. 3). Например, *виды добра и зла противоречивы друг другу, оба имеют своим источником волю*. Здесь подчеркивается, что *добро желаемо и достойно одобрения*; зло же порицаемо; *добро ведет к счастью, а зло — наоборот; добро — это свобода и истина, а зло — это плен и ложь*. Добро всегда побеждает зло. Общество различает добро и зло, одобряя первое и порицая второе.

3.1.2. Содержание и структура лексем

善 («добро») и 恶 («зло») в китайском социуме

Тексты для данной части работы были выбраны из Сбалансированного корпуса современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности (国家语委现代汉语通用平衡语料库) и Языкового корпуса Центра китайского языкознания при Пекинском университете (北大语言中心 CCL 语料库). Поскольку 善 и 恶 в китайском языке являются не только существительными, но и прилагательными и глаголами, отобраны 65 контекстов, отвечающих требованиям исследования. Среди них 22 контекста содержат только 善 («добро»), 13 контекста — только 恶 («зло»), 30 контекстов указывают лексему со значением соотношения 善 и 恶 («добра» и «зла»).

В 22 контекстах определяются семь семантических компонентов лексемы 善 («добро»): 1) *идеи красоты и истины в ценностном аспекте* — восемь контекстов; 2) *философская категория* — шесть; 3) *присуще и индивиду* — четыре; 4) *буддизм способствует добру* — два; 5) *социальное соотношение людей* — два; 6) *отсутствие устремлений есть чистое добро* — один; 7) *эпикурейство связано с добром* — один. Полученные семантические компоненты представим в виде таблицы (таблица 4).

Таблица 4 — Семантические компоненты лексемы 善 («добро»)

Семантический компонент	Частота семантического компонента	
	Абс.	%
Идеи красоты и истины в ценностном аспекте	8	33,3
Философская категория	6	25,0
Присуще и индивиду	4	16,7
Буддизм способствует добру	2	8,3
Социальное соотношение людей	2	8,3
Отсутствие устремлений есть чистое добро	1	4,2
Эпикурейство связано с добром	1	4,2
Итого	24	100,0

Данные семантические компоненты можно представить графически. Получим семантическую структуру лексемы 善 («добро»), разделенную на три зоны, при этом периферия представлена ближней и дальней; границы зон проведены по линии «слома» между точками процентных показателей групп (рисунок 9).

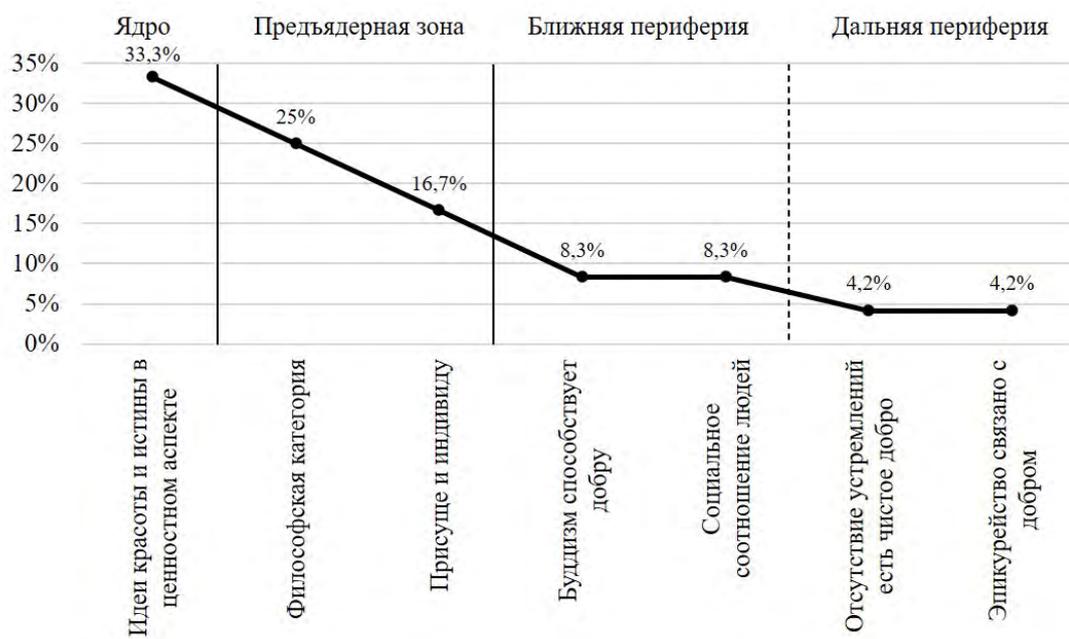

Рисунок 9 — Семантическая структура лексемы 善 («добро»)

в контекстах Национальных корпусов китайского языка

Как видно из рисунка 9, ядро семантической структуры лексемы 善 («добро») состоит из одного семантического компонента: *идеи красоты и истины в ценностном аспекте*.

Предъядерная зона включает два семантических компонента: *философская категория; присуще и индивиду*.

Периферийная зона содержит четыре семантических компонента: ближняя периферия — *буддизм способствует добру, социальное соотношение людей*; дальняя периферия — *отсутствие устремлений есть чистое добро, эпикурейство связано с добром*.

Следовательно, ДОБРО в языковом сознании китайского социума рассматривается как истина и красота, в которых отражен ценностный аспект;

подчеркивается философское обоснование этой лексемы. При определении семантики лексемы ДОБРО ощутимо влияние буддизма. Добро связано и с социальными характеристиками индивида.

Как показано, в текстах корпусов получено шесть семантических компонентов лексемы 惡 («зло»): 1) *потакать злу и творить зло* — четыре контекста; 2) *качество злодея* — четыре; 3) *основано на карме* — два; 4) *следует контролировать* — два; 5) *соотношение зла и справедливости* — один; 6) *зло в понимании конфуцианства* — один. Полученные семантические компоненты отражены в таблице 5.

Таблица 5 — Семантические компоненты лексемы 惡 («зло»)

Семантический компонент	Частота семантического компонента	
	Абс.	%
Потакать злу и творить зло	4	28,6
Качество злодея	4	28,6
Основано на карме	2	14,3
Следует контролировать	2	14,3
Соотношение зла и справедливости	1	7,1
Зло в понимании конфуцианства	1	7,1
Итого	14	100,0

Представив данные семантические компоненты графически, получим семантическую структуру лексемы 惡 («зло»), репрезентированную в языковом сознании китайского социума (рисунок 10).

Ядро семантической структуры лексемы 惡 («зло») представлено двумя компонентами: *потакать злу и творить зло; качество злодея*.

Предъядерная зона включает два семантических компонента: *основано на карме; следует контролировать*.

Периферийная зона состоит также из двух семантических компонентов: *соотношение зла и справедливости; зло в понимании конфуцианства*.

Следовательно, в языковом сознании китайского социума зло существует, потому что люди попустительствуют ему. Однако зло следует контролировать. Соотношение зла и справедливости «отображает неотъемлемый характер

нашей нации» [Языковой корпус Центра китайского языкознания при Пекинском университете]. Буддизм и конфуцианство обращают внимание на сущностное значение зла.

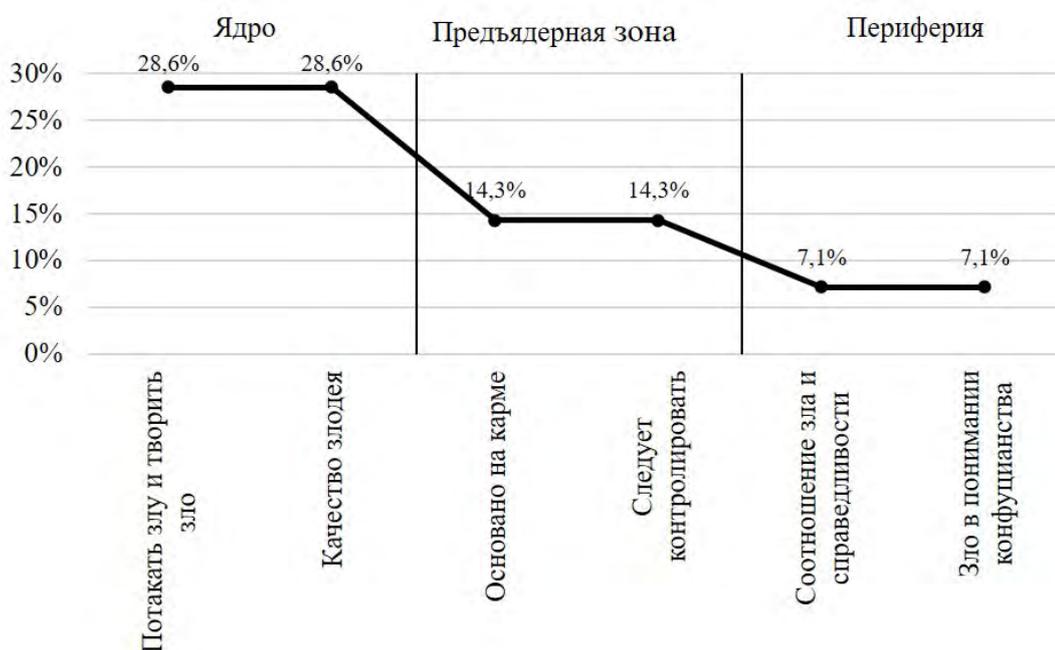

Рисунок 10 — Семантическая структура лексемы 恶 («зло»)

в контекстах Национальных корпусов китайского языка

В Национальных корпусах китайского языка есть 30 контекстов, где используются лексические единицы 善 — 恶 («добро» — «зло»), объективируя эту антитезу языком морали. Семантические компоненты рассматриваемой лексемы приведены в таблице 6.

Таблица 6 — Семантические компоненты лексемы 善 — 恶 («добро» — «зло»)

Семантический компонент	Частота
1. Добро — зло как ценностное понятие	7
2. Добро — зло как результат деятельности человека	5
3. Добро — зло в толкованиях разных религиозных течений	5
4. Добро — зло историчны, национальны и прямо противоположны	5
5. Существуют и добро, и зло	4
6. Добро ведет к счастью, а зло — к несчастью, страданию	2
7. Добро — зло как изменяемые сущности	2
8. «Классовая» природа добра — зла	1

Данные семантические компоненты можно представить в виде диаграммы, показывающей степень частоты их использования (рисунок 11).

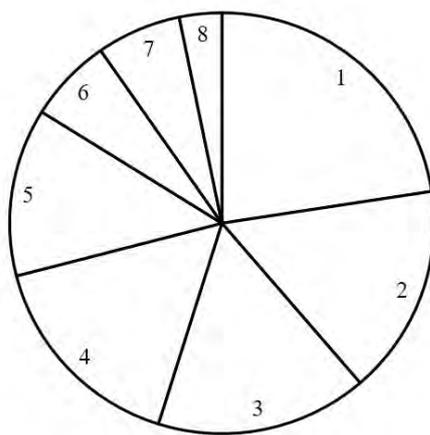

Рисунок 11 — Семантический антипод лексемы 善 — 恶

(«добро» — «зло») в контекстах Национальных корпусов китайского языка

Как видим, семантический компонент *добро — зло как ценностное понятие* является самым частотным. Частотными определяются и три следующих семантических компонента: *добро — зло как результат деятельности человека; добро — зло в толкованиях разных религиозных течений; добро — зло историчны, национальны и прямо противоположны*.

Китайцы считают, что понятия добра — зла относятся к категории этики и являются результатом действий человека. В Китае есть разные религии, каждая из которых имеет свое толкование добра — зла. Добро — зло не статично. С точки зрения философии добро — зло есть единство противоположностей. Добро — зло существуют в вечной борьбе. Есть добро и есть зло; они могут переходить одно в другое. Добро позитивно и может принести нам счастье, а зло — несчастье и страдание. Есть и такое понимание добра — зла: китайцы считают, что «...и добро, и зло историчны, конкретны, имеют классовое содержание. Разные эпохи, разные общества и разные классы имеют разные представления о добре и зле, даже прямо противоположные» [Сбалансированный корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности].

3.2. Сопоставительный анализ категории ценности и антиценности в русском и китайском языках

Сопоставим семантические компоненты, полученные в результате анализа контекстов из «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка, с помощью моделирования структуры лексем ДОБРО / 善 («добро») (таблица 7).

Таблица 7 – Сопоставление семантических структур лексем ДОБРО / 善 в русском и китайском социумах

Ядро	
Русский социум	Китайский социум
Эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал	Идеи красоты и истины в ценностном аспекте
Предъядерная зона	
Реальность; верный путь в жизни. Понимается по-разному индивидом. Способ действительного достижения блага	Философская категория. Присуще и индивиду
Периферийная зона	
Сила добра; результат усилий. Смысл жизни; благо, которое способствует общему благу. Истина. Не может быть глупым. Высшее измерение добра — Бог и вечность	Буддизм способствует добру. Социальное отношение людей. Отсутствие устремлений есть чистое добро. Эпикурейство связано с добром

В русском социуме ядро определяется компонентом *эмпирическое, нравственное чувство; польза; духовная жизнь; нравственный идеал*, а в китайском — *идеи красоты и истины в ценностном аспекте*. Для русского социума добро есть чувство, основанное на опыте и осознании нравственности; для китайского социума красота и истина составляют суть добра — и в этом определяется ценностный аспект данной лексемы. Кроме того, присутствующий в ядре китайского социума компонент *истина добра* употребляется в русском социуме только на периферии.

В предъядерной и периферийной зонах русский социум дает более развернутое понимание лексемы ДОБРО (восемь семантических компонентов), китайский же социум определяет его более обобщенно (шесть семантических

компонентов). В исследуемых социумах есть также общие ценностные семантические компоненты. Так, представители обоих социумов полагают, что добро характерно для индивида, при этом в русском социуме отмечается различный характер понимания добра у индивида.

В предъядерной зоне русский социум понимает добро как способ верного пути в жизни, действительного достижения блага. Китайский социум считает, что добро — это философская категория. Оно присуще каждому индивиду. Как видим, в этой зоне отражена специфика в понимании сущности добра в рассматриваемых социумах.

На периферии в русском социуме отмечаются различные характеристики добра, такие как сила добра, смысл жизни, благо; высшее измерение добра связано с концепцией Бога и вечности. Китайский социум подчеркивает, что добро является одним из важных вопросов в религиозных течениях, например в буддизме, эпикуреизме.

Сопоставим семантические компоненты, полученные в результате анализа контекстов из «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка, с помощью моделирования структуры лексем ЗЛО / 恶 (таблица 8).

Таблица 8 – Сопоставление семантических структур лексем ЗЛО / 恶 в русском и китайском социумах

Ядро	
Русской социум	Китайский социум
Характеристика зла с точки зрения реальности или идеальности	Потакать злу и творить зло. Качество злодея
Предъядерная зона	
Сопоставление категории зла с другими категориями (совесть, грех, вина, свобода, слабость)	Основано на карме. Следует контролировать
Периферийная зона	
Общая характеристика зла. Существует повсюду. Понимается по-разному. Исправляется при жизни. Человечество не может существовать без зла	Соотношение зла и справедливости. Зло в понимании конфуцианства

Согласно таблице 8, ядро лексем ЗЛО / 惡 различно. В русском социуме ядро состоит из одного семантического компонента, а именно *характеристика зла с точки зрения реальности или идеальности*; в китайском социуме ядро состоит из двух компонентов: *потакать злу и творить зло; качество злодея*, где характеризуется способ зла и дается его оценка.

В предъядерной зоне в русском социуме зло как важная категория сопоставляется с другими категориями, такими как совесть, грех, вина, свобода и слабость. В китайском социуме люди, рассматривая зло с точки зрения буддизма, считают, что зло — это явление, основанное на карме, то есть каждое злое действие ведет к негативным результатам, поэтому зло следует контролировать и ограничивать как на индивидуальном, так и на социальном уровне.

На периферии русский социум считает, что зло существует повсюду, проникая в различные сферы жизни, при этом оно понимается по-разному в зависимости от культурного и социального контекста. Несмотря на повсеместность, зло может быть исправлено и преодолено человеком на протяжении жизни. Человечество не может существовать без зла, так что осознание зла и работа над его преодолением играют ключевую роль в достижении индивидуального и социального благополучия. В Китае зло отмечено как важное свойство в соотношении зла и справедливости; кроме того, зло толкуется древним философским учением — конфуцианством.

Сопоставим семантические компоненты лексем ДОБРО — ЗЛО и 善 — 恶, полученные в результате анализа контекстов из «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка (таблица 9).
Таблица 9 — Семантические компоненты лексем ДОБРО — ЗЛО и 善 — 恶 в русском и китайском социумах

Семантический компонент	
русский	китайский
Зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра, избыток зла порождает добро. Борьба добра и зла как условия их существования.	Добро — зло как ценностное понятие.

Продолжение таблицы 9

Семантический компонент	
русский	китайский
<p>Интерес общества к различению добра и зла. Доро — зло неразделимы. Свободное добро предполагает свободу зла. Каждый народ понимает добро и зло по-своему. Доро — зло изменяемые. Доро — зло существуют в индивидуальной жизни. Виды добра — зла противоречивы друг другу. Зло проходит, добро остается. Доро как желаемое и достойное одобрения, зло как нежелаемое, достойное порицания. Доро — истина, зло — ложь. Доро ведет к счастью, а зло — наоборот. Зло — это плен, добро — это свобода. Доро — зло имеют своим источником волю</p>	<p>Доро — зло как результат деятельности человека. Доро — зло в толкованиях разных религиозных течений. Доро — зло историчны, национальны и прямо противоположны. Существуют и добро, и зло. Доро ведет к счастью, а зло — к несчастью, страданию. Доро — зло как изменяемые сущности. «Классовая» природа добра — зла</p>

Данные таблицы 9 позволяют увидеть, что представители и русского, и китайского общества верят, что соотношение ДОБРА — ЗЛА / 善 — 恶 многогранно, эти понятия неразрывно связано друг с другом. Добро может принести нам радость и счастье, а зло — наоборот. У разных народов разное понимание добра и зла, оно не статично, а изменяемо от этноса к этносу.

Разница в понимании соотношения ДОБРА — ЗЛА / 善 — 恶 русским и китайским социумами заключается в том, что, с точки зрения русского социума, борьба добра и зла выступает в качестве условия их существования. Интерес общества имеет устойчивое основание для различения добра и зла. Добро и зло являются изменяемыми категориями, которые можно интерпретировать и в контексте индивидуальной жизни. Виды добра и зла могут противоречить друг другу, создавая сложности и конфликты на личном и социальном уровнях. Зло проходит, тогда как добро остается, подтверждая свою устойчивость и ценность. Добро связано с истиной, тогда как зло считается ложью, что указывает на дихотомию этих понятий.

В китайском социуме 善 — 恶 («добро» — «зло»), являясь ценностными понятиями, рассматриваются как результат деятельности человека: добро и зло отражают выбор и поступки индивида. В то же время

люди разных социальных объединений (классов — в интерпретации данных Национального корпуса китайского языка) по-разному понимают добро — зло. Кроме того, китайское общество отмечает, что религиозные течения по-своему трактуют добро — зло.

3.3. Выводы

Проведенный анализ данных «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка позволил выделить следующие ценностные аспекты, образующие содержание лексем ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶 в русском и китайском социумах, представляющих страту «этнос».

1. ДОБРО в русском социуме воспринимается как позитивное нравственное чувство, способствующее пользе и духовной жизни. Оно воспринимается как реальность, верный путь в жизни, иногда как возвышенное и божественное.

В китайском социуме 善 («добро») рассматривается не только как эстетическая категория, имеющая связь с идеей красоты, но и как заключенное в истине верное отражение объективной действительности в сознании человека. Кроме того, в китайском социуме буддизм способствует добру, связывая его с отсутствием устремлений и рассматривая как высшее состояние благополучия.

2. В русском социуме ЗЛО рассматривается в качестве категории, имеющей как реальные, так и идеальные характеристики. Оно противопоставляется другим категориям, таким как совесть, свобода и т. д. Жизнь есть источник зла, но люди могут исправлять и преодолевать его на протяжении жизни.

恶 («зло») в китайском социуме рассматривается в контексте различных религиозных учений, таких как конфуцианство и буддизм, и указывает на то, что общественное сознание обильно насыщено религиозной и философской символикой, влияющей на понимание добрых и злых поступков. Буддизм считает, что зло связано с принципами кармы, подчеркивая взаимосвязь между действиями человека и их последствиями.

3. В русском социуме ДОБРО — ЗЛО рассматривается как философская категория единства противоположностей, составляющих неразрывную связь, так как зло всегда сопровождает добро. Эта связь не является статичной и может меняться в зависимости от социума.

В китайском социуме соотношение 善 — 惡 («добро» — «зло») прежде всего рассматривается как категория этики и является результатом человеческих действий, указывая на активную роль человека. Представление о добре — зле имеет «классовую» природу, поскольку разные социальные объединения интерпретируют 善 — 惡 («добро» — «зло») по-разному, при этом интерпретации могут быть противоположными.

4. Общим в понимании добра и зла в обоих социумах является их определение как единства противоположностей, понимание добра как активной ценности, а зла — как пассивной. Оба общества признают сложность и взаимозависимость добра и зла: русское общество сосредоточено на борьбе и изменчивости, в то время как китайское подчеркивает влияние общественных факторов и моральных норм.

5. Исследование показывает, что страта «ЭТНОС» активно влияет на представленность ценностного аспекта в семантических компонентах того и другого социума.

ГЛАВА 4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

4.1. ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 как базовые ценности

Лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 всегда были в центре внимания ученых разных направлений, поскольку занимают важное место в человеческой жизни, хранятся и передаются следующим поколениям, отражая общие и специфические черты культуры социума.

«Словарь русской ментальности» определяет ЛЮБОВЬ как «межличностное духовное отношение, как проявление личного чувства и душевного согласия между людьми, как социальный долг человека и нравственное требование совести и как благодать, ниспосланную человеку свыше — в образе страстной жажды, окрыленной надеждой. Основное содержание любви — преодоление границ собственного “я”, победа над естественным эгоизмом, бескорыстное стремление принести благо ближнему; величайшая жертва (отказ от личных интересов и страстей) оборачивается наивысшим блаженством» [Словарь русской ментальности 2014: 421].

Китайский ученый Сюэ Вэньбо, изучая концепт «любовь», делает следующие выводы: 1) «Первоначальное значение слова “любовь” — это благодать и польза для других, и на этой основе был разработан ряд значений. По сравнению с древним китайском языком семантическое значение слова “любовь” в современном китайском значительно сокращено. В основном любовь означает “иметь глубокие чувства к людям или вещам”; имеет семантические характеристики, такие как “является мощью”, “в основном положительная оценка” и “вызывает различные эмоциональные состояния субъекта”, “имеет позитивное отношение к объектам”, “своевременно”, “определенная степень выразительности” и “ценность”; 2) любовь имеет неявные образы, такие как физические объекты, люди, жидкости, огонь, еда,

дороги, растения, горы и т. д. В то же время они образуют серию наивных познаний китайской нации о любви, то есть любовь имеет высшую положительную ценность, любовь — это комплекс противоречий, объект любви занимает центральное положение, выбор объектов любви необоснован, сходство — основа любви, верность и возраст — важные условия для любви, любовь в какой-то мере уготована небом» [Сюэ Вэньбо 2017: 179].

По мнению А. А. Зализняка, в современном русском языке слово СЧАСТЬЕ имеет два основных способа употребления. Во-первых, счастье — это «удачное стечение обстоятельств, везение. Здесь слову *счастье* эквивалентен глагол *везет / повезло*, который постепенно его вытесняет (ср. *дуракам везет* и более старое *дуракам счастье; не везет в картах, повезет в любви* и *Кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе* у Даля [Даль 1994: IV, 666])). Во-вторых, счастье — это «высшее удовлетворение, земное блаженство» [Зализняк 2005: 161–162].

幸福 («счастье») в китайском социуме считается целью жизни. Ван Чжаося с точки зрения лингвокультурологии анализирует концепт «счастье» в китайской фразеологии и приходит к следующим выводам: 1) счастье — это «умение довольствоваться и наслаждаться той жизнью, которой судьба наделила человека»; 2) «счастье и трудолюбие взаимосвязанные и взаимозависимые»; 3) «счастье и несчастье всегда соседствуют, за счастливыми следуют горестные дни, радость легко превращается в горе»; 4) в книге «Шан Шу·Хун Фань» (尚书洪范) впервые упомянуто о «пяти земных благах» (букв. пять видов счастья): долголетие, богатство, здоровье, добродетель и естественная смерть. Среди них долголетие занимает первое место, и для китайцев оно является самым большим благом»; 5) «одно из пяти земных благ, благополучие, здоровье — это также внешнее проявление счастья»; 6) одно из «пяти земных благ», добродетель выступает в качестве основных нравственных качеств человека. Согласно Конфуцию, добродетель — это обширный комплекс этико-правовых норм и принципов, который включает

в себя человеколюбие («жэнь»), долг («и»), церемонию («ли»), ум («чжи»), преданность («чжун»), почтительное отношение к родителям («сяо»); 7) Мэн-цзы, один из представителей конфуцианства, великий мыслитель и педагог древнего Китая, считает, что «природа людей добра. Такая точка зрения оказывает большое влияние на мировоззрение человеческих сообществ. Китайцы убеждены, что счастья могут достичь те люди, у которых высокая нравственность»; 8) «богатство занимает важное место среди пяти земных благ. Но здесь имеется в виду духовное и интеллектуальное богатство. Счастье обычных людей не зависит от денег»; 9) «китайцы убеждены, что человек счастлив, когда умирает естественной смертью, прожив долгую жизнь, в довольстве и благополучии, совершив добродетельные поступки и после себя оставив добрую память у своих потомков. Естественная смерть — закономерное завершение человеческой жизни»; 10) «в понимании китайцев, счастье отличается метафоричностью и образностью»; 11) «китайцы убеждены, что счастье всегда рядом, но если человек жаден, то он не чувствует счастья. Итак, надо быть удовлетворенным настоящей жизнью» [Ван Чжаося 2017: 33–36].

В следующих разделах главы 4 рассмотрим содержание и структуру лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения.

4.2. Анализ значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱 в языковом сознании

русского и китайского молодого поколения: гендерный аспект

Современное значение лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 определено с помощью экспериментальных данных. Двадцать русских и двадцать китайских информантов заполнили анкеты и написали, как они понимают лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福. Все информанты — студенты, проживающие в городах (Пермь, Циндао, Хэфэй, Шанхай, Гуанчжоу, Цзинань, Вэйфан). Их возраст — от 19 до 24 лет; они получают разные

специальности. Выборка информантов сбалансирована по гендерному признаку.

В России, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», «молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно». В Китае в «Национальном плане среднего и долгосрочного развития молодежи Китая (2016–2025 годы)» молодыми считаются люди в возрасте от 14 до 35 лет, а в книге «Молодежь Китая в новую эпоху» говорится, что в Коммунистическом союзе молодежи Китая состоит почти 74 миллиона человек в возрасте от 14 до 28 лет.

По мнению Д. Бромлей (Bromley), этот возраст считается первой стадией цикла взрослости — ранней взрослостью (21–25 лет) [Bromley 1966], когда у молодого человека формируется самосознание и собственное мировоззрение; он стремится заново и критически осмыслить себя и всех окружающих. Это возраст активного общения: «У молодых людей большой круг знакомств, множество различных интересов, увлечений. В это время формируется и закрепляется стиль общения» [Моргун, Ткачева 1981: 15]. К этому возрасту молодой человек уже сформировался как языковая личность со своим мнением и представлениями о жизни.

4.2.1. Содержание и структура лексемы ЛЮБОВЬ

в языковом сознании русского молодого поколения

Рассмотрим данные эксперимента по определению значения лексемы ЛЮБОВЬ, полученные от информантов-юношей. В ответах данной группы фиксируется девять семантических компонентов: 1) *эмоциональное чувство*; 2) *пристрастие, привязанность к чему-либо*; 3) *взаимоотношение*; 4) *понимание*; 5) *физиологическое чувство*; 6) *уважение*; 7) *доверие*; 8) *ответственность*; 9) *симпатия*.

Полученные семантические компоненты можно представить графически с помощью семантической структуры лексемы, состоящей из ядра,

предъядерной зоны и периферии. Границы зон проводились по методу «каменистой осыпи», где линия «слома» показывает границу между точками процентных показателей зон (рисунок 12).

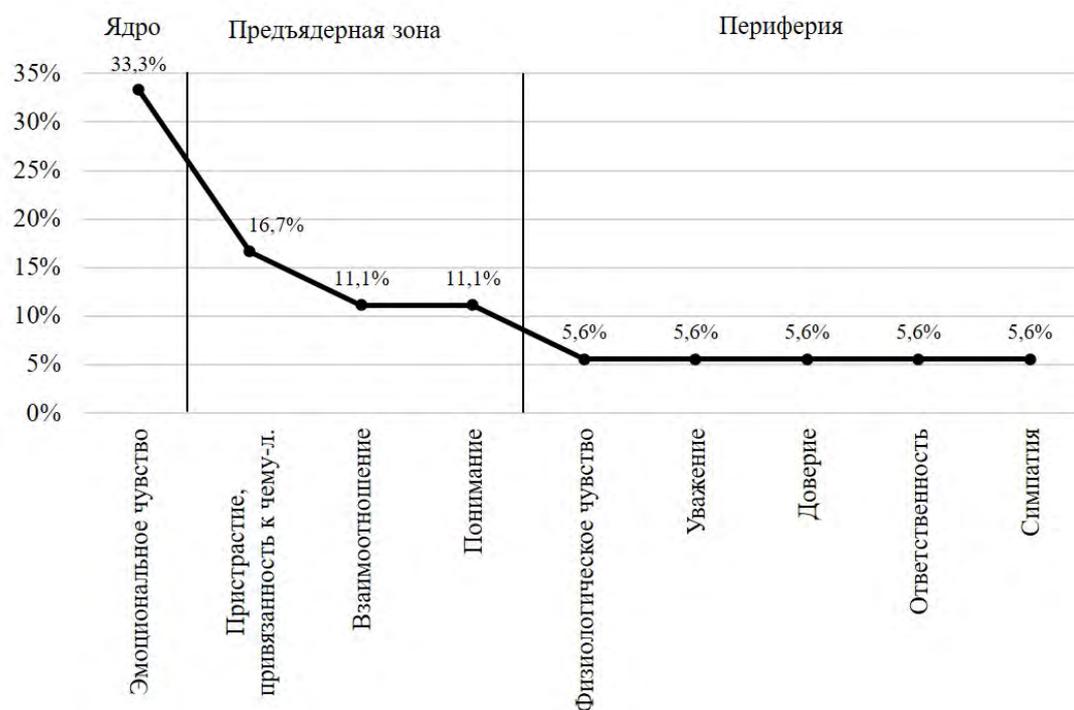

Рисунок 12 — Семантическая структура лексемы ЛЮБОВЬ в ответах русских информантов-юношей

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *эмоциональное чувство*, который является наиболее частотным и составляет 33,3% ответов юношей.

Предъядерная зона включает три семантических компонента: *пристрастие, привязанность к чему-либо* (16,7%), *взаимоотношение* (11,1%), *понимание* (11,1%).

Периферийную зону составляют пять семантических компонентов: *физиологическое чувство, уважение, доверие, ответственность и симпатия* (по 5,6% каждый компонент).

Следовательно, ЛЮБОВЬ в языковом сознании юношей — это эмоциональное чувство, включающее не только понимание, уважение, доверие, ответственность, симпатию к людям, но и пристрастие, например к дорогим вещам. В определении юношей любовь является физиологическим чувством,

отмеченным информантами, хотя и на периферии, где фиксируется также характеристика любви.

Рассмотрим ответы информантов-девушек, в которых выявлено четырнадцать семантических компонентов: 1) *эмоционально-психическое чувство*; 2) *действенное чувство*; 3) *чувство расположения к кому-либо*; 4) *нежность*; 5) *забота*; 6) *повышенная чувствительность*; 7) *способ познания мира*; 8) *счастье*, 9) *преодоление сложностей*; 10) *сильное чувство*; 11) *обожание*; 12) *доверие*; 13) *понимание*; 14) *спокойствие*.

Данные семантические компоненты можно представить графически. Получим семантическую структуру лексемы ЛЮБОВЬ, выявленную в языковом сознании русских девушек (рисунок 13).

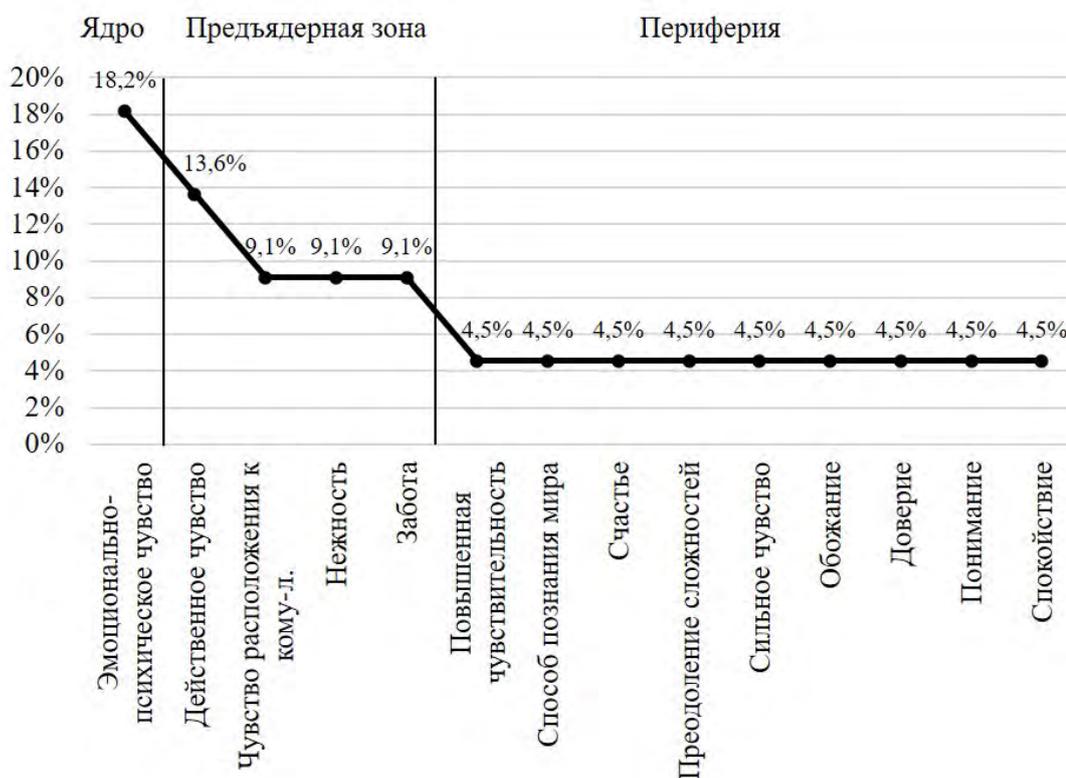

Рисунок 13 — Семантическая структура лексемы ЛЮБОВЬ в ответах русских информантов-девушек

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *эмоционально-психическое чувство*, который является наиболее частотным и составляет 18,2% ответов русских девушек.

Предъядерная зона включает *действенное чувство* (13,6%), *чувство расположения к кому-либо с нежностью и заботой* (9,1% по каждому из трех компонентов).

Периферийную зону составляют девять семантических компонентов: *повышенная чувствительность, способ познания мира, счастье, преодоление сложностей, сильное чувство, обожание, доверие, понимание, спокойствие* (по 4,5% каждый компонент).

Следовательно, ЛЮБОВЬ в языковом сознании русских девушек — это эмоциональное чувство. Кроме того, любовь считается действенным, сильным чувством. Это чувство расположения к людям, означающее нежность и заботу, а также счастье, обожание, доверие, понимание и спокойствие. Русские девушки уверены, что любовь помогает преодолеть трудности и является способом «познания мира» (см. ответ И2 в таблице А2 приложения А).

4.2.2. Содержание и структура лексемы 爱 («любовь»)

в языковом сознании китайского молодого поколения

В ответах китайских информантов-юношей выделено четырнадцать семантических компонентов: 1) *эмоциональное чувство*; 2) *абстрактное чувство, альтруизм во всем*; 3) *понимание, доверие*; 4) *беречь и заботиться, беспокоиться*; 5) *взаимное чувство*; 6) *отношение к людям и вещам*; 7) *любовное отношение*; 8) *высшая ценность*; 9) *семья, друзья и родственники*; 10) *терпение*; 11) *ответственность*; 12) *противоречивое чувство*; 13) *счастье*; 14) *жертвенность*.

Данные семантические компоненты можно представить графически. Получим семантическую структуру лексемы 爱 («любовь»), выявленную в языковом сознании китайских информантов-юношей (рисунок 14).

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *эмоциональное чувство*, который является наиболее частотным и составляет 17,9% ответов китайских информантов-юношей.

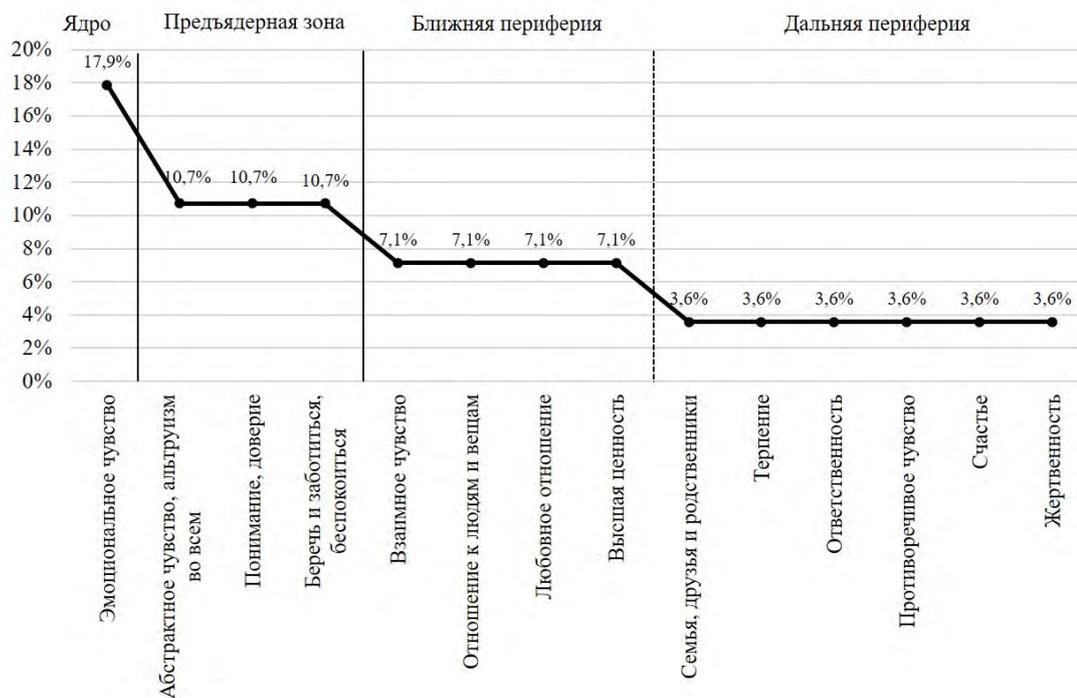

Рисунок 14 — Семантическая структура лексемы 爱 («любовь») в ответах китайских информантов-юношей

Предъядерная зона включает следующие семантические компоненты: *абстрактное чувство, альтруизм во всем; понимание, доверие; беречь и заботиться, беспокоиться* (каждый компонент — по 10,7%).

Периферийную зону, распределенную на ближнюю и дальнюю, составляют десять семантических компонентов. Ближняя периферия: *взаимное чувство, отношение к людям и вещам, любовное отношение, высшая ценность* (каждый компонент — по 7,1%). Дальняя периферия: *семья, друзья и родственники; терпение; ответственность; противоречивое чувство; счастье; жертвенность* (каждый компонент — по 3,6%).

Следовательно, в языковом сознании китайских юношей ядро определяется семантическим компонентом *эмоциональное чувство*, в котором важное место занимают понимание, доверие и забота. Это чувство альтруистическое. В ближней периферии отмечен такой семантический компонент, как *любовное отношение*, а любовь считается высшей ценностью в жизни.

Семантический компонент *семья, друзья и родственники* отмечается только в дальней периферии, а в характеристику любви добавляются такие семантические компоненты, как *счастливое, но противоречивое чувство, ответственность и жертвенность*.

В ответах китайских информантов-девушек фиксируются десять семантических компонентов: 1) *эмоциональное чувство*; 2) *отношение к людям и вещам*; 3) *семья, друзья и родственники*; 4) *бескорыстность*; 5) *забота*; 6) *добро*; 7) *счастье*; 8) *искренность*; 9) *терпение*; 10) *быть в обществе*.

Данные семантические компоненты можно представить графически. Получим семантическую структуру лексемы 爱 («любовь»), выявленную в языковом сознании китайских информантов-девушек (рисунок 15).

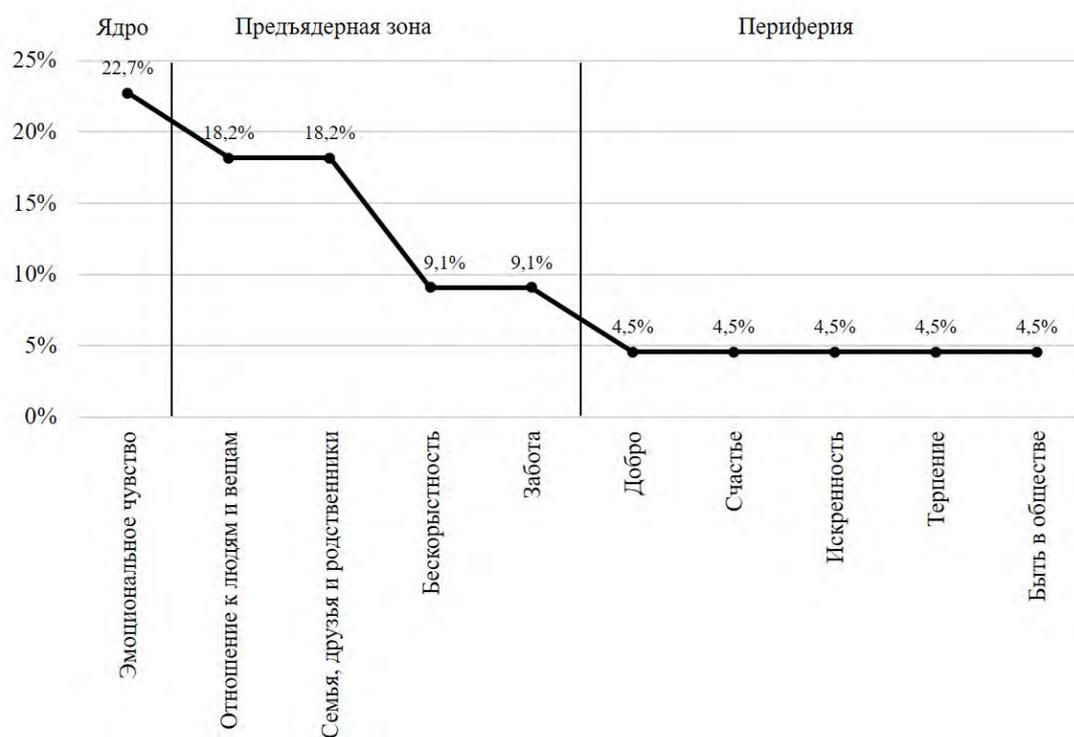

Рисунок 15 — Семантическая структура лексемы 爱 («любовь») в ответах китайских информантов-девушек

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *эмоциональное чувство*, который является наиболее частотным — 22,7% ответов китайских девушек. *Эмоциональное чувство* — это сложное чувство,

оно показано в толковых словарях и разделяется по нескольким основаниям: привязанность, доброта, милость и т. д.

Предъядерная зона включает следующие компоненты: *отношение к людям и вещам* (18,2%), *семья, друзья и родственники* (18,2%), *бескорыстность* (9,1%), *забота* (9,1%).

Периферийную зону составляют пять семантических компонентов: *добро, счастье, искренность, терпение, быть в обществе* (каждый компонент — по 4,5%).

Итак, 爱 («любовь») в языковом сознании китайских девушек — это *эмоциональное чувство, чувство горячей сердечной склонности, чувство симпатии, проявляемое к друзьям и родственникам, чувство бескорыстное, искреннее и доброе.*

4.2.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ЛЮБОВЬ / 爱 в групповом сознании русского и китайского молодого поколения

Сопоставим семантические компоненты в структурах лексем ЛЮБОВЬ / 爱, данные русскими и китайскими информантами (таблица 10).

Таблица 10 — Анализ семантических компонентов в структурах лексем ЛЮБОВЬ / 爱, данных русскими и китайскими информантами

Русские информанты		Китайские информанты	
Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Ядро			
Эмоциональное чувство	Эмоционально-психическое чувство	Эмоциональное чувство	Эмоциональное чувство
Предъядерная зона			
Пристрастие, привязанность к чему-л. Взаимоотношение. Понимание	Действенное чувство. Чувство расположения к кому-либо. Нежность. Забота	Абстрактное чувство, альтруизм во всем. Понимание, доверие. Беречь и заботиться, беспокоиться	Отношение к людям и вещам. Семья, друзья и родственники. Бескорыстность. Забота
Периферийная зона			
Физиологическое чувство. Уважение.	Повышенная чувствительность.	Взаимное чувство. Отношение к людям и вещам.	Добро. Счастье. Терпение.

Продолжение таблицы 10

Русские информанты		Китайские информанты	
Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Периферийная зона			
Доверие. Ответственность. Симпатия	Способ познания мира. Счастье. Преодоление сложностей. Сильное чувство. Обожание. Доверие. Понимание. Спокойствие	Любовное отношение. Высшая ценность. Семья, друзья и родственники. Терпение. Ответственность. Противоречивое чувство. Счастье. Жертвенность	Искренность. Быть в обществе

Из таблицы 10 следует, что ядро лексем ЛЮБОВЬ / 爱 у русских и китайских информантов одинаково, кроме русских девушек, которые считают любовь эмоционально-психическим чувством. Считаем, что эмоциональность — это общий ценностный компонент значения исследуемых лексем.

Предъядерная и периферийная зоны в ответах всех информантов содержат указание как на общие, так и на специфические аспекты семантической структуры исследуемых лексем.

В предъядерной зоне общим ценностным определением понимания лексем ЛЮБОВЬ / 爱 является абстрактное действенное чувство. Здесь и забота, проявляющаяся либо к семье, либо к отдельному человеку, любимому или любимым. Специфическими представляются в этой зоне компоненты *нежность*, отмеченный у русских девушек, и *семья, друзья и родственники* — у китайских.

Периферийная зона состоит из большого количества компонентов, названных информантами. Общим ценностным компонентом значения в этой зоне является понимание любви как *счастья*, а также координированность любви с *ответственностью*.

Информантами отмечено и большое количество специфических ценных компонентов. Так, в русском социуме зафиксированы такие семантические

компоненты, как *способ познания мира, преодоление сложности, спокойствие, уважение, физиологическое чувство*; китайский же социум определяет следующие ценностные особенности значения: *бескорыстность, жертвенность, терпение, искренность и любовные отношения*.

В целом определение любви как *эмоционального чувства по отношению к людям и вещам* совпадает с определением «Словаря современного китайского языка» 2017 года, где первое значение формулируется как «иметь глубокое чувство к людям или вещам» [Словарь современного китайского языка 2017: 3].

4.3. Анализ значения лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения: гендерный аспект

4.3.1. Содержание и структура лексемы СЧАСТЬЕ в языковом сознании русского молодого поколения

В ответах русских информантов-юношей в понимании лексемы СЧАСТЬЕ выявлено четырнадцать семантических компонентов: 1) *состояние удовлетворенности*; 2) *достаток*; 3) *радость*; 4) *эмоциональное чувство*; 5) *личное чувство*; 6) *семья, друзья и любимые*; 7) *разные уровни проявления чувства*; 8) *материальные ценности*; 9) *преодоление трудностей*; 10) *спокойствие*; 11) *уверенность в будущем*; 12) *физиологическое чувство*; 13) *достижение желаний*; 14) *находить место в жизни*.

Представим полученные семантические компоненты графически с помощью семантической структуры лексемы, состоящей из ядра, предъядерной зоны и периферии. Границы зон проводились по методу «каменистой осыпи», где линия «слома» показывает границу между точками процентных показателей зон (рисунок 16).

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *состояние удовлетворенности*, который является наиболее частотным — 25% ответов русских информантов.

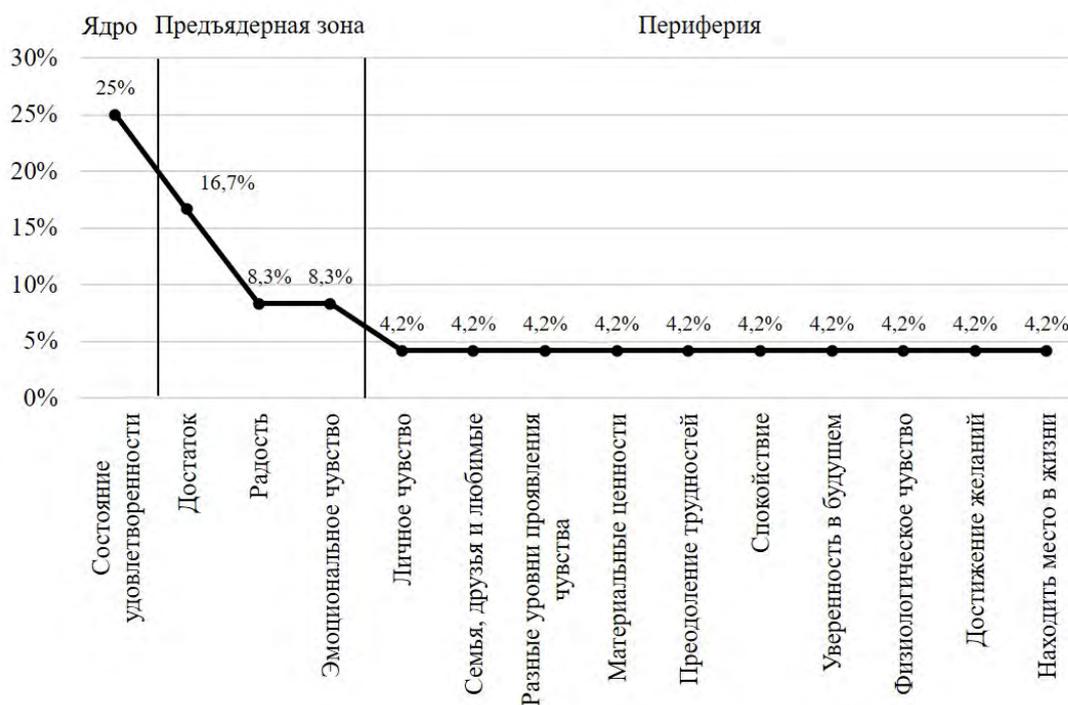

Рисунок 16 — Семантическая структура лексемы СЧАСТЬЕ в ответах русских информантов-юношей

Предъядерная зона включает следующие семантические компоненты: *достаток* (16,7%), *радость* (8,3%), *эмоциональное чувство* (8,3%).

Периферийную зону составляют 10 семантических компонентов: *личное чувство*; *семья, друзья и любимые*; *разные уровни проявления чувства*; *материальные ценности*; *преодоление трудностей*; *спокойствие*; *уверенность в будущем*; *физиологическое чувство*; *достижение желаний*; *находить место в жизни* (каждый компонент — по 4,2%).

Следовательно, СЧАСТЬЕ в языковом сознании русских юношей определяется компонентом *состояние удовлетворенности*, его главным проявлением является достаток и радость. Счастье — это эмоциональное, физиологическое и личное чувство, связанное с семьей, друзьями, любимыми. У разных людей есть разные уровни проявления такого чувства. Кроме того, материальные ценности, преодоление трудностей, спокойствие, уверенность в будущем, достижение желаний и нахождение места в жизни также являются признаками счастья.

Рассмотрим понимание лексемы СЧАСТЬЕ в ответах русских информантов-девушек, в которых зафиксировано десять семантических компонентов: 1) *состояние удовлетворенности*; 2) *спокойствие*; 3) *высокое чувство*; 4) *образ жизни*; 5) *полнота чувства, гармонии*; 6) *эмоциональное чувство*; 7) *личное чувство*; 8) *преодоление трудностей*; 9) *веселье*; 10) *комфортное чувство*;

На рисунке 17 представлена семантическая структура лексемы СЧАСТЬЕ, актуализированная в языковом сознании русских девушек.

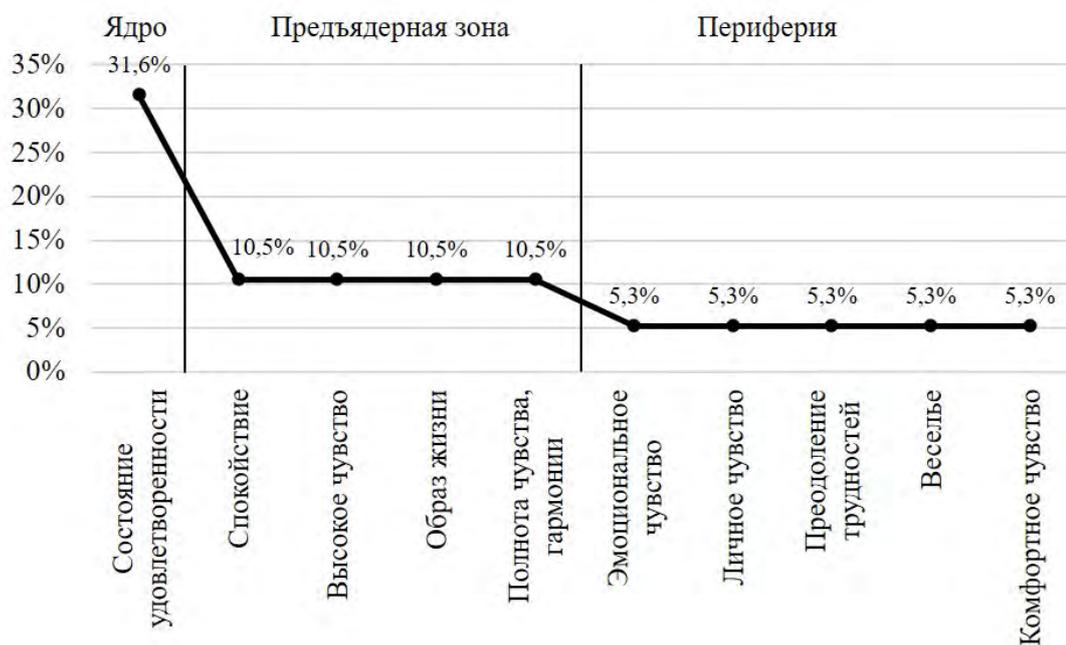

Рисунок 17 — Семантическая структура лексемы СЧАСТЬЕ в ответах русских информантов-девушек

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *состояние удовлетворенности*, у которого самый высокий процент частотности — 31,6.

Предъядерная зона включает следующие семантические компоненты: *спокойствие*; *высокое чувство*; *образ жизни*; *полнота чувства, гармонии* (каждый компонент — по 10,5%).

Периферийную зону составляют пять семантических компонентов: *эмоциональное чувство*; *личное чувство*; *преодоление трудностей*; *веселье*; *комфортное чувство* (каждый компонент — по 5,3%).

Следовательно, СЧАСТЬЕ в языковом сознании русских девушек — это *состояние удовлетворенности*. Когда люди чувствуют спокойствие, гармонию и веселье, они счастливы. Счастье — это образ жизни, который помогает человеку справиться с трудностями. По мнению некоторых информантов (см. ответы информантов И2, И8 в таблице А6 приложения А), счастье — это *личное чувство* и *комфортное чувство*, отмеченные на периферии.

4.3.2. Содержание и структура лексемы 幸福 («счастье»)

в языковом сознании китайского молодого поколения

В ответах китайских информантов-юношей в понимании лексемы 幸福 («счастье») выявлено девять семантических компонентов: 1) *чувство радости*; 2) *состояние удовлетворенности жизнью*; 3) *эмоциональное чувство*; 4) *беззаботность*; 5) *здоровье*; 6) *цельное чувство*; 7) *разные уровни проявления чувства*; 8) *устойчивость, стабильность*; 9) *комфорт, спокойствие*.

Данные семантические компоненты могут быть представлены графически. На рисунке 18 показана семантическая структура лексемы 幸福 («счастье»), выявленная в языковом сознании китайских информантов-юношей.

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *чувство радости*, который обладает самым высоким процентом частотности — 27,8%.

Предъядерная зона включает следующие семантические компоненты: *состояние удовлетворенности жизнью* (22,2%), *эмоциональное чувство* (11,1%), *беззаботность* (11,1%).

Периферийную зону составляют пять семантических компонентов: *здоровье*; *цельное чувство*; *разные уровни проявления чувства*; *устойчивость, стабильность*; *комфорт, спокойствие* (каждый компонент — по 5,6%).

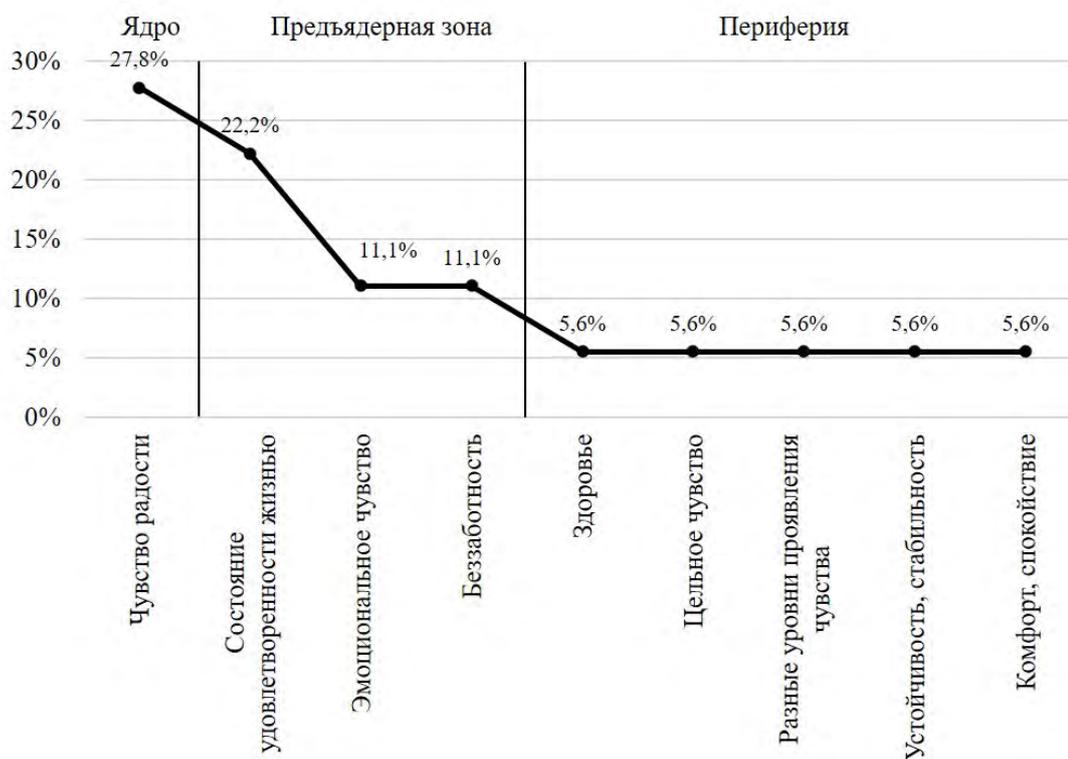

Рисунок 18 — Семантическая структура лексемы 幸福 («счастье») в ответах китайских информантов-юношей

Следовательно, 幸福 («счастье») в целом в ядерной зоне (ядро и предъядерная зона) структуры лексемы определен семантический компонент *чувство радости*. Это чувство понимается информантами как состояние удовлетворенности жизнью, эмоциональное беззаботное чувство. На периферии указан еще такой семантический компонент, как *цельное чувство* с разными уровнями его проявления — устойчивое, стабильное, комфортное, спокойное и здоровое.

Рассмотрим ответы китайских информантов-девушек в понимании лексемы 幸福 («счастье»), в котором выявлено девять семантических компонентов: 1) *состояние удовлетворенности жизнью*; 2) *наслаждение в жизни*; 3) *чувство радости*; 4) *удача*; 5) *быть любимым*; 6) *забота о любимых, семье*; 7) *ожидание будущего*; 8) *исполнение желания, средство достижения целей*; 9) *состояние отсутствия боли*.

Данные семантические компоненты могут быть представлены графически. На рисунке 19 показана семантическая структура лексемы 幸福 («счастье»), выявленная в языковом сознании китайских информантов-девушек.

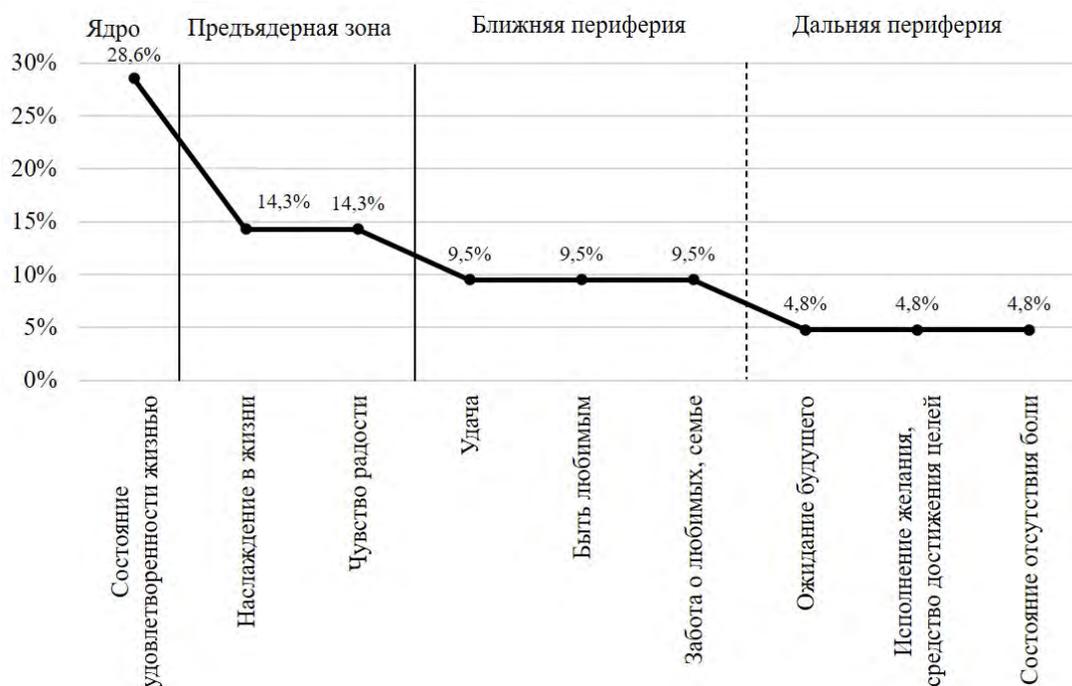

Рисунок 19 — Семантическая структура лексемы 幸福 («счастье») в ответах китайских информантов-девушек

Ядро представлено одним семантическим компонентом — *состояние удовлетворенности жизнью*, который обладает самым высоким процентом частотности — 28,6%.

Предъядерная зона включает два компонента: *наслаждение в жизни*, *чувство радости* (каждый компонент — по 14,3%).

Периферийная зона состоит из ближней и дальней. Ближняя периферия: *удача*, *быть любимым*, *забота о любимых, семье* (каждый компонент — по 9,5%). Дальняя периферия: *ожидание будущего*, *исполнение желания* и *средство достижения целей*, *состояние отсутствия боли* (каждый компонент — по 4,8%).

Следовательно, 幸福 («счастье») в языковом сознании китайских девушек — это *состояние удовлетворенности жизнью*, *чувство радости*

и наслаждения в жизни. На периферии оказываются шесть семантических компонентов, которые указывают на конкретное проявление счастья (см. рисунок 19).

4.3.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 в групповом сознании русского и китайского молодого поколения

Сопоставим семантические компоненты в структурах лексем СЧАСТЬЕ / 幸福, данные русскими и китайскими информантами (таблица 11).

Таблица 11 — Анализ семантических компонентов в структурах лексем СЧАСТЬЕ / 幸福, данных русскими и китайскими информантами

Русские информанты		Китайские информанты	
Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Ядро			
Состояние удовлетворенности	Состояние удовлетворенности	Чувство радости	Состояние удовлетворенности жизнью
Предъядерная зона			
Достаток. Радость. Эмоциональное чувство	Спокойствие. Высокое чувство. Образ жизни. Полнота чувства, гармонии	Состояние удовлетворенности жизнью. Эмоциональное чувство. Беззаботность	Наслаждение в жизни. Чувство радости
Периферийная зона			
Личное чувство. Семья, друзья и любимые. Разные уровни проявления чувства. Материальные ценности. Преодоление трудностей. Спокойствие. Уверенность в будущем. Физиологическое чувство. Достижение желаний. Находить место в жизни	Эмоциональное чувство. Личное чувство. Преодоление трудностей. Веселье. Комфортное чувство	Здоровье. Цельное чувство. Разные уровни проявления чувства. Устойчивость, стабильность. Комфорт, спокойствие	Удача. Быть любимым. Забота о любимых, семье. Ожидание будущего. Исполнение желания, средство достижения целей. Состояние отсутствия боли

Данные таблицы 11 позволяют отметить, что ядро лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 представлено одинаково в группах русских информантов — юношей и девушек, а также в группе китайских девушек — это *состояние удовлетворенности (жизнью)*, которое совпадает с определением этой лексемы в русских словарях, таких как БАС («состояние полной удовлетворенности жизнью» [БАС 1963: Т. 14, 1311]) и «Современный толковый словарь» («состояние высшей удовлетворенности жизнью» [СТЛ 2004: 814]), а также в Современном китайском словаре: 幸福 («счастье») — это 1) обстоятельства и жизнь, в которых люди чувствуют себя комфортно; 2) (жизнь, обстоятельство) удовлетворительное [Словарь современного китайского языка 2017: 1469]. Ядро лексемы 幸福 («счастье») у китайских юношей определяется как *чувство радости*, что также отмечается в русском словаре «Современный толковый словарь» [СТЛ 2004: 814]. В целом все информанты считают счастье чувством «глубокого довольства» [СТЛ 2004: 814], которое фиксируется и в социуме, и в словарях как активный ценностный компонент значения.

Предъядерная и периферийная зоны в ответах всех информантов характеризуются как общими, так и специфическими аспектами значения исследуемой лексемы.

В предъядерной зоне у русских и китайских информантов есть следующие общепотребительные ценностные определения лексем СЧАСТЬЕ / 幸福: *эмоциональное чувство и радость (чувство радости)*. Иными словами, информанты ценят счастье как эмоцию, приносящую чувство радости.

Периферийная зона включает в себя ряд ценностных компонентов, названных информантами. В этой зоне у русских и китайских юношей выделяется общий семантический ценностный компонент — *разные уровни проявления чувства*, то есть счастье как чувство в определенной степени

субъективно, каждый понимает его по-своему. Кроме того, духовный и материальный комфорт и спокойствие, достижение целей, уверенность и надежда в будущем являются важными ценностными компонентами для молодых людей обоих социумов. Счастье связано с заботой о своих любимых и семье — общий семантический компонент для русских юношей и китайских девушек.

Однако понимание лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 содержит и специфические черты, характерные как для русского, так и для китайского языка. У русского молодого поколения счастье — личное чувство и чувство преодоления трудностей. То же самое утверждают русские писатели и философы: «Счастье относительно, и не что иное, как полнейшее чувство жизни, — высшая деятельность» (П. Киреевский). «Ибо счастье лежит не вне человека, а в нем самом...» (Н. Трубецкой) [Словарь русской ментальности 2004: Т. 2, 366]. Есть и другое понимание счастья в русском социуме. Русские юноши указывают, что счастье — это способ находить свое место в жизни; счастье связано с физиологией.

У представителей китайского молодого поколения 幸福 («счастье») выражается в цельном чувстве внутреннего благополучия, стабильности и устойчивости. Некоторые информанты отмечают, что важным аспектом счастья является отсутствие боли и внимание к здоровью. Последний семантический компонент отмечен в книге «Шан Шу·Хун Фань» (尚书洪苑): «Как одно из пяти земных благ, благополучие, здоровье — это также внешнее проявление счастья» [Ван Чжаося 2017].

4.4. Выводы

Анализ и сравнение значений лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 в толкованиях русских и китайских информантов позволили сделать следующие выводы.

Ядро значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 в языковом сознании русского и китайского молодого поколения является идентичным как у юношей, так и у девушек; определяется, что любовь есть *эмоциональное чувство*; все русские информанты и китайские девушки понимают лексемы СЧАСТЬЕ / 幸福 как *состояние удовлетворенности*, что совпадает с определениями в словарях.

Специфическое в значении рассматриваемых лексем проявляется уже в ядре: для лексемы ЛЮБОВЬ особенность зафиксирована в ответах русских девушек-информантов, которые определяют ее как *эмоционально-психическое чувство*; для лексемы 幸福 («счастье») — в ответах китайских юношей, понимающих счастье как *чувство радости*.

Отметим также общие и специфические ценностные аспекты, определенные в предъядерной и периферийной зонах обоих молодых поколений. Так, в предъядерной зоне и русские, и китайские информанты рассматривают любовь как абстрактное действенное чувство; важным признаком любви считается забота о близких людях. Все информанты рассматривают счастье как эмоциональное радостное чувство. Однако для русских информантов важен образ жизни, позволяющий приобрести спокойствие и достаток; для китайских информантов счастье обозначает наслаждение в жизни (ответы китайских девушек), беззаботность (ответы китайских юношей).

В периферийной зоне общими ценностными компонентами значения лексем ЛЮБОВЬ / 爱 являются *счастье* и *ответственность*; значения лексем СЧАСТЬЕ / 幸福 — *разные уровни проявления чувства, спокойствие, комфорт (комфортное чувство)*.

Отмечены и специфические ценностные компоненты лексем ЛЮБОВЬ / 爱 в периферийной зоне. В русском социуме любовь понимается как физиологическое чувство (ответы русских юношей). Кроме того, она

помогает преодолеть трудности (ответы русских девушек); характеристиками любви в русском социуме называются *спокойствие, доверие и уважение*. В китайском социуме лексема 爱 («любовь») имеет такие ценностные особенности, как *терпение, а жертвенность и любовные отношения* – только в ответах китайских юношей; *искренность* – только в ответах китайских девушек.

Для русских информантов СЧАСТЬЕ – это *личное чувство*, помогающее преодолеть трудности. Для русских юношей важным в этой лексеме представляется уверенность в будущем с нахождением места в жизни. Китайские информанты считают 幸福 («счастье») устойчивым и стабильным чувством, полагая, что важным аспектом счастья является отсутствие боли и внимание к здоровью. Для китайских девушек счастье означает успешность в делах и заботу о любимых и семье.

В целом специфические ценностные аспекты в толкованиях обеих лексем русского и китайского языка сосредоточены в ядерной зоне (ядро и предъядерная зона). Периферийная зона, как правило, указывает на большое количество конкретных специфических ценностных компонентов с низким процентом частотности в ответах русских и китайских юношей и девушек.

**ГЛАВА 5. СТРАТИФИКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ
ЛЕКСЕМ ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 И ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳
В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ
РУССКОГО И КИТАЙСКОГО СОЦИУМОВ**

5.1. ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳

как этнокультурные ценности

Этнокультурные ценности лексем ВЕЖЛИВОСТЬ и ТРУДОЛЮБИЕ играют важную роль в формировании национального характера и способствуют социальному прогрессу.

В русской культуре ВЕЖЛИВОСТЬ является важным понятием в этике. Это моральное качество личности человека, которое «характеризует его поведение и отношение к другим людям с точки зрения человеческих ценностей, признания человека как высшей ценности для других людей» [Кондрашов 1999: 32], «...включает внимательность, внешнее проявление доброжелательности ко всем, готовность оказать услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт» [Словарь по этике 1989: 37].

В «Словаре русской ментальности» вежливость определяется как «внешне учтивое и любезное отношение к окружающим, принимающее форму изысканности и намеренной утонченности. Проявление приличия в поведении и воспитанности в речах, умение себя вести согласно принятой норме, противопоставленные русской простоте и сердечности в обращении» [Словарь русской ментальности 2014: 81].

В Китае 礼貌 («вежливость») является важным элементом традиционной культуры. Понимание вежливости в языковом сознании носителей китайского языка связано с конфуцианской идеей 礼 («ритуал»), что означает нормы поведения в повседневной жизни людей. Как говорится в книге «Ли цзи» (Ш–I века до нашей эры), 礼 («ритуал») — это важный инструмент, позволяющий людям судить о сущности вещей; стандарт для саморегуляции и различения

добра и зла. 礼 («ритуал») считается ключом к развитию общества, системой правил и норм в сфере этикета.

«Словарь современного китайского языка» толкует 礼貌 («вежливость») следующим образом: «выражение скромности и уважения в речи и действиях» [Словарь современного китайского языка 1998: 772]. По мнению китайского ученого Хэ Чжаосюна, вежливость — это наблюдаемое социальное явление, средство для достижения определенной цели и согласованная норма поведения [Хэ Чжаосюн 2000: 239]. С точки зрения другого китайского ученого, И Синь, вежливость — это «сложная система, состоящая из социальных, моральных норм и личных речевых и поведенческих установок с национально-культурными особенностями, а также способов и средств выражения этих норм и установок» [И Синь 2016: 77].

ТРУДОЛЮБИЕ в «Словаре русской ментальности» толкуется как «неизменное усердие в труде, привычка к нему и способность много и эффективно трудиться, получая от этого удовольствие» [Словарь русской ментальности 2014: 401]. Доктор педагогических наук П. И. Чернецов рассматривает ТРУДОЛЮБИЕ как нравственную черту личности, в которой отражается не только «отношение человека к труду, но и его нравственный облик». Кроме того, трудолюбие является устойчивым ядром и определяющей чертой поведения человека в процессе деятельности [Чернецов 2001: 13–14].

В Китае 勤劳 («трудолюбие») высоко ценится с древних времен. Это одна из главных черт китайского народа: «китайцы — трудолюбивый народ. Внешняя оценка также представляет этот народ как исключительно трудолюбивых людей» [Есенова, Ван 2010: 48]. В «Цзо-чжуань» (около IV века до нашей эры) написано, что 民生在勤, 勤则不匮 («средства к существованию народа заключаются в трудолюбии, пока он (народ) трудится, недостатка в национальной силе не будет»).

В современном китайском обществе трудолюбие является неотъемлемой чертой китайского национального духа. По словам У Сяньтао, трудолюбие

в сознании китайской нации — это залог успеха во всех начинаниях, первая из всех добродетелей и источник всех благ. Понятия трудолюбия и смелости тесно связаны. Если человек хочет достичь желаемого в преобразовании окружающей среды, он должен быть трудолюбивым, упорным и мужественным. Благодаря этим качествам он сможет достичь своей цели [У Сяньтао 2003: 15].

Материалом исследования содержания и структуры лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 являются семантические компоненты, полученные от 64 представителей молодого поколения (32 русских и 32 китайских информанта) методом анкетирования. Выборка информантов сбалансирована по трем стратам: «уровень образования» (студент бакалавриата / магистрант), «специальность» (гуманитарный профиль / негуманитарный профиль) и «гендер» (юноша / девушка).

Анализ структуры лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 выполнен с помощью конструирования семантической структуры, что позволило показать специфические семантические компоненты этих лексем, распределенных по зонам.

5.2. Исследование значения лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌

в групповом сознании русского и китайского социумов с учетом страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»

5.2.1. Содержание и структура лексемы

ВЕЖЛИВОСТЬ в русском социуме

Результаты исследования с учетом страты «уровень образования»

В ответах студентов бакалавриата выделено восемь семантических компонентов: 1) *уважительное отношение к людям*; 2) *этикет*; 3) *тактичность*; 4) *черта личности*; 5) *чуткость*; 6) *воспитанность*; 7) *доброжелательное отношение к живым объектам природы*; 8) *добрые дела*.

Представим семантическую структуру лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ, состоящую из ядра, предъядерной зоны и периферии. Границы зон

проводились по линии «слома» между точками процентных показателей групп. Количество семантических компонентов определено в процентах (рисунок 20).

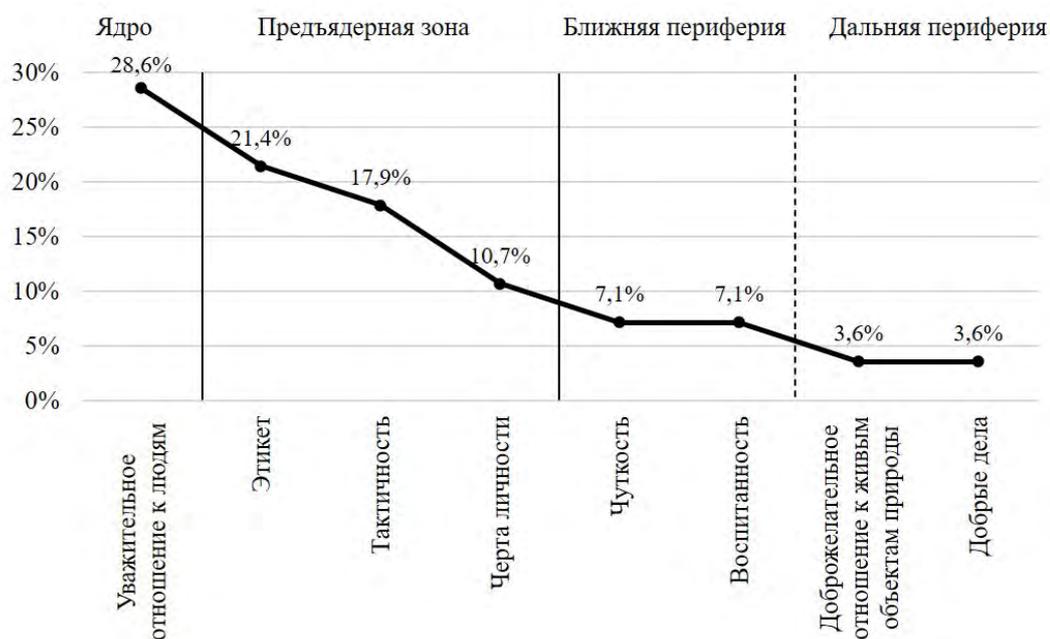

Рисунок 20 — Семантическая структура лексемы
ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских студентов бакалавриата

Как видим на рисунке 20, ядро состоит из одного семантического компонента — *уважительное отношение к людям* (28,6%), который является наиболее частотным.

Предъядерная зона включает следующие семантические компоненты: *этикет* (21,4%), *тактичность* (17,9%), *черта личности* (10,7%). На периферии зафиксировано четыре семантических компонента: *чуткость* (7,1%), *воспитанность* (7,1%), *доброжелательное отношение к живым объектам природы* (3,6%), *добрые дела* (3,6%). Периферия представлена ближней и дальней.

Следовательно, вежливость в языковом сознании группы русских бакалавров — это *уважительное отношение к людям*, которое понимается как форма выражения *этикета*. Вежливость является *чертой личности* и характеризуется *тактичностью*, что в определенной степени означает *воспитанность*, *доброжелательное отношение к живым объектам природы* и *добрые дела*.

В ответах русских магистрантов выделено уже девять семантических компонентов: 1) *уважительное отношение к людям*; 2) *этикет*; 3) *черта личности*; 4) *тактичность*; 5) *воспитанность*; 6) *желание расположить к себе*; 7) *добрые дела*; 8) *образованность*; 9) *доброжелательное отношение к живым объектам природы*.

Опишем семантическую структуру рассматриваемой лексемы в группе магистрантов (рисунок 21).

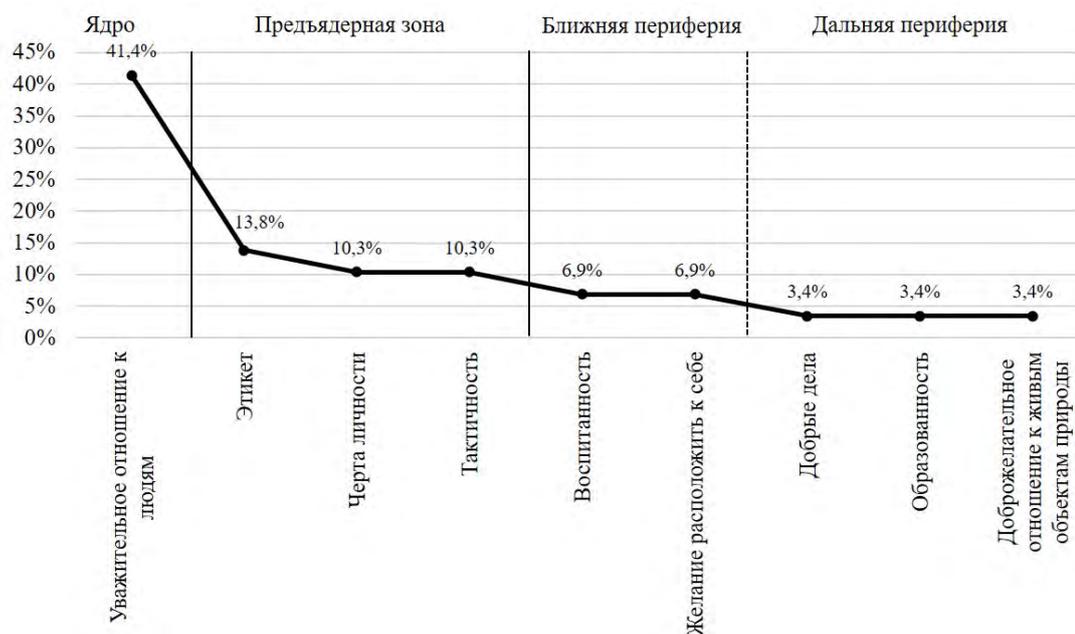

Рисунок 21 — Семантическая структура лексемы **ВЕЖЛИВОСТЬ** в группе русских магистрантов

Исходя из данных на рисунке 21, ядро представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям* (41,4%). Предъядерная зона включает три семантических компонента: *этикет* (13,8%), *черта личности* (10,3%), *тактичность* (10,3%). Периферийную зону составляют пять компонентов: ближняя — *воспитанность* (6,9%) и *желание расположить к себе* (6,9%); дальняя — *добрые дела*; *образованность*; *доброжелательное отношение к живым объектам природы* (каждый компонент — по 3,4%).

Итак, вежливость в языковом сознании русских магистрантов — это *уважительное отношение к людям*. Вежливость представляет собой *черту*

личности, которая отражает *тактичность* и *воспитанность*. Это означает, что человек может и имеет *желание расположить к себе*. *Добрые дела*, *образованность* и *доброжелательное отношение к живым объектам природы* характеризуют дальнюю периферийную зону вежливости.

Результаты исследования с учетом страты «специальность»

В ответах русских информантов-гуманитариев, определяющих лексему **ВЕЖЛИВОСТЬ**, выявлено восемь семантических компонентов (см. таблицу А11 приложения А). Семантические компоненты составляют семантическую структуру лексемы в языковом сознании русских гуманитариев (рисунок 22).

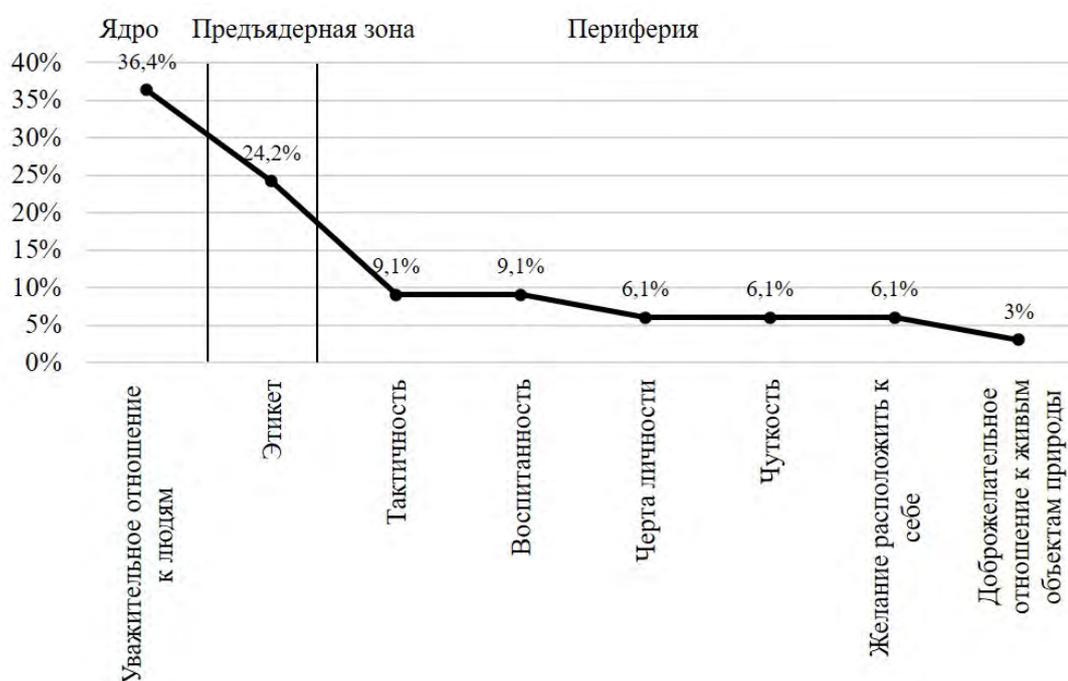

Рисунок 22 — Семантическая структура лексемы **ВЕЖЛИВОСТЬ** в группе русских гуманитариев

Рисунок 22 показывает, что ядро представлено одним семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям* (36,4%). Предъядерная зона включает также один семантический компонент — *этикет* (24,2%). На периферии фиксируются шесть семантических компонентов: *тактичность* (9,1%), *воспитанность* (9,1%), *черта личности* (6,1%), *чуткость* (6,1%),

желание расположить к себе (6,1%), доброжелательное отношение к живым объектам природы (3%).

Таким образом, вежливость в языковом сознании русских гуманитариев — это *уважительное отношение к людям*. Вежливость как этикет у индивида проявляется через *тактичность* и *воспитанность*; требует, чтобы люди обращали внимание на свои поступки, были чуткими; означает желание расположить к себе и жить в гармонии с живыми организмами в природе.

В ответах информантов-негуманитариев, определяющих значение лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ, выявлено восемь семантических компонентов (см. таблицу А12 приложения А), которые составляют семантическую структуру лексемы. Представим семантические компоненты графически (рисунок 23).

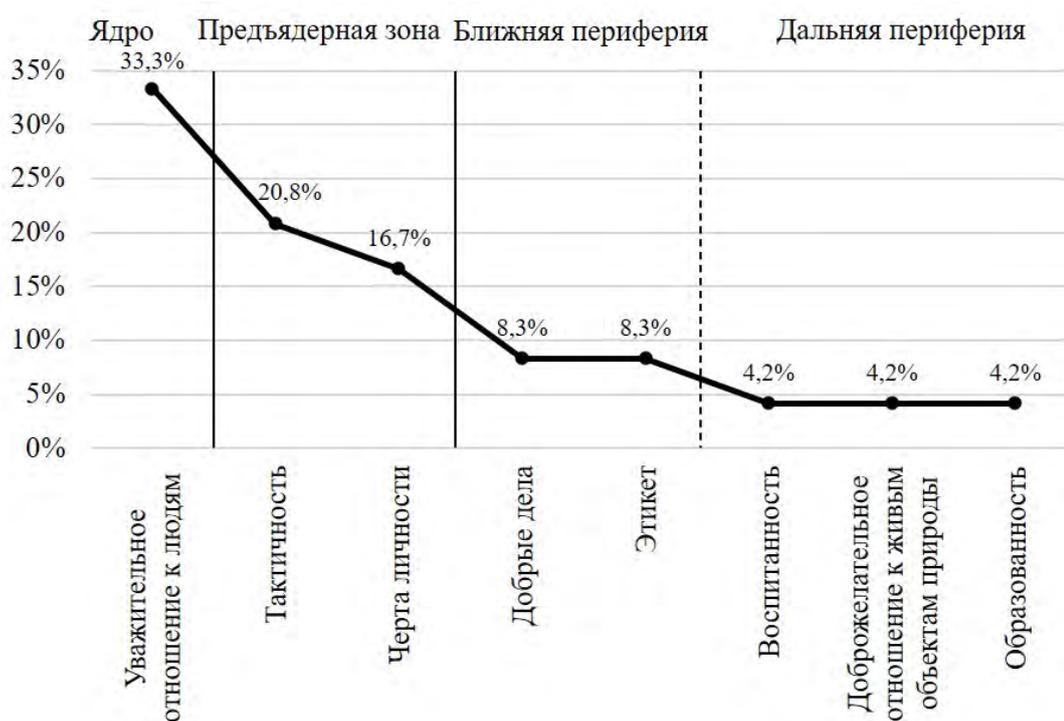

Рисунок 23 — Семантическая структура лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских негуманитариев

Как показано на рисунке 23, ядро представлено одним семантическим компонентом, встречающимся наиболее часто, — *уважительное отношение к людям* (33,3%). Предъядерная зона включает два семантических компонента: *тактичность* (20,8%) и *черта личности* (16,7%). На периферии

расположились пять семантических компонентов: ближняя — *добрые дела* (8,3%) и *этикет* (8,3%); дальняя — *воспитанность* (4,2%), *доброжелательное отношение к живым объектам природы* (4,2%) и *образованность* (4,2%).

Итак, вежливость в языковом сознании русских негуманитариев — это *уважительное отношение к людям*. Вежливость является чертой личности, которая выражает *тактичность* индивида. Это и *добрые дела*, и часть *этикета*, и связь с *воспитанностью* и *образованностью*.

Результаты исследования с учетом страты «гендер»

В ответах русских информантов-юношей выделено девять семантических компонентов (см. таблицу А13 приложения А). Представим результаты на графике (рисунок 24).

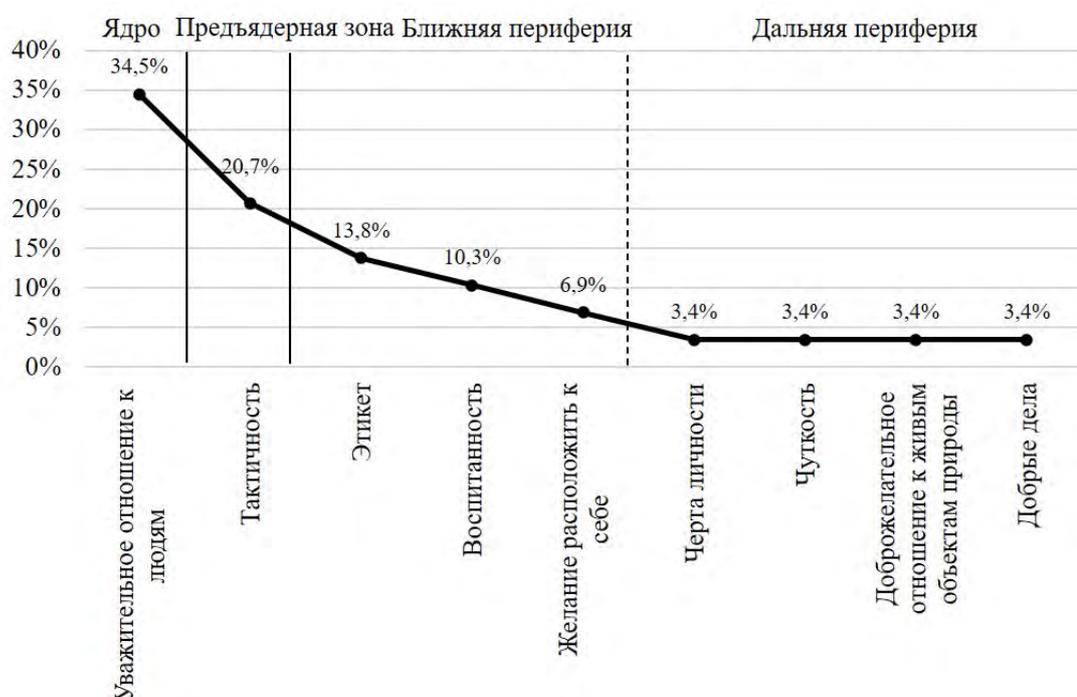

Рисунок 24 — Семантическая структура лексемы
ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских юношей

Как видим на рисунке 24, ядро представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям* (34,5%). Предъядерная зона также включает один семантический компонент — *тактичность* (20,7%). На периферии фиксируются семь семантических компонентов: ближняя — *этикет* (13,8%), *воспитанность* (10,3%) и *желание*

расположить к себе (6,9%); дальняя — черта личности; чуткость; доброжелательное отношение к живым объектам природы; добрые дела (каждый компонент — по 3,4%).

Следовательно, вежливость в языковом сознании русских юношей — это *уважительное отношение к людям; проявляется через тактичность и соблюдение этикета. Русские юноши считают, что вежливость означает воспитанность и чуткость, которые сочетаются с желанием расположить к себе. С точки зрения индивида, вежливость — это черта, связанная с добрыми делами и добродушным отношением к живым объектам природы.*

В ответах русских информантов-девушек выделено девять семантических компонентов (см. таблицу А14 приложения А), составивших семантическую структуру лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ. Представим их графически (рисунок 25).

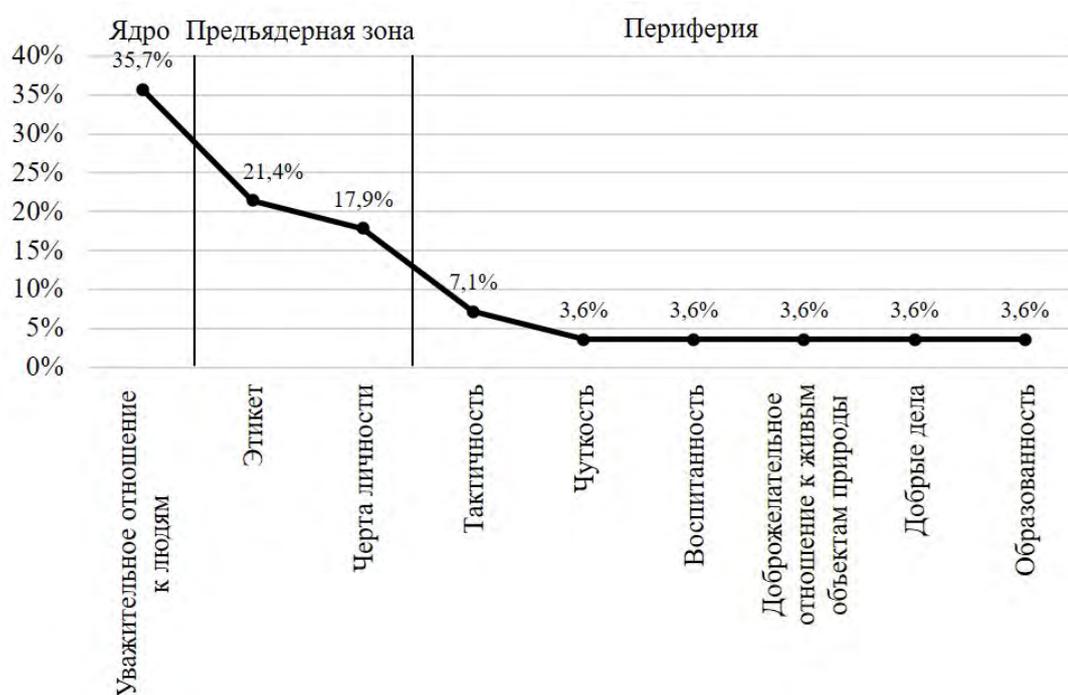

Рисунок 25 — Семантическая структура лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских девушек

Данные рисунка 25 позволяют увидеть, что ядро представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям (35,7%)*. Предъядерная зона включает два семантических компонента: *этикет (21,4%)* и *черта личности (17,9%)*. На периферии

выделены шесть семантических компонентов: *тактичность* (7,1%); *чуткость*, *воспитанность*, *доброжелательное отношение к живым объектам природы*, *добрые дела*, *образованность* — каждый по 3,6%.

Следовательно, вежливость в языковом сознании русских девушек — это *уважительное отношение к людям*. Вежливость, являясь чертой личности, включается в *этикет*. Русские девушки отмечают такие семантические компоненты, как *тактичность*, *чуткость*, *воспитанность*, *образованность*, *доброжелательное отношение к живым объектам природы*, а также *добрые дела*.

5.2.2. Содержание и структура лексемы 礼貌 («вежливость») в китайском социуме

Результаты исследования с учетом страты «уровень образования»

В ответах китайских студентов бакалавриата выделено семь семантических компонентов: 1) *уважительное отношение к людям*; 2) *добрые поступки*; 3) *этикет*; 4) *элемент традиционной культуры*; 5) *чуткость*; 6) *тактичность*; 7) *воспитанность*.

Полученные семантические компоненты можно представить графически с помощью семантической структуры лексемы, состоящей из ядра, предъядерной зоны и периферии. Границы зон проводились по методу «каменистой осыпи», где линия «слома» показывает границу между точками процентных показателей зон (рисунок 26).

Как видим, ядро представлено одним семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям*, который является наиболее частотным и составляет 35,3%. Предъядерная зона включает три семантических компонента: *добрые поступки*, *этикет* (по 17,6% каждый) и *элемент традиционной культуры* (11,8%). Периферийную зону составляют три семантических компонента: *чуткость*, *тактичность*, *воспитанность* (каждый компонент — по 5,9%).

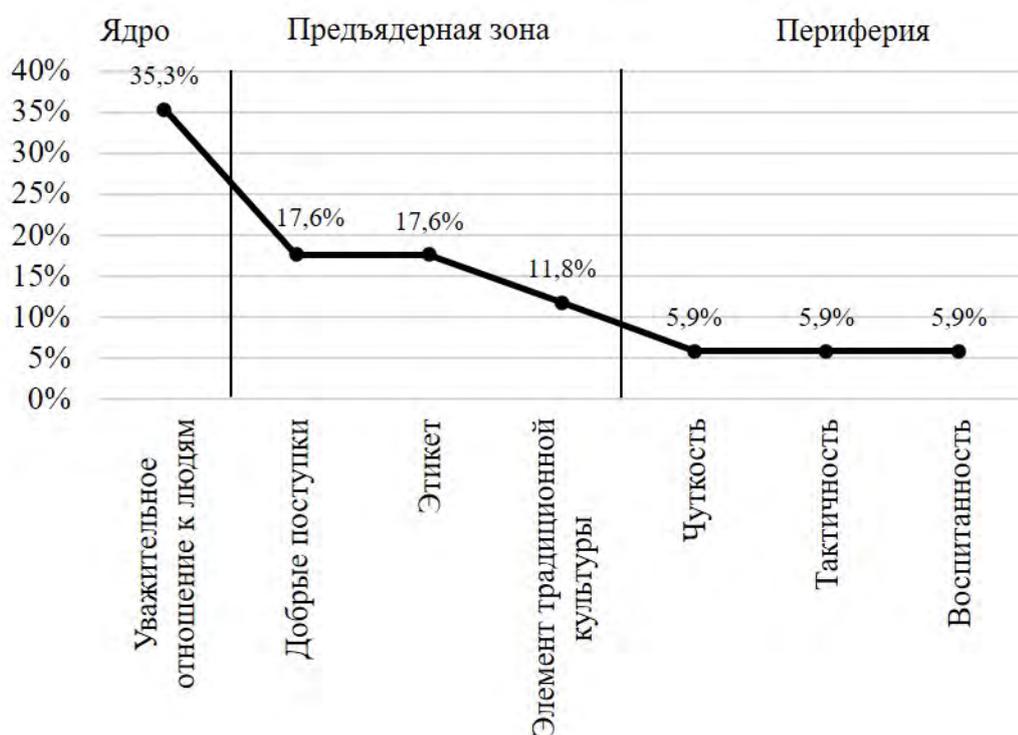

Рисунок 26 — Семантическая структура лексемы

礼貌 («вежливость») в группе китайских студентов бакалавриата

Таким образом, вежливость в языковом сознании китайских студентов бакалавриата понимается главным образом как *уважительное отношение к людям*. Однако студенты понимают вежливость и в широком контексте — как элемент *этикета*, отражающийся в *добрых поступках*. Такое понимание лексемы соответствует китайской традиции, в которой особо ценятся чуткость, тактичность и воспитанность человека.

В ответах китайских магистрантов выделено шесть семантических компонентов: 1) *уважительное отношение к людям*; 2) *добрые поступки*; 3) *этикет*; 4) *воспитанность*; 5) *элемент традиционной культуры*; 6) *скромность*. Представим графически семантическую структуру рассматриваемой лексемы в группе магистрантов (рисунок 27).

Ядро представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом в данной группе информантов — *уважительное отношение к людям* (39,1%). Предъядерная зона включает три семантических компонента: *добрые поступки* (26,1%), *этикет* (17,4%), *воспитанность* (8,7%).

Периферию составляют два компонента: *элемент традиционной культуры* и *скромность* (по 4,3% каждый).

Рисунок 27 — Семантическая структура лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских магистрантов

Таким образом, вежливость в языковом сознании китайских магистрантов определяется тем же компонентом, что и у студентов бакалавриата, а именно *уважительное отношение к людям*. Однако, в отличие от студентов бакалавриата, магистранты отмечают в лексеме 礼貌 («вежливость») еще такой важный компонент, как *скромность*, что отмечено в традиционной культуре Китая.

Результаты исследования с учетом страты «специальность»

В ответах китайских информантов-гуманитариев, определяющих лексему 礼貌 («вежливость»), выявлено шесть семантических компонентов (см. таблицу А17 приложения А), которые составляют семантическую структуру лексемы в их языковом сознании (рисунок 28).

Исходя из данных рисунка 28, в группе китайских гуманитариев ядро представлено двумя семантическими компонентами: *уважительное отношение к людям* и *добрые поступки* — каждый по 30%.

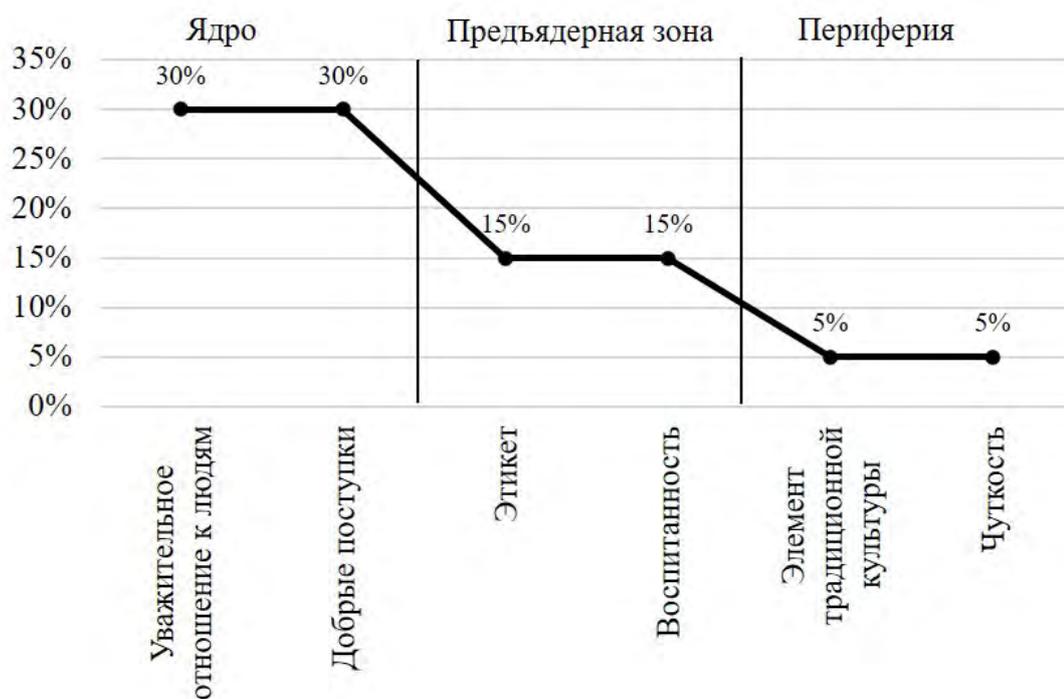

Рисунок 28 — Семантическая структура лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских гуманитариев

Предъядерная зона также включает два семантических компонента: *этикет* и *воспитанность* (по 15% каждый). И периферийную зону составляют два семантических компонента: *элемент традиционной культуры* и *чуткость* (по 5% каждый).

Следовательно, вежливость в языковом сознании китайских гуманитариев, как и у студентов бакалавриата и магистратуры, — это *уважительное отношение к людям*. Однако в ядре гуманитариев представлен еще один компонент — *добрые поступки*. Для них вежливость — это прежде всего *этикет*, где особо отмечается *воспитанность*. В отличие от китайских студентов бакалавриата, в этой группе семантический компонент *элемент традиционной культуры* находится на периферии, как и у магистрантов.

В ответах информантов-негуманитариев, определяющих значение лексемы 礼貌 («вежливость»), выявлено шесть семантических компонентов (см. таблицу A18 приложения А), которые составляют семантическую структуру лексемы в языковом сознании китайских негуманитариев (рисунок 29).

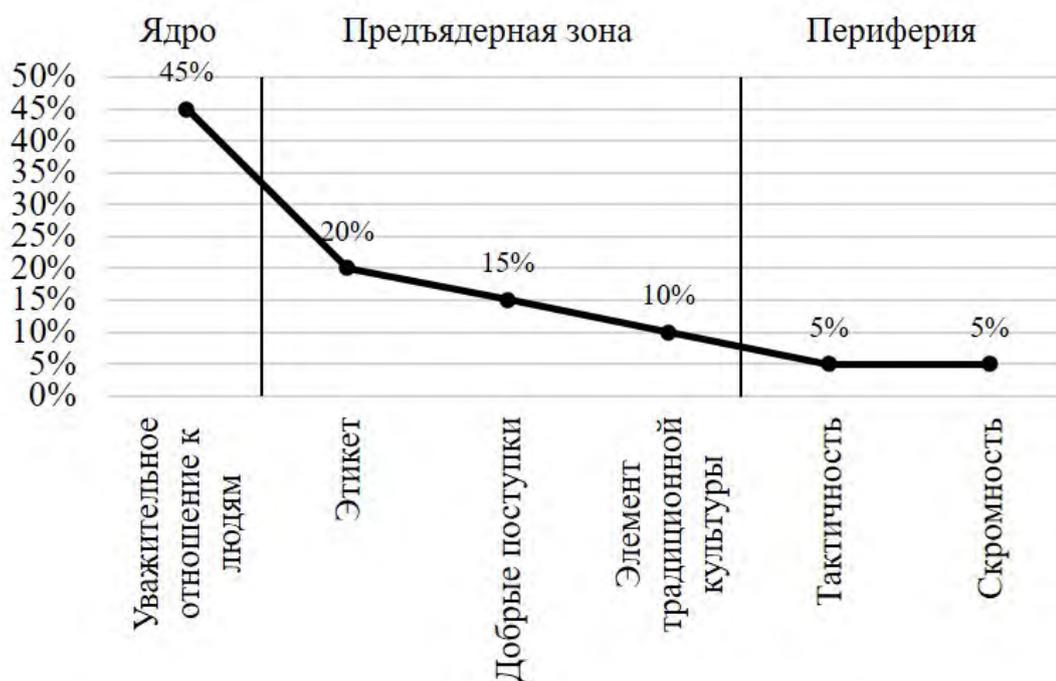

Рисунок 29 — Семантическая структура лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских негуманитариев

Данные рисунка 29 позволяют отметить, что ядро представлено одним семантическим компонентом — *уважительное отношение к людям*, который является наиболее частотным и составляет 45% ответов в группе китайских негуманитариев. Предъядерная зона состоит из трех семантических компонентов: *этикет* (20%), *добрые поступки* (15%), *элемент традиционной культуры* (10%). Периферийную зону составляют два семантических компонента: *тактичность* (5%) и *скромность* (5%).

Таким образом, вежливость в языковом сознании китайских студентов негуманитарного профиля — это *уважительное отношение к людям*, что включает *этикет*. Конкретным проявлением вежливости в процессе общения с людьми являются *добрые поступки*, отражающие традиционную культуру. Иногда проявляется и духовно-нравственное качество личности (*тактичность* и *скромность*).

Результаты исследования с учетом страты «гендер»

В ответах китайских информантов-юношей выделены семь семантических компонентов (см. таблицу A19 приложения А),

представляющих в семантическую структуру лексемы 礼貌 («вежливость») (рисунок 30).

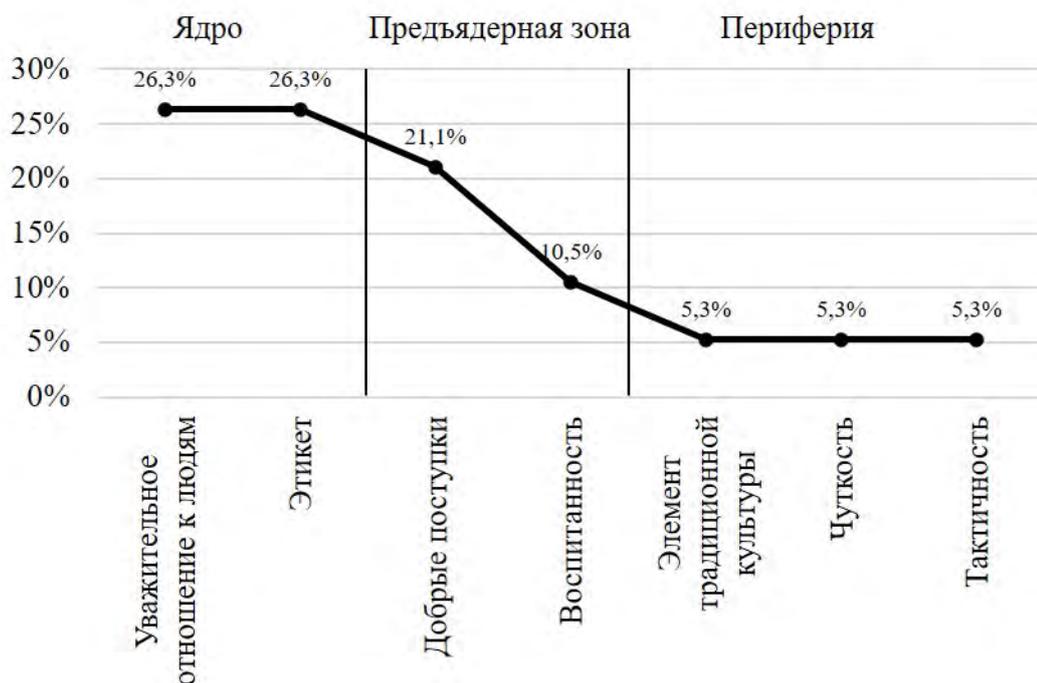

Рисунок 30 — Семантическая структура лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских информантов-юношей

Ядро содержит два семантических компонента: *уважительное отношение к людям* и *этикет*, являющихся наиболее частотными (по 26,3% каждый). Предъядерная зона включает два семантических компонента: *добрые поступки* (21,1%) и *воспитанность* (10,5%). Периферийную зону составляют три семантических компонента: *элемент традиционной культуры*, *чуткость*, *тактичность* (каждый компонент — по 5,3%).

Следовательно, понимая вежливость как *уважительное отношение к людям*, информанты этой группы рассматривают ее и в качестве элемента *этикета*; большую роль при этом играют *добрые поступки* (21,1%). Вежливость определяется таким качеством, как *воспитанность* (иногда *чуткость* и *тактичность*). В отличие от других групп китайских информантов, юноши не склонны отмечать традиционную культуру как основополагающий ценностный фактор.

В ответах информантов-девушек получено шесть семантических компонентов (см. таблицу A20 приложения A), входящих в семантическую структуру лексемы 礼貌 («вежливость») (рисунок 31).

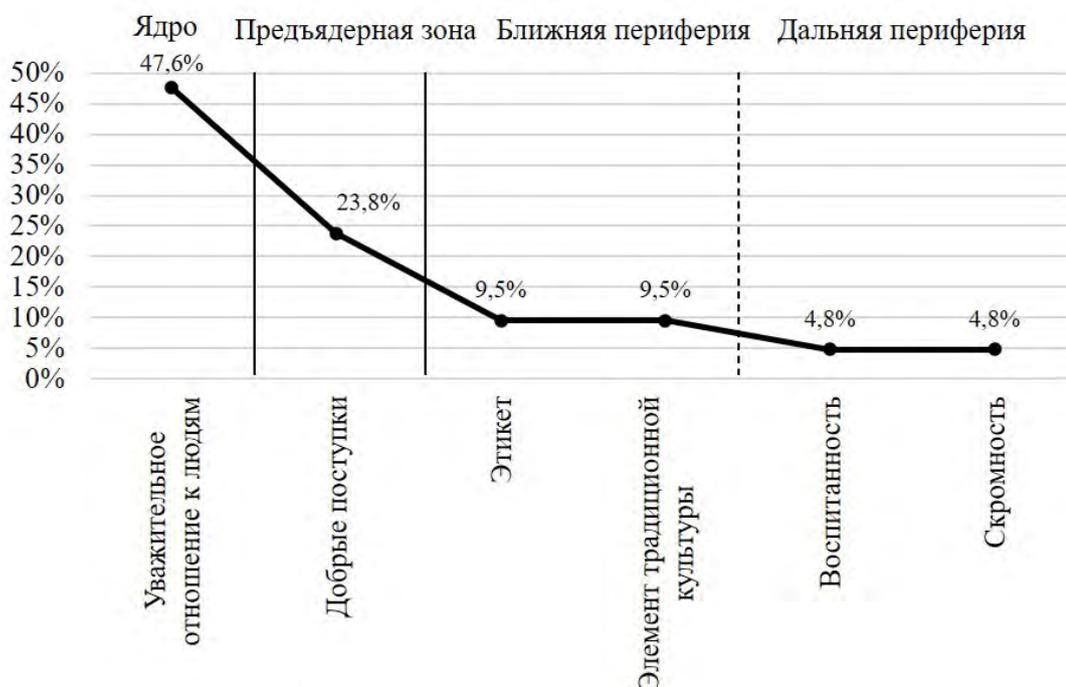

Рисунок 31 — Семантическая структура лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских информантов-девушек

На рисунке 31 видно, что в группе китайских девушек выделяется ядро, состоящее из одного наиболее частотного семантического компонента, а именно *уважительное отношение к людям* (47,6%). Предъядерная зона также включает один семантический компонент — *добрые поступки* (23,8%). Периферийная зона состоит из ближней и дальней: ближняя — *этикет* и *элемент традиционной культуры* (каждый компонент — по 9,5%); дальняя — *воспитанность* и *скромность* (каждый компонент — по 4,8%).

Следовательно, вежливость в языковом сознании китайских девушек понимается как *уважительное отношение к людям*. Она проявляется в *добрых поступках*, считается важной частью *этикета* и *традиционной культуры* как основы гармоничного взаимодействия в обществе. Иногда при этом следует учитывать *воспитанность* и *скромность*.

5.2.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в языковом сознании русского и китайского социумов

Ранее в диссертационном исследовании были определены семантические компоненты лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌, выделенные в языковом сознании групп русских и китайских информантов; установлены семантические структуры, состоящие из этих компонентов. Далее рассмотрим сходство и различие данных семантических структур лексем в ядре, предъядерной и периферийной зонах.

Ядро

Ядро семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 во всех группах русских и китайских информантов представлено семантическим компонентом *уважительное отношение к людям*, выступающим основополагающим ценностным фактором (рисунок 32). Однако в группах китайских гуманитариев и китайских юношей этот фактор состоит из двух ценностных семантических компонентов — *добрые поступки* и *этикет*.

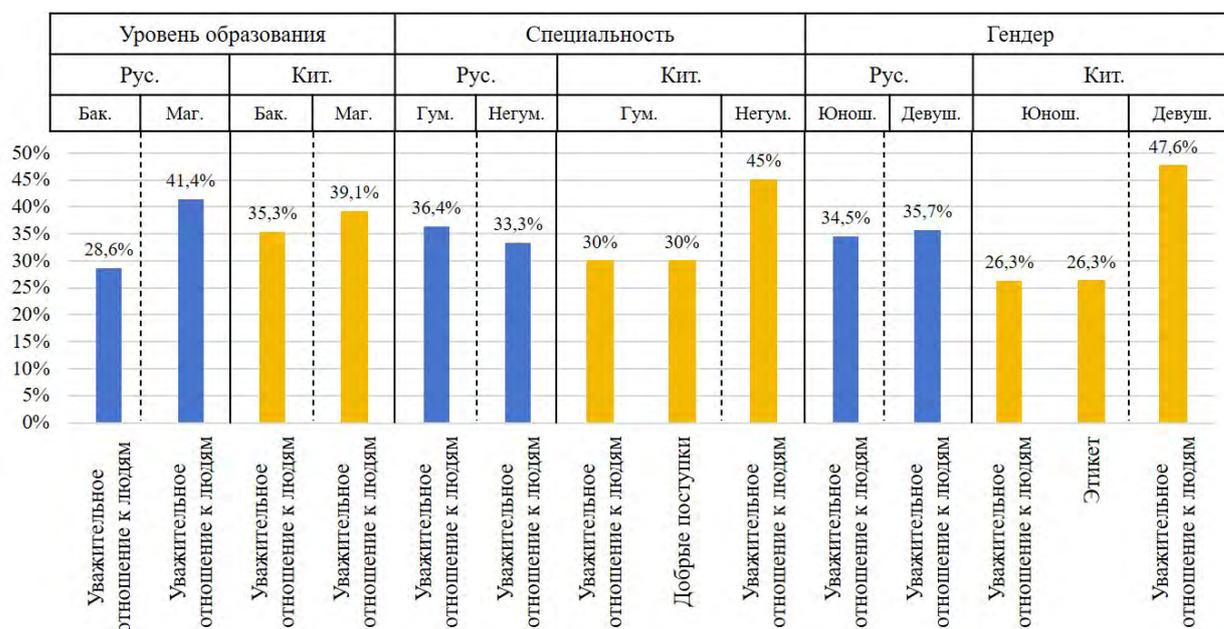

Рисунок 32 — Ядро семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

Вполне естественно, что в ядре во всех группах русских и китайских информантов отмечается, во-первых, высокая частотность ядерного семантического компонента, при этом в группе китайских девушек его значение самое высокое — 47,6% (см. рисунок 32).

Во-вторых, в группе китайских гуманитариев оба ядерных компонента имеют одинаковый процент частотности — 30%. То же самое характеризует китайских юношей: здесь оба семантических компонента равны 26,3%.

В-третьих, в группах русских информантов с учетом уровня образования высокой частотой обладает ядерный семантический компонент в группе магистрантов, специальности — в группе гуманитариев, гендера — в группе девушек.

В группах китайских информантов с учетом уровня образования высокой частотой отличается ядерный семантический компонент в группе магистрантов, специальности — в группе негуманитариев, гендера — в группе девушек.

В-четвертых, наиболее низкая частотность семантического компонента отмечается в группе китайских юношей (26,3%) в каждом из двух семантических компонентов.

Предъядерная зона

Представим графически распределение частот встречаемости семантических компонентов лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов в предъядерной зоне (рисунок 33).

В предъядерной зоне лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 китайские информанты дают 14 семантических компонентов, а русские информанты — 12.

В языковом сознании китайского социума с учетом уровня образования, специальности и гендера самый большой процентный показатель частотности семантического компонента наблюдается в группе китайских магистрантов (26,1%), определяемый у семантического компонента *добрые поступки*. Этот

компонент является существенным и для информантов других четырех китайских групп: у студентов бакалавриата он составляет 17,6%; у негуманитариев — 15%, у юношей — 21,1%, у девушек — 23,8%. Как видим, семантический компонент *добрые поступки* выступает самым важным ценностным компонентом в языковом сознании китайских информантов.

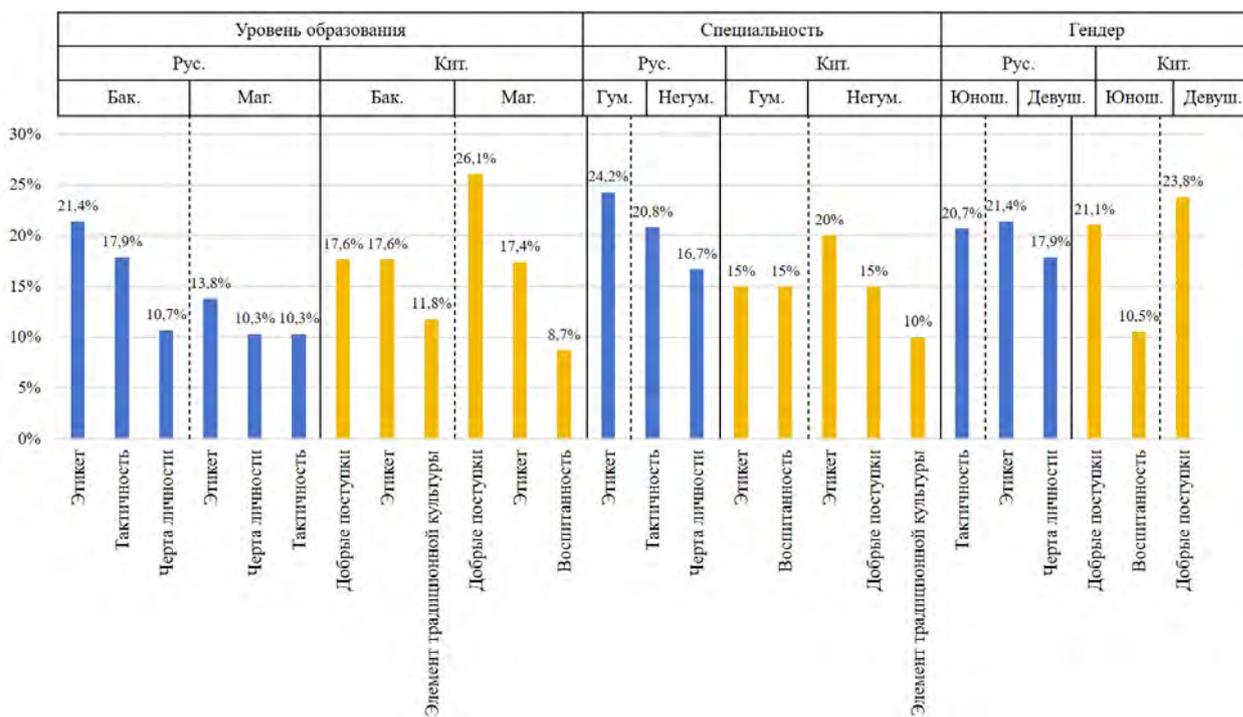

Рисунок 33 — Предъядерная зона семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

Высокий показатель частотности семантического компонента наблюдается также в группе русских гуманитариев — 24,2%, однако он относится к семантическому компоненту *этикет*. Этот компонент фиксируется также в других группах русских информантов: студентов бакалавриата — 21,4%, магистрантов — 13,8%, девушек — 21,4%. Таким образом, семантический компонент *этикет* является частотным в предъядерной зоне и выступает важным ценностным компонентом в языковом сознании русских информантов.

Предъядерная зона включает и другие ценностные компоненты. Так, для русского социума характерны два семантических компонента: *тактичность*

и *черта личности*. Семантический компонент *тактичность* фиксируется в группах русских информантов с частотой от 20,8 до 10,3%, причем он имеет почти одинаковую частотность — 20,8% и 20,7% — в группе негуманитариев и в группе юношей, то есть является важным ценностным компонентом для этих групп. Семантический компонент *черта личности* отмечается в группах русских студентов бакалавриата, магистрантов, негуманитариев, девушек и составляет соответственно 10,7%, 10,3%, 16,7% и 17,9%.

В китайском социуме важным ценностным компонентом выступает семантический компонент *этикет*, который отмечен в четырех группах информантов с разницей в частоте от 20 до 15%. Еще одним важным семантическим компонентом является *воспитанность*: он выявлен в предъядерной зоне в группе магистрантов — 8,7%, в группе гуманитариев — 15% и в группе юношей — 10,5%. Компонент *элемент традиционной культуры* считается важным ценностным компонентом в китайском социуме в группе студентов-бакалавриата — 11,8% и в группе негуманитариев — 10%. Следовательно, указанные семантические компоненты, отмеченные в предъядерной зоне, составляют основополагающие характеристики ценностного аспекта значения лексемы в китайской социуме.

Периферийная зона

Сопоставим семантические компоненты в периферийной зоне семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов, учитывая их стратификацию (рисунок 34).

В периферийной зоне лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 русские информанты предлагают больше семантических компонентов (33), чем китайские информанты (16).

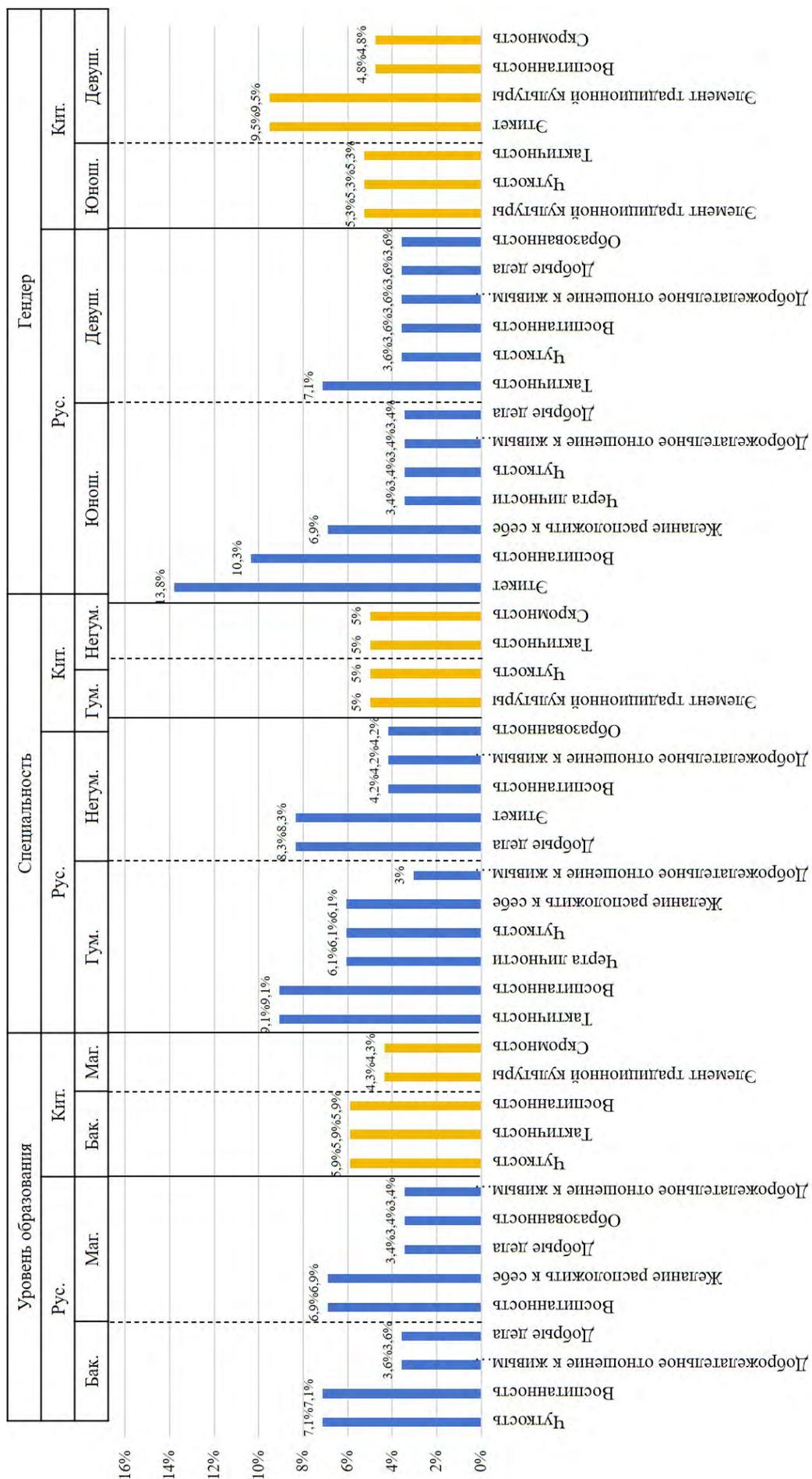

Рисунок 34 — Периферийная зона семантических структур лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

Самый высокий процентный показатель частотности наблюдается в группе русских юношей — 13,8%: он относится к семантическому компоненту *этикет*. Этот семантический компонент отмечается также в группах русских негуманитариев и китайских девушек (8,3 и 9,5% соответственно). К нему добавляются другие семантические компоненты: достаточно весомый компонент *воспитанность*, зафиксированный во всех группах русских информантов со значениями от 10,3 до 3,6%; *доброжелательное отношение к живым объектам природы*, который встречается во всех русских группах информантов с частотой от 3 до 4,2%. Семантический компонент *добрые дела*, отмеченный только на периферии, фиксируется в группах русских студентов бакалавриата — 3,6%, магистрантов — 3,4%, негуманитариев — 8,3%, юношей — 3,4%, девушек — 3,6%.

Как правило, семантические компоненты соединяются информантами по два–три компонента, имеющих одинаковый процент частотности. Это характерно для групп и русских, и китайских информантов (см. рисунок 34).

В китайском социуме ценностным компонентом выступает семантический компонент *элемент традиционной культуры*, отмеченный в четырех группах информантов: магистрантов — 4,3%, гуманитариев — 5%, юношей — 5,3%, девушек — 9,5%. В связи с этим можно сказать, что в китайском социуме вежливость является важной частью традиционной национальной культуры. К этому семантическому компоненту добавляется еще один — *скромность*, который фиксируется в трех группах китайских информантов: магистрантов — 4,3%, негуманитариев — 5%, девушек — 4,8%. С точки зрения китайских информантов, скромность — это форма проявления вежливости.

Однако можно отметить общие семантические компоненты, выделяемые в русском и китайском социумах при характеристике ценностного компонента значения лексемы. Так, семантические компоненты *чуткость*, *тактичность* и *воспитанность* являются высокочастотными для периферии по сравнению

с другими семантическими компонентами, такими как *доброжелательное отношение к живым объектам, добрые дела, элемент традиционной культуры* и др.

Следует отметить, что общие семантические компоненты отмечаются у русских и китайских информантов в различных зонах. Например, семантический компонент *воспитанность*, характерный для русских информантов, отмечен на периферии; у китайских же информантов он фиксируется и на периферии, и в предъядерной зоне.

Некоторые семантические компоненты отмечены в разных зонах структуры лексем у русских или китайских информантов. Так, китайские информанты используют семантический компонент *элемент традиционной культуры* в предъядерной и периферийной зонах. У русских же информантов таким общим компонентом в предъядерной и периферийной зонах выступает *черта личности*.

5.3. Исследование значения лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳

в групповом сознании русского и китайского социума с учетом страт «уровень образования», «специальность» и «гендер»

Исследование значения лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 составляют семантические компоненты, полученные из анкет 32 русских и 32 китайских информантов. Исследование проведено в том же ключе, что и изучение лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в русском и китайском социуме.

5.3.1. Содержание и структура лексем

ТРУДОЛЮБИЕ в русском социуме

Результаты исследования с учетом страты «уровень образования»

В ответах русских студентов бакалавриата выделено восемь семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *результативность в труде*; 3) *целеполагание труда*; 4) *каждодневная работоспособность*; 5) *бескорыстное служение делу*; 6) *получать*

наслаждение от работы; 7) характерная черта «трудоголика»; 8) любить труд.

Представим графически семантическую структуру лексемы, состоящую из ядра, предъядерной зоны и периферии. Количество семантических компонентов определено в процентах. Границы зон проводились по линии «слома» между точками процентных показателей групп (рисунок 35).

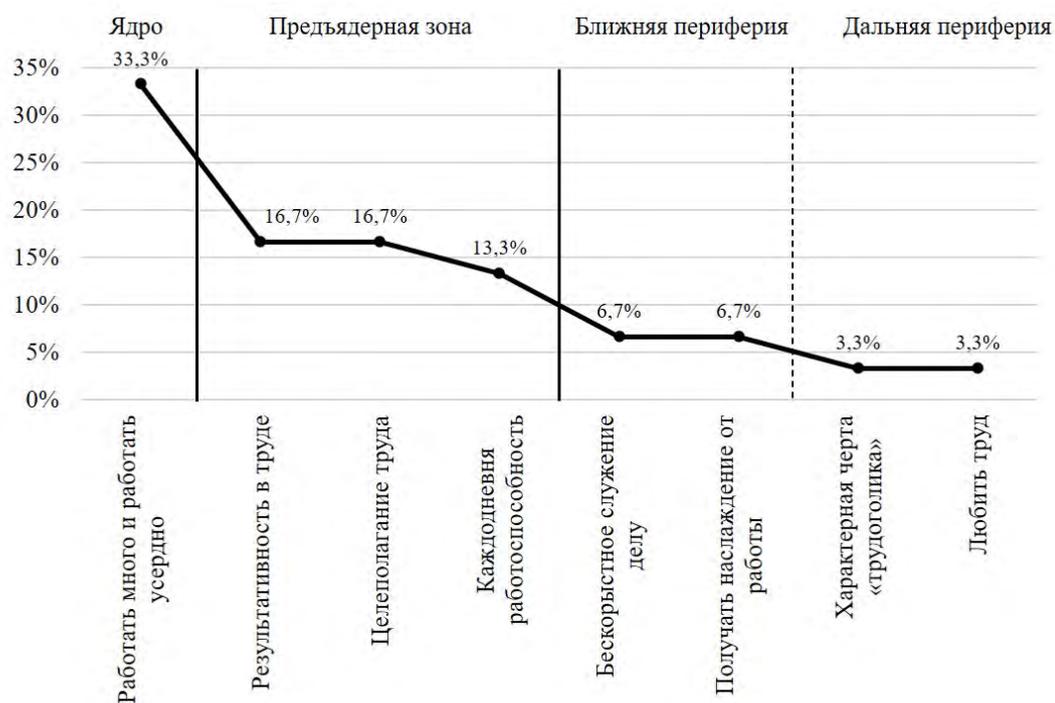

Рисунок 35 — Семантическая структура лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских студентов бакалавриата

Как видим на рисунке 35, ядро представлено только одним семантическим компонентом — *работать много и работать усердно*, который является самым частотным, а именно 33,3% ответов в группе русских студентов бакалавриата. Предъядерная зона включает три семантических компонента: *результативность в труде* (16,7%), *целеполагание труда* (16,7%), *каждодневная работоспособность* (13,3%). Периферийную зону составляют четыре семантических компонента, из них *бескорыстное служение делу* (6,7%), *получать наслаждение от работы* (6,7%) относятся к ближней периферии; *характерная черта «трудоголика»* (человек, чрезмерно много работающий) (3,3%), *любить труд* (3,3%) — к дальней периферии.

Таким образом, трудолюбие в языковом сознании русских студентов бакалавриата тесно связано с умением работать *усердно*. С их точки зрения, трудолюбие отличается *результативностью* и *целенаправленностью* в труде, при этом человек может получать *наслаждение от работы* — его «служение труду» бескорыстно. Семантические компоненты *характерная черта «трудоголика»* (человек, чрезмерно много работающий) и *любить труд* (по 3,3% каждый) находятся на дальней периферии и поэтому не играют существенной роли, по мнению информантов, в определении ценностного компонента значения рассматриваемой лексемы.

В ответах русских магистрантов выделено уже девять семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *характерная черта «трудоголика»*; 3) *выполнять любую работу*; 4) *получать наслаждение от работы*; 5) *целеполагание труда*; 6) *результативность в труде*; 7) *стремление к трудовой деятельности*; 8) *стремление к прогрессу*; 9) *баланс между работой и отдыхом*. Представим графически семантическую структуру данной лексемы в группе русских магистрантов (рисунок 36).

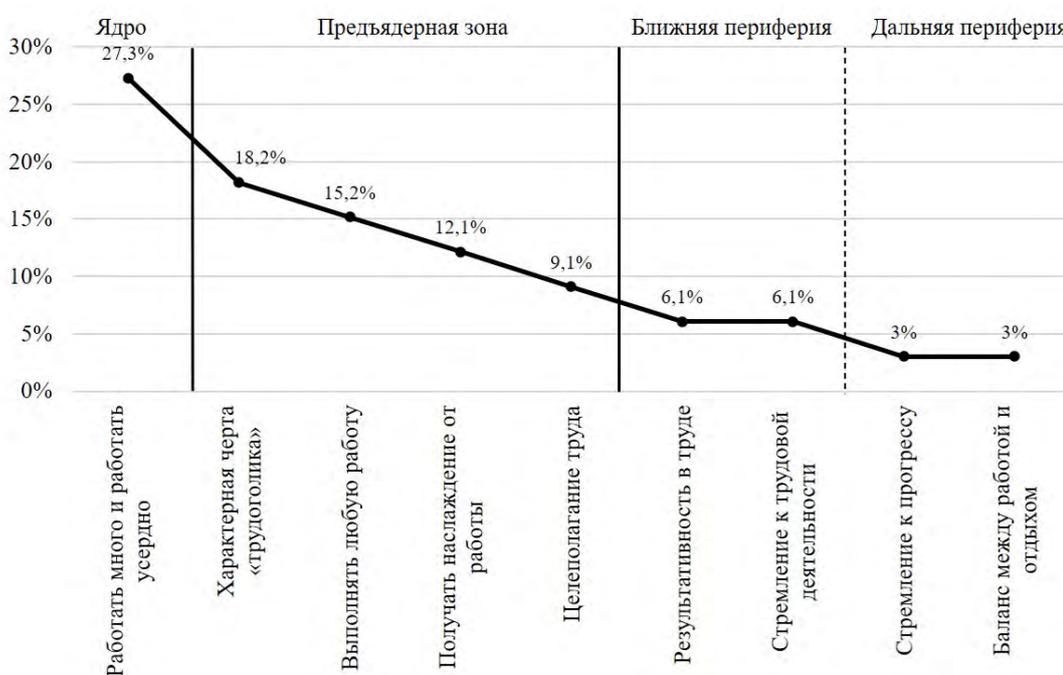

Рисунок 36 — Семантическая структура лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских магистрантов

Ядро представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом для группы магистрантов — *работать много и работать усердно* (27,3%). Предъядерная зона включает четыре семантических компонента: *характерная черта «трудоголика»* (18,2%), *выполнять любую работу* (15,2%), *получать наслаждение от работы* (12,1%), *целеполагание труда* (9,1%). Периферийную зону составляют четыре компонента, из них *результативность в труде* (6,1%) и *стремление к трудовой деятельности* (6,1%) относятся к ближней периферии; *стремление к прогрессу* (3%) и *баланс между работой и отдыхом* (3%) — к дальней периферии.

Трудолюбие в языковом сознании русских магистрантов определяется компонентом *работать много и работать усердно*. Для них трудолюбие — это характерная черта человека, чрезмерно много работающего, который выполняет любую работу с удовольствием. *Целеполагание* определяется стремлением к результату трудовой деятельности. Два семантических компонента: *стремление к прогрессу* (3%) и *баланс между работой и отдыхом* (3%) — имеют низкий процент употребления и составляют дальнюю периферию.

Результаты исследования с учетом страты «специальность»

В ответах русских информантов-гуманитариев, определяющих лексему ТРУДОЛЮБИЕ, выявлено одиннадцать семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *характерная черта «трудоголика»*; 3) *целеполагание труда*; 4) *каждодневная работоспособность*; 5) *выполнять любую работу*; 6) *бескорыстное служение делу*; 7) *результативность в труде*; 8) *получать наслаждение от работы*; 9) *стремление к трудовой деятельности*; 10) *баланс между работой и отдыхом*; 11) *любить труд*. Представим на графике семантическую структуру рассматриваемой лексики в группе русских гуманитариев (рисунок 37).

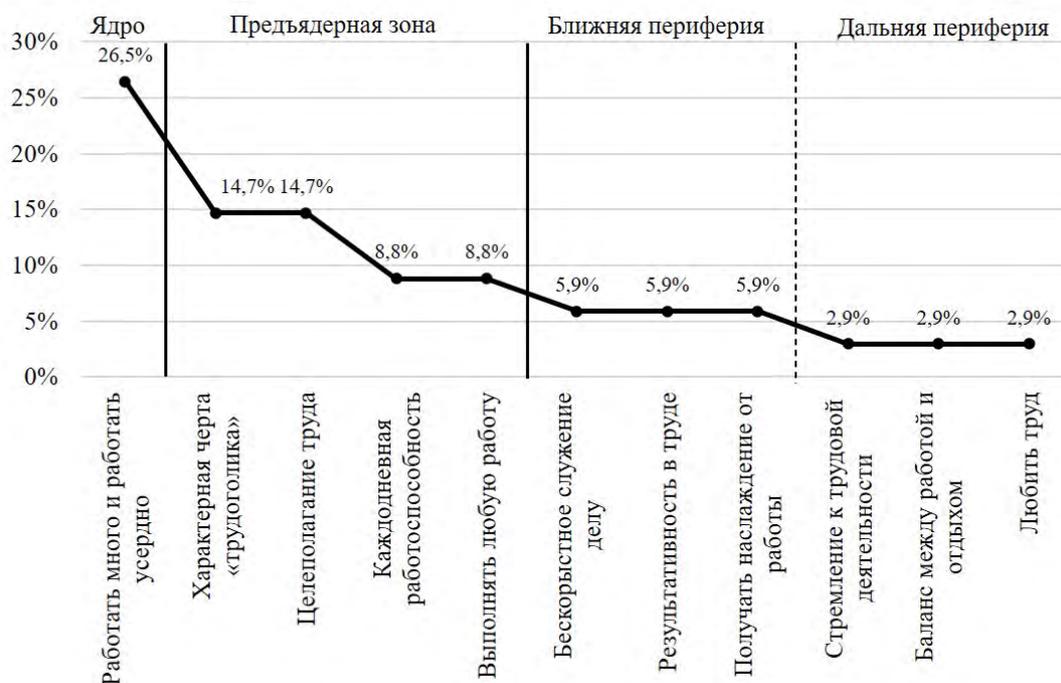

Рисунок 37 — Семантическая структура лексемы
ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских гуманитариев

Ядро представлено одним, самым частотным, семантическим компонентом для группы гуманитариев — *работать много и работать усердно* (26,5%). Предъядерная зона включает четыре семантических компонента: *характерная черта «трудоголика»* (14,7%), *целеполагание труда* (14,7%), *каждодневная работоспособность* (8,8%), *выполнять любую работу* (8,8%). Периферийная зона состоит из ближней и дальней периферии. Ближняя периферия: *бескорыстное служение делу* (5,9%), *результативность в труде* (5,9%), *получать наслаждение от работы* (5,9%). Дальняя периферия: *стремление к трудовой деятельности* (2,9%), *баланс между работой и отдыхом* (2,9%), *любить труд* (2,9%).

Таким образом, трудолюбие в языковом сознании русских гуманитариев определяется компонентом *работать много и работать усердно*, который является *характерной чертой «трудоголика»* и включает *каждодневную работоспособность с удовольствием*. Все это обозначает *бескорыстное служение труду «во благо близких»* (ответ информанта И2 — студент бакалавриата, гуманитарий, девушка). Вновь на дальней периферии

оказываются два семантических компонента: *баланс между работой и отдыхом* и *любить труд*, которые уже были отмечены на периферии значения русской лексемы, а также семантический компонент *стремление к трудовой деятельности*.

В ответах русских информантов-негуманитариев, определяющих лексему ТРУДОЛЮБИЕ, выявлено девять семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *результативность в труде*; 3) *получать наслаждение от работы*; 4) *целеполагание труда*; 5) *характерная черта «трудоголика»*; 6) *выполнять любую работу*; 7) *каждодневная работоспособность*; 8) *стремление к прогрессу*; 9) *стремление к трудовой деятельности*. Представим графически семантическую структуру рассматриваемой лексемы в группе русских негуманитариев (рисунок 38).

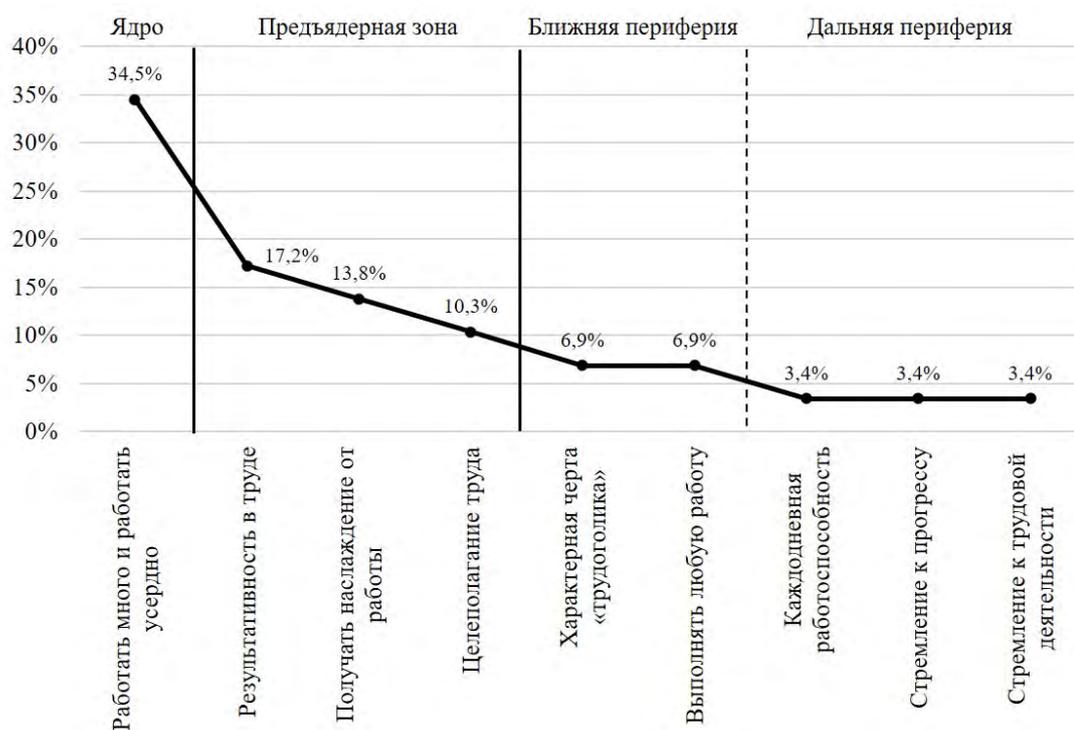

Рисунок 38 — Семантическая структура лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских негуманитариев

Ядро представлено одним, самым частотным, семантическим компонентом для группы русских негуманитариев — *работать много и работать усердно* (34,5%). Предъядерная зона включает три семантических компонента: *результативность в труде* (17,2%), *получать наслаждение*

от работы (13,8%), *целеполагание труда* (10,3%). Ближняя периферия содержит два компонента: *характерная черта «трудоголика», выполнять любую работу* (каждый компонент — по 6,9%); дальняя — три: *каждодневная работоспособность, стремление к прогрессу, стремление к трудовой деятельности* (каждый компонент — по 3,4%).

Таким образом, трудолюбие в языковом сознании русских негуманитариев определяется компонентом *работать много и работать усердно*. Они считают, что результат и цель занимают важное место в процессе труда, получают *наслаждение от работы*. Как **дополнительные** характеристики трудолюбия, находящиеся на дальней периферии, отмечены три семантических компонента: *каждодневная работоспособность, стремление к прогрессу и стремление к трудовой деятельности*.

Результаты исследования с учетом страты «гендер»

В ответах русских информантов-юношей, определяющих лексему ТРУДОЛЮБИЕ, выявлено десять семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *целеполагание труда*; 3) *характерная черта «трудоголика»*; 4) *получать наслаждение от работы*; 5) *результативность в труде*; 6) *каждодневная работоспособность*; 7) *бескорыстное служение делу*; 8) *стремление к прогрессу*; 9) *стремление к трудовой деятельности*; 10) *баланс между работой и отдыхом*. Представим семантическую структуру рассматриваемой лексики в группе русских информантов-юношей на графике (рисунок 39).

Исходя из данных на рисунке 39 видим, что ядро в группе русских информантов-юношей представлено одним семантическим компонентом — *работать много и работать усердно*, который является наиболее частотным и имеет значение 26,7%. Предъядерная зона включает три семантических компонента: *целеполагание труда* (16,7%), *характерная черта «трудоголика»* (13,3%), *получать наслаждение от работы* (13,3%). Периферийную зону составляют шесть компонентов: два компонента вошли в ближнюю

периферию — *результативность в труде* (10%) и *каждодневная работоспособность* (6,7%); четыре компонента составили дальнюю периферию — *бескорыстное служение делу, стремление к прогрессу, стремление к трудовой деятельности, баланс между работой и отдыхом* (каждый компонент — по 3,3%).

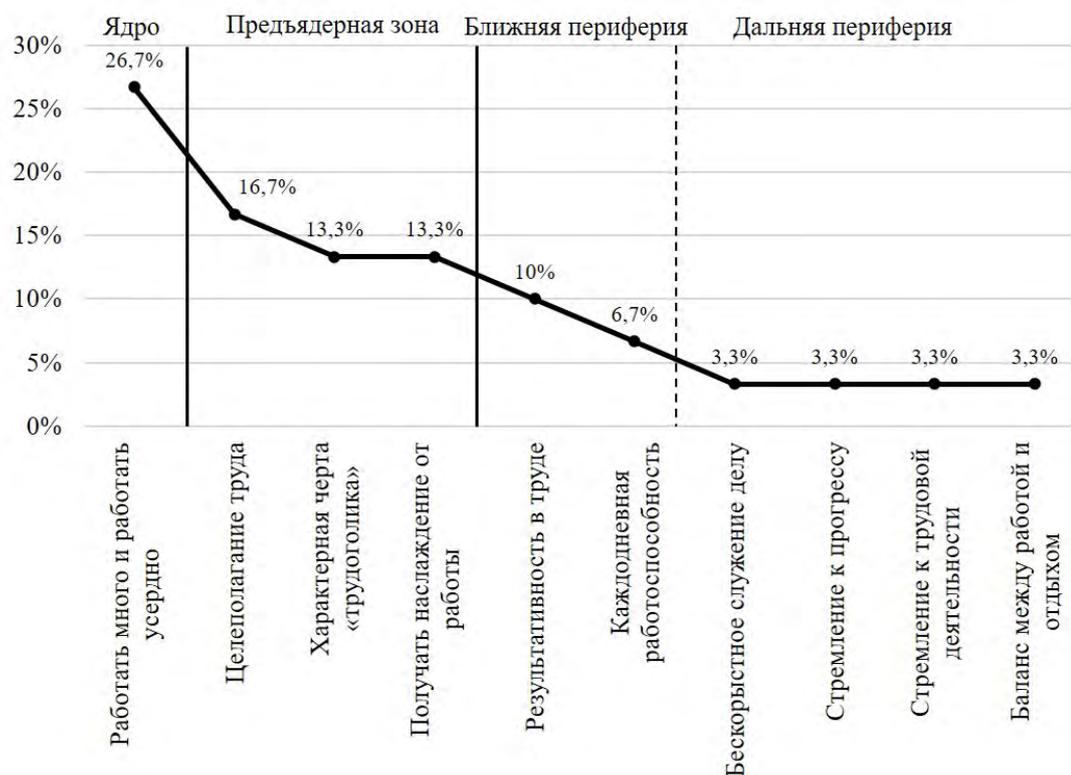

Рисунок 39 — Семантическая структура лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских информантов-юношей

Таким образом, основополагающими компонентами трудолюбия для группы русских юношей выступают четыре, составляющие ядро и предъядерную зону: *работать много и усердно*, с любовью, с удовольствием, умением обозначить главную цель и способность выбрать путь (*целеполагание*). Эти компоненты представляют ценностный аспект в восприятии значения рассматриваемой лексемы данной группой.

В ответах русских информантов-девушек, определяющих лексему ТРУДОЛЮБИЕ, выявлено десять семантических компонентов: 1) *работать много и работать усердно*; 2) *выполнять любую работу*; 3) *результативность в труде*; 4) *характерная черта «трудоголика»*;

5) *целеполагание труда*; 6) *каждодневная работоспособность*; 7) *получать наслаждение от работы*; 8) *бескорыстное служение делу*; 9) *стремление к трудовой деятельности*; 10) *любить труд*. Представим семантическую структуру рассматриваемой лексики в группе русских девушек на графике (рисунок 40).

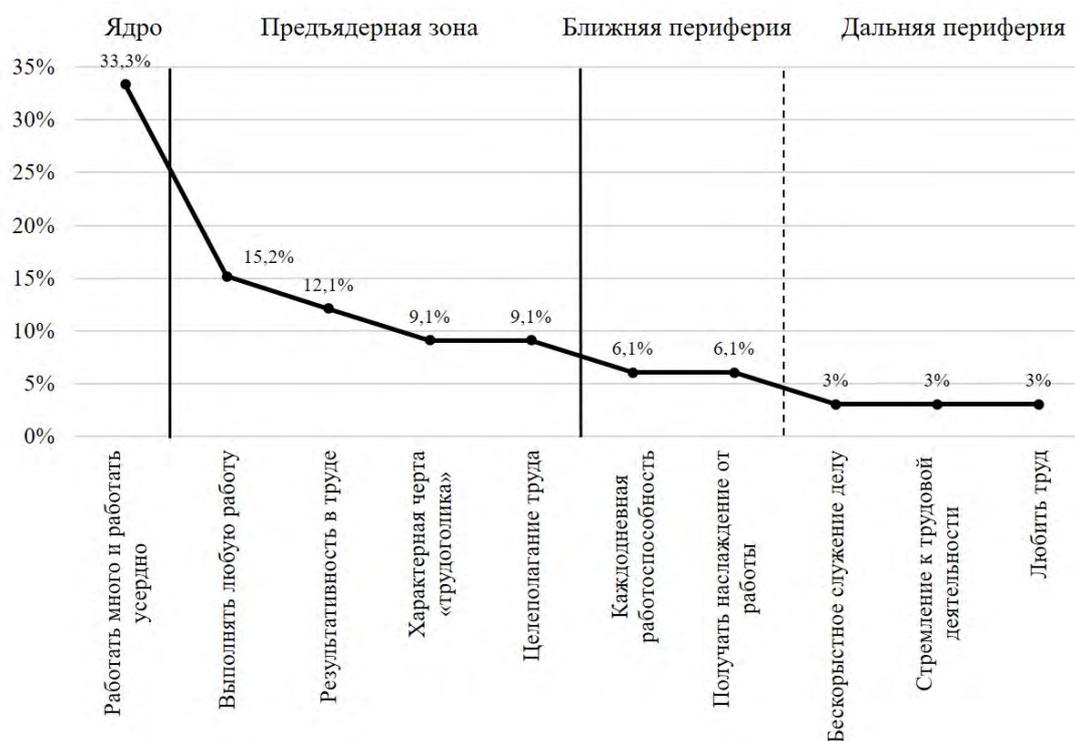

Рисунок 40 — Семантическая структура лексики ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских информантов-девушек

Судя по данным рисунка 40, ядро в группе русских информантов-девушек представлено одним, наиболее частотным, семантическим компонентом — *работать много и работать усердно* (33,3%). Предъядерная зона включает четыре семантических компонента: *выполнять любую работу* (15,2%); *результативность в труде* (12,1%); *характерная черта «трудоголика»* (9,1%); *целеполагание труда* (9,1%). Периферийная зона представлена дальней и ближней. Ближняя периферия: *каждодневная работоспособность*, *получать наслаждение от работы* (каждый компонент — по 6,1%); дальняя периферия: *бескорыстное служение делу*, *стремление к трудовой деятельности*, *любить труд* (каждый компонент — по 3%).

Таким образом, трудолюбие в ядре языкового сознания русских информантов-девушек означает *работать много и работать усердно*. Кроме того, для русских девушек важны такие значения, как *результативность* и *целеполагание* труда; трудолюбие включает *каждодневную работоспособность, бескорыстное служение и стремление к трудовой деятельности*, приводящей к *наслаждению от работы*.

5.3.2. Содержание и структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в китайском социуме

Результаты исследования с учетом страты «уровень образования»

В ответах китайских студентов бакалавриата выделено восемь семантических компонентов: 1) *целеполагание труда*; 2) *бескорыстное служение делу*; 3) *работать усердно*; 4) *многодневная работа*; 5) *отдавать все силы делу*; 6) *результативность в труде*; 7) *совершение действия вопреки другому*; 8) *стремление к прогрессу*.

Представим на графике семантическую структуру лексемы 勤劳 («трудолюбие»), состоящую из ядра, предъядерной зоны и периферии. Количество семантических компонентов дано в процентах (рисунок 41).

Как видим на рисунке 41, ядро представлено одним семантическим компонентом — *целеполагание труда*, который является самым частотным (22,7%).

Предъядерная зона включает четыре семантических компонента: *бескорыстное служение делу, работать усердно, многодневная работа, отдавать все силы делу* (каждый компонент — по 13,6%).

Периферийную зону составляют три семантических компонента: *результативность в труде* (9,1%), *совершение действия вопреки другому* (9,1%), *стремление к прогрессу* (4,5%).

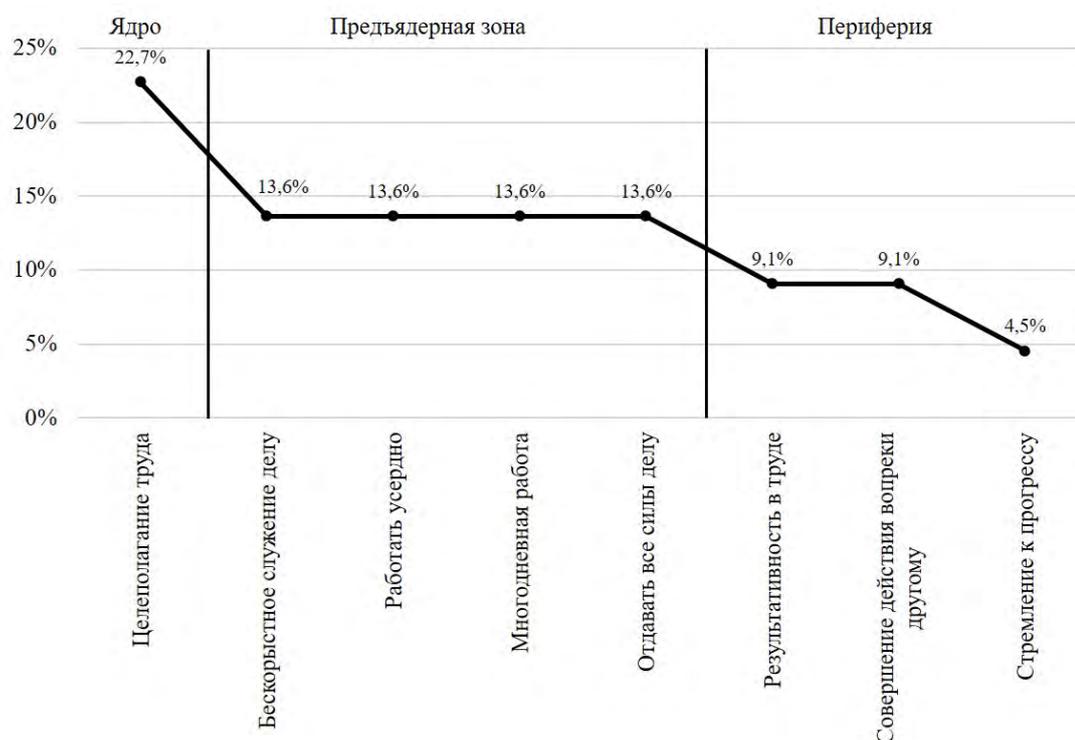

Рисунок 41 — Семантическая структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских студентов бакалавриата

Таким образом, китайские студенты бакалавриата понимают трудолюбие главным образом через *целеполагание труда*, то есть важно работать, имея определенную цель. Трудолюбие тесно связано с *бескорыстным служением*, которое означает необходимость работать не просто усердно и много, а изо всех сил, чтобы получить результат. Семантический компонент *стремление к прогрессу* у данной группы информантов имеет самый низкий процент частотности — 4,5%.

В свою очередь в ответах магистрантов выделено одиннадцать семантических компонентов: 1) *целеполагание труда*; 2) *инициативность, настойчивость в работе*; 3) *работать усердно*; 4) *стремление к прогрессу*; 5) *осознание труда*; 6) *традиционная ценность*; 7) *решительность в трудовых поступках*; 8) *баланс между работой и отдыхом*; 9) *отрицательное отношение к трудолюбию*; 10) *многодневная работа*; 11) *любить труд*.

Представим с помощью графика семантическую структуру лексемы, состоящую из ядра, предъядерной зоны и периферии. Количество семантических компонентов дано в процентах (рисунок 42).

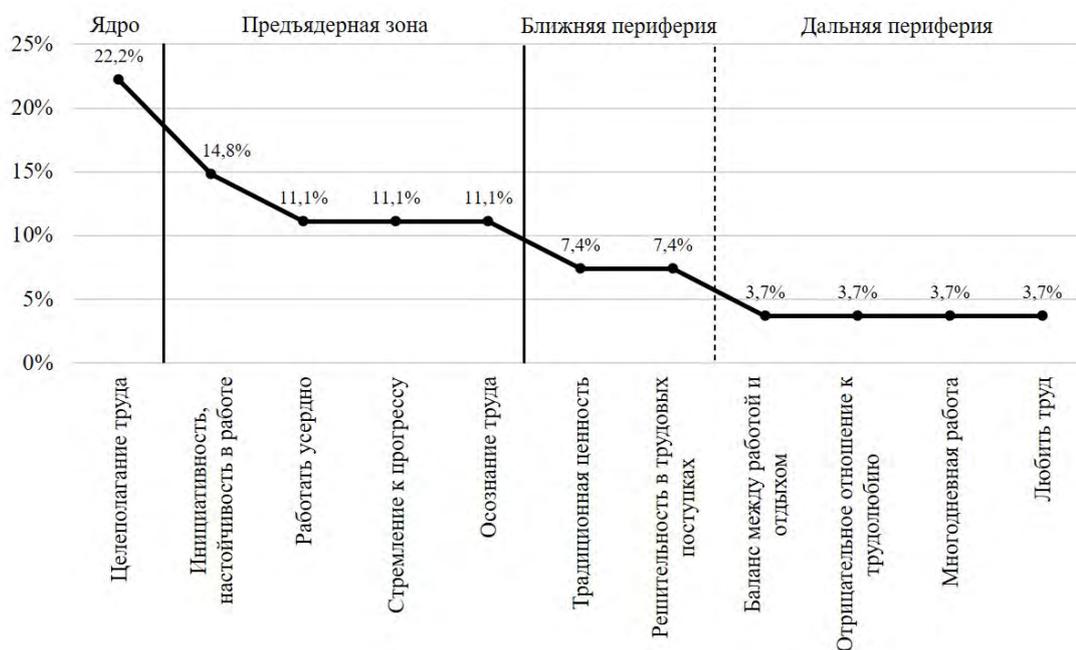

Рисунок 42 — Семантическая структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских магистрантов

Ядро представлено одним, самым частотным, семантическим компонентом для группы магистрантов — *целеполагание труда* (22,2%). Предъядерная зона включает четыре семантических компонента: *инициативность, настойчивость в работе* (14,8%); *работать усердно* (11,1%); *стремление к прогрессу* (11,1%); *осознание труда* (11,1%). Периферийную зону составляют дальняя и ближняя периферия. Ближняя периферия состоит из двух компонентов: *традиционная ценность*; *решительность в трудовых поступках* (каждый компонент — по 7,4%). Дальняя периферия — из четырех компонентов: *баланс между работой и отдыхом*; *отрицательное отношение к трудолюбию*; *многодневная работа*; *любить труд* (каждый компонент — по 3,7%).

Следовательно, в языковом сознании китайских магистрантов *целеполагание труда* является самым важным в семантике лексемы 勤劳 («трудолюбие»). Кроме того, информанты отмечают такие семантические

компоненты, как *инициативность*, *настойчивость* и желание не просто *усердно работать*, а *понимать цели* и задачи трудовой деятельности, стремиться к прогрессивной деятельности. Магистранты рассматривают трудолюбие как *традиционную ценность* — данное значение отмечено информантами с частотностью 7,4%. Есть и отрицательная оценка трудолюбия, а также низкий процент частотности у компонентов *баланс между работой и отдыхом*, *многодневная работа* и *любить труд* (каждый — по 3,7%).

Результаты исследования с учетом страты «специальность»

В ответах китайских информантов-гуманитариев, определяющих лексему 勤劳 («трудолюбие»), выявлено двенадцать семантических компонентов (см. таблицу A29 приложения A), которые составляют семантическую структуру лексемы в языковом сознании данной группы информантов (рисунок 43).

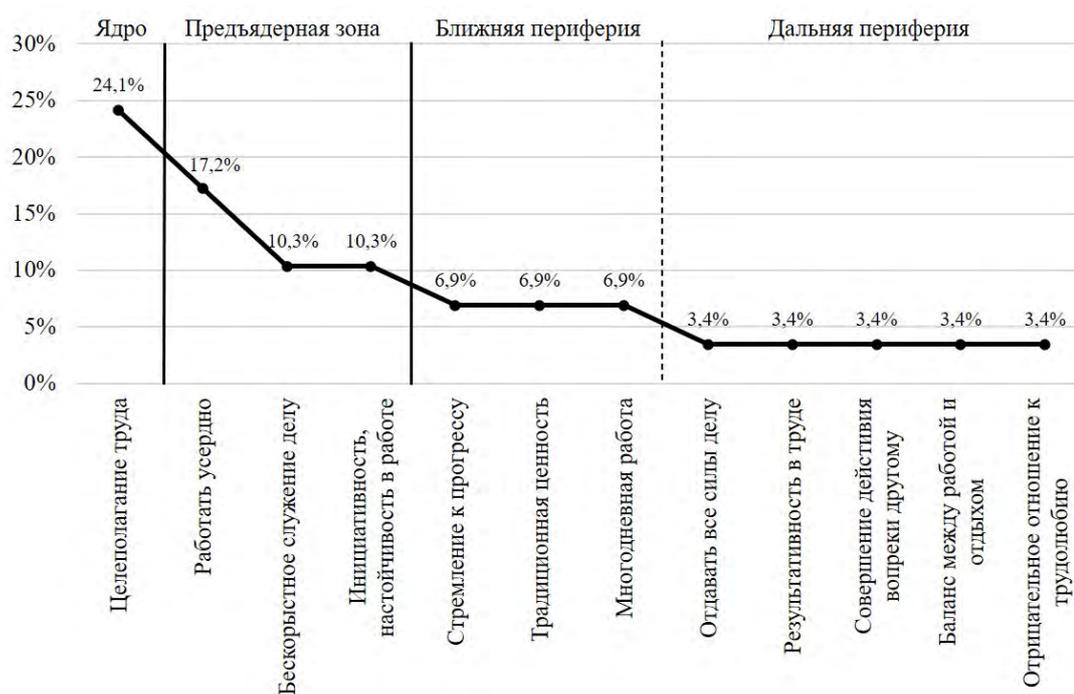

Рисунок 43 — Семантическая структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских гуманитариев

На рисунке 43 видно, что в группе китайских гуманитариев ядро представлено одним семантическим компонентом — *целеполагание труда*, который имеет наиболее высокую частотность (24,1%). Предъядерная зона включает три семантических компонента: *работать усердно* (17,2%);

бескорыстное служение делу (10,3%); *инициативность, настойчивость в работе* (10,3%). К ближней периферии относятся три компонента: *стремление к прогрессу, традиционная ценность; многодневная работа* (каждый компонент — по 6,9%). Дальнюю периферийную зону составляют пять семантических компонентов: *отдавать все силы делу; результативность в труде; совершение действия вопреки другому; баланс между работой и отдыхом; отрицательное отношение к трудолюбию* (каждый компонент — по 3,4%).

Следовательно, 勤劳 («трудолюбие») в языковом сознании китайских гуманитариев — это *целеполагание труда*, усердие в работе, не требующее ничего взамен. Китайские студенты-гуманитарии считают, что трудолюбие как *традиционная ценность* определяется *инициативностью* в работе, желанием прогресса и стремлением к нему. В качестве **дополнительных** характеристик трудолюбия, отмеченных на дальней периферии, можно назвать пять семантических компонентов (с частотностью 3,4% каждый), отличающихся вариабельностью при определении ценностного аспекта значения.

В ответах информантов-негуманитариев, определяющих значение лексемы 勤劳 («трудолюбие»), выявлено одиннадцать семантических компонентов (см. таблицу А30 приложения А), которые составляют семантическую структуру лексемы в языковом сознании данной группы (рисунок 44).

Видим, что на рисунке 44 ядро представлено одним семантическим компонентом — *целеполагание труда*, который является самым частотным компонентом в рассматриваемой группе информантов (20%). Предъядерная зона состоит из пяти семантических компонентов: *осознание труда* (15%), *многодневная работа* (10%), *отдавать все силы делу* (10%), *стремление к прогрессу* (10%), *решительность в трудовых поступках* (10%). Периферийную зону также составляют пять семантических компонентов: *работать усердно; результативность в труде; совершение действия вопреки*

другому; инициативность, настойчивость в работе; любить труд (каждый компонент — по 5%).

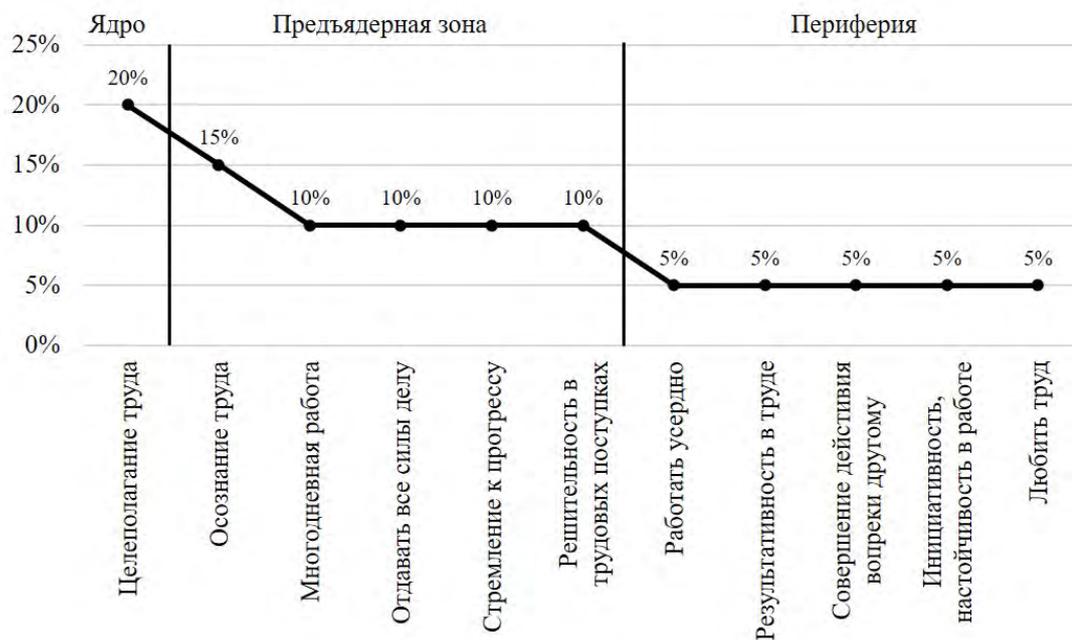

Рисунок 44 — Семантическая структура лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских негуманитариев

Таким образом, 勤劳 («трудолюбие») в языковом сознании китайских студентов негуманитарного профиля — это *целеполагание труда*, то есть *осознание труда* и *стремление к прогрессу*. Следует не просто работать, а думать; не просто говорить, а работать. Решительность в труде также занимает важное место в понимании ценности трудолюбия. В периферийной зоне значения 勤劳 («трудолюбие») информанты отмечают целых пять семантических компонентов, встречающихся с частотой 5% каждый и являющихся достаточно важными в понимании ценности трудолюбия студентами негуманитарного профиля.

Результаты исследования с учетом страты «гендер»

В ответах китайских информантов-юношей получено четырнадцать семантических компонентов (см. таблицу А31 приложения А). Представим их семантическую структуру графически (рисунок 45).

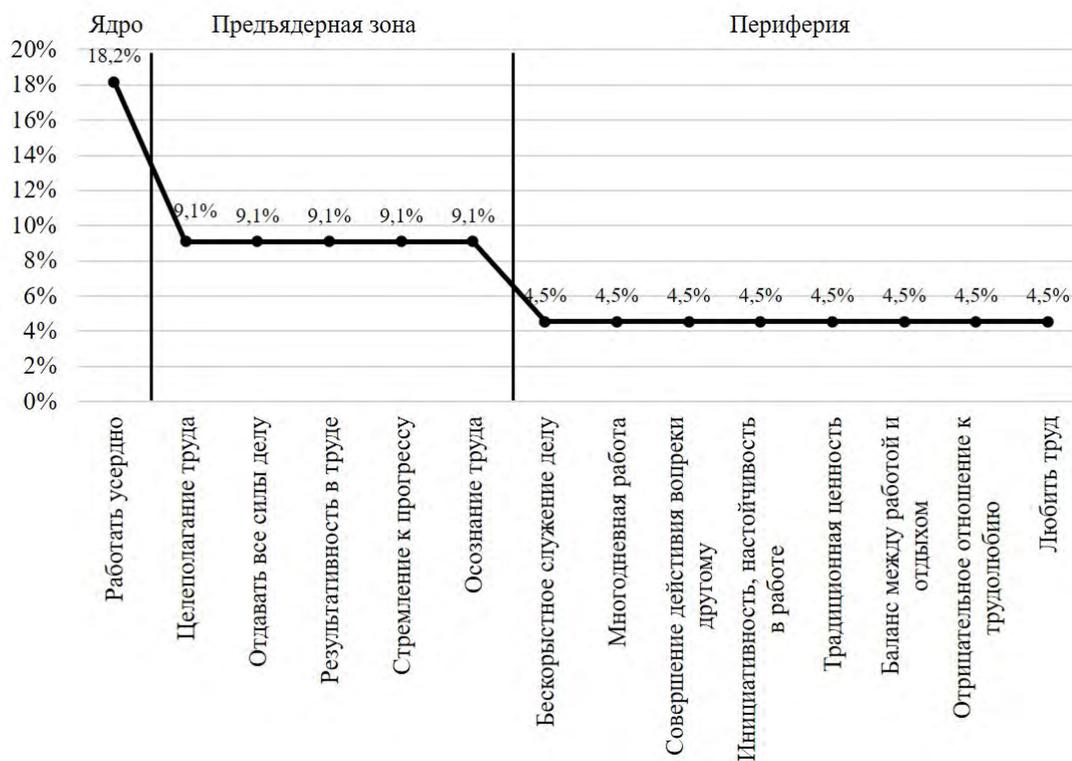

Рисунок 45 — Семантическая структура лексемы

勤勞 («трудолюбие») в группе китайских информантов-юношей

На рисунке 45 видно, что ядро содержит один семантический компонент — *работать усердно*, который является самым частотным и составляет 18,2% ответов китайских информантов-юношей. Предъядерная зона включает пять семантических компонентов: *целеполагание труда*; *отдавать все силы делу*; *результативность в труде*; *стремление к прогрессу*; *осознание труда* (каждый компонент — по 9,1%). Периферийную зону составляют восемь семантических компонентов: *бескорыстное служение делу*; *многодневная работа*; *совершение действия вопреки другому*; *инициативность, настойчивость в работе*; *традиционная ценность*; *баланс между работой и отдыхом*; *отрицательное отношение к трудолюбию*; *любить труд* (по 4,5% каждый).

Следовательно, 勤勞 («трудолюбие») в языковом сознании китайских юношей означает *работать усердно*, оно не только нуждается в *целеполагании* и *результативности*, но и требует полной отдачи от работы, осознания труда и стремления к прогрессу. Для них 勤勞 («трудолюбие») — это *бескорыстное*

служению делу. Такое понимание ценностного аспекта значения лексемы китайскими юношами совпадает с его пониманием в традиционной культуре Китая.

В ответах информантов-девушек представлены одиннадцать семантических компонентов (см. таблицу А32 приложения А), которые отражают семантическую структуру лексемы в языковом сознании китайских девушек (рисунок 46).

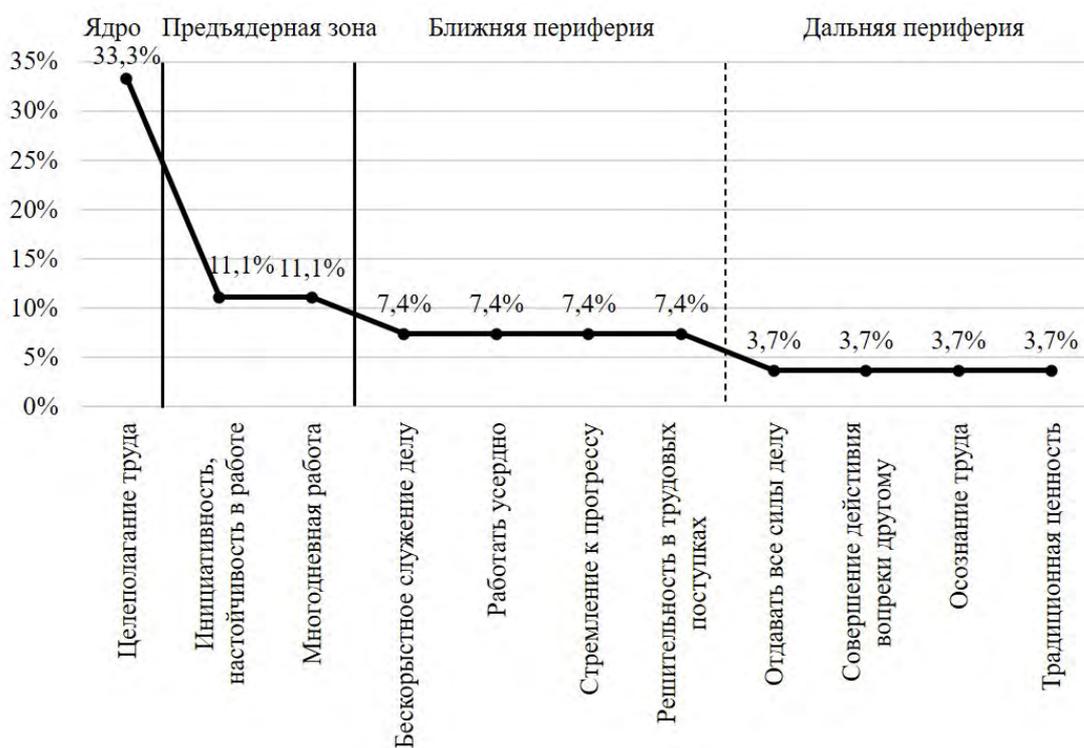

Рисунок 46 — Семантическая структура лексемы

勤劳 («трудолюбие») в группе китайских информантов-девушек

Судя по данным рисунка 46, в группе китайских девушек выделяется ядро, состоящее из одного семантического компонента — *целеполагание труда*, который является самым частотным (33,3%). Предъядерная зона включает два семантических компонента: *инициативность, настойчивость в работе*, *многодневная работа* (каждый компонент — по 11,1%). К ближней периферии относятся четыре семантических компонента: *бескорыстное служение делу*; *работать усердно*; *стремление к прогрессу*; *решительность в трудовых поступках* (каждый компонент — по 7,4%). Дальняя периферийная зона

представлена следующими семантическими компонентами: *отдавать все силы делу; совершение действия вопреки другому; осознание труда; традиционная ценность* (каждый компонент — по 3,7%).

Следовательно, 勤劳 («трудолюбие») в языковом сознании китайских девушек понимается как *целеполагание труда*, которое означает, необходимость работать, имея цель, а также упорно, активно, много и бескорыстно, стремясь к прогрессу. Китайские девушки, как и китайские юноши, выделяют в дальней периферии такие семантические компоненты, которые важны для понимания ценностного аспекта лексемы и отражают определение ценности в китайской культуре.

5.3.3. Сопоставительный анализ категории ценности лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в языковом сознании русского и китайского социумов

В данной части диссертационного исследования рассмотрим сходство и различия семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в языковом сознании русского и китайского социумов в ядре, предъядерной и периферийной зонах.

Ядро

Ядро семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 у русских и китайских информантов различно. Ядро во всех группах русских информантов и в группе китайских юношей определяется компонентом *работать усердно*. Ядро в остальных группах китайских информантов составляет другой семантический компонент — *целеполагание труда* (рисунок 47).

На уровне семантической структуры также наблюдается различие в обоих языках. Рисунок 47 показывает, что, во-первых, высокая частота отмечается в группах русских студентов бакалавриата, русских девушек и китайских девушек — соответственно по 33,3% в каждой группе; в группе русских негуманитариев этот процент выше — 34,5%.

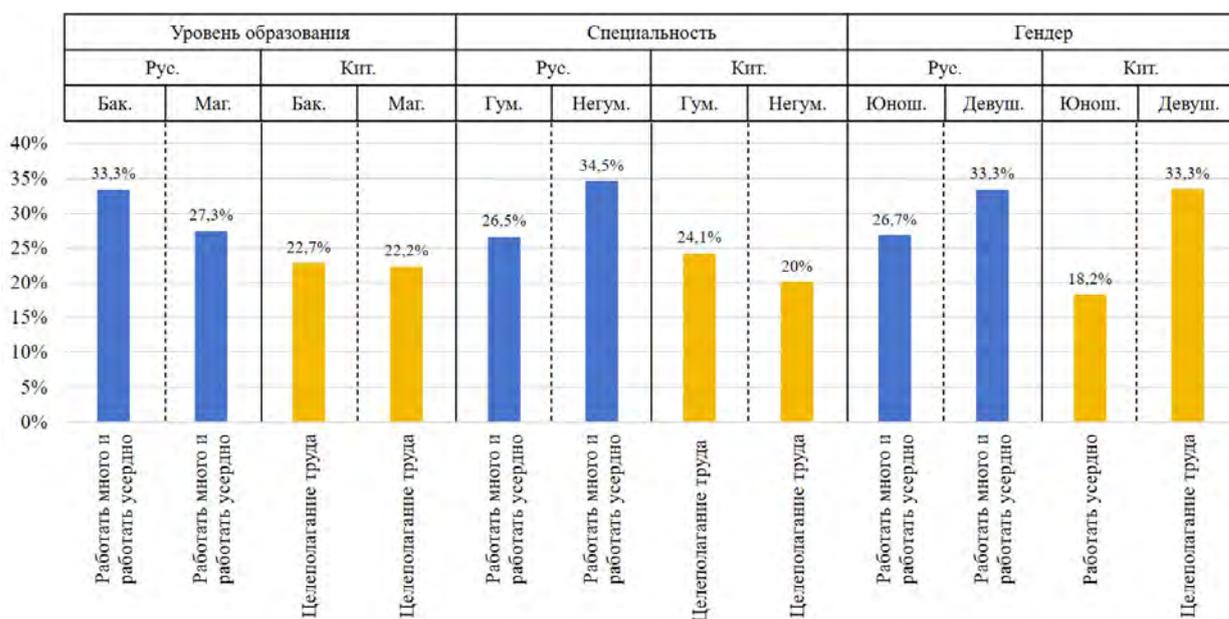

Рисунок 47 — Ядро семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

Во-вторых, китайские студенты бакалавриата и китайские магистранты имеют практически одинаковый процент частотности — 22,7 и 22,2%, определяемый семантическим компонентом *целеполагание труда*. В-третьих, в группе китайских юношей фиксируется самый низкий процент частотности — 18,2%. В-четвертых, в группах русских гуманитариев и русских юношей процент частотности примерно одинаковый — 26,5 и 26,7%.

Предъядерная зона

Сопоставим семантические компоненты в предъядерной зоне семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в группах русских и китайских информантов с учетом стратификации (рисунок 48).

Данные рисунка 48 позволяют отметить, что в русском и китайском социумах количество семантических компонентов лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в предъядерной зоне почти одинаково — соответственно 21 и 23.

В языковом сознании русского и китайского социумов с учетом уровня образования, специальности и гендера самый большой процентный показатель наблюдается в группе русских магистрантов — 18,2%. Он принадлежит семантическому компоненту *характерная черта «трудоголика»*. Высокими показателями отмечены также семантические компоненты *результативность в труде* в группе русских негуманитариев (17,2%), *работать усердно* в группе китайских гуманитариев (17,2%), *целеполагание труда* в группе русских юношей (16,7%).

Семантический компонент *целеполагание труда* отмечается в шести группах русских информантов: в группе студентов бакалавриата — 16,7%; магистрантов — 9,1%; гуманитариев — 14,7%; негуманитариев — 10,3%; юношей — 16,7%; девушек — 9,1%.

Как видим, семантические компоненты *характерная черта «трудоголика»*, *результативность в труде*, *целеполагание труда* являются частотными в предъядерной зоне, потому что они определяются русскими информантами как важные ценностные компоненты в языковом сознании русского социума.

Предъядерная зона включает также ценностные компоненты, характерные для китайского социума. Так, выделяются группы ценностных компонентов с равным процентным соотношением: в группе китайских студентов бакалавриата такими компонентами являются *бескорыстное служение делу*, *работать усердно*, *многодневная работа* и *отдавать все силы делу* — по 13,6% каждый; в группе китайских магистрантов — *работать усердно*, *стремление к прогрессу*, *осознание труда* — по 11,1% каждый; в группе китайских гуманитариев — *бескорыстное служение делу*, *инициативность*, *настойчивость в работе* — по 10,3% каждый; в группе китайских негуманитариев — *многодневная работа*, *отдавать все силы делу*, *стремление к прогрессу*, *решительность в трудовых поступках* — каждый по 10%; в группе китайских юношей — *целеполагание труда*, *отдавать все*

силы делу, результативность в труде, стремление к прогрессу, осознание труда — по 9,1% каждый; в группе китайских девушек — *инициативность, настойчивость в работе, многодневная работа* (каждый — по 11,1%).

Как видим, структурная организация семантических компонентов в русском и китайском языках различна. Русские информанты пытаются определить значимость ценности семантических компонентов ее высоким процентным показателем, китайские информанты — объединением семантических компонентов в группы с равным процентным отношением.

Периферийная зона

Сопоставим семантические компоненты в периферийной зоне семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤勞 в группах русских и китайских информантов, учитывая их стратификацию (рисунок 49).

В китайском социуме количество семантических компонентов лексемы 勤勞 («трудолюбие») в периферийной зоне больше — 38, чем в русской лексеме ТРУДОЛЮБИЕ — 30 (рисунок 49).

В языковом сознании русского и китайского социумов с учетом уровня образования, специальности и гендера самый высокий процентный показатель частотности наблюдается в группе русских юношей — 10%: он определяется у семантического компонента *результативность в труде*. Кроме того, высокими процентными показателями частотности (9,1%) отмечены ответы в группе китайских студентов бакалавриата, такие как *результативность в труде* и *совершение действия вопреки другому*, а также в группе китайских девушек (7,4%): *бескорыстное служение делу; работать усердно; стремление к прогрессу; решительность в трудовых поступках*.

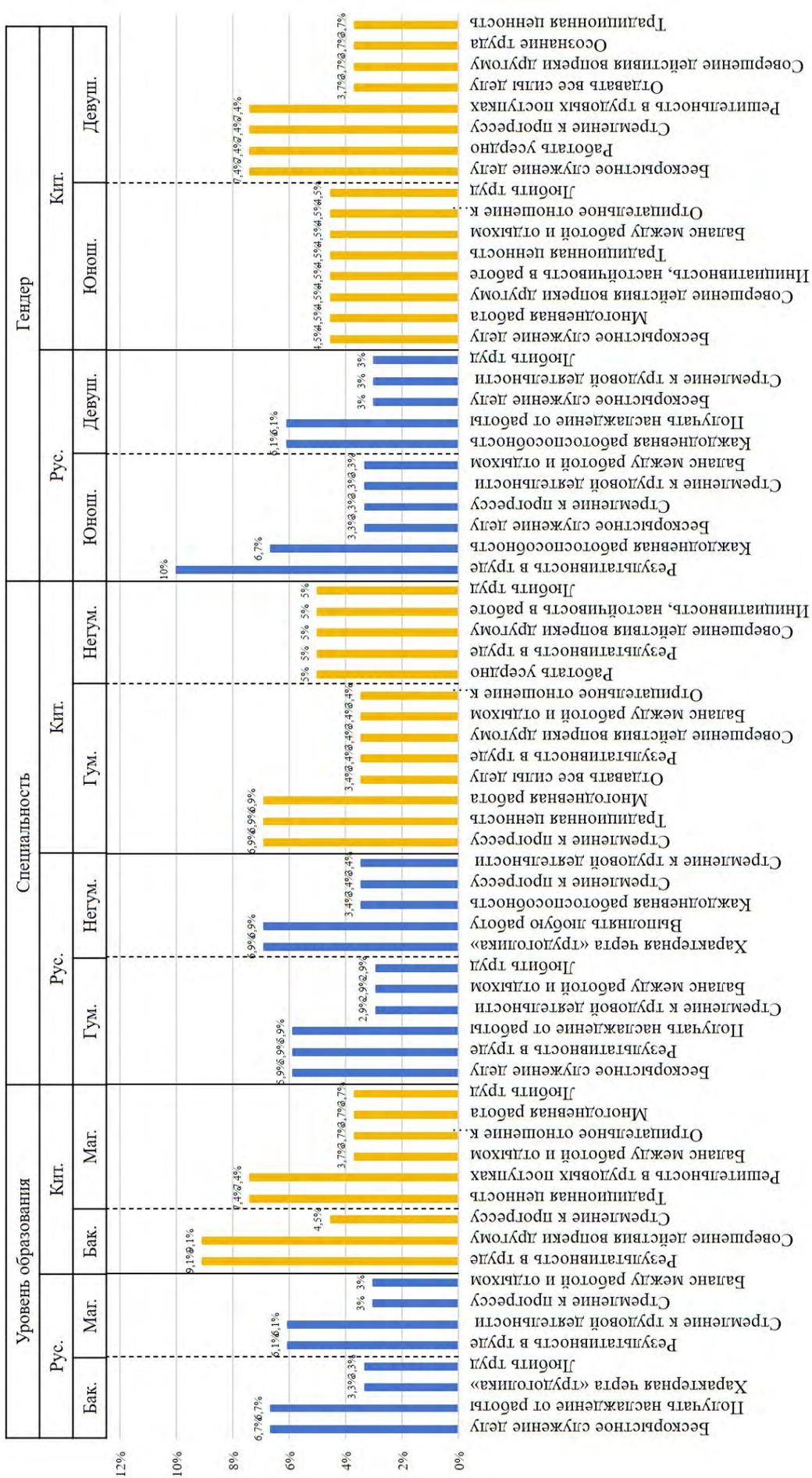

Рисунок 49 — Периферия семантических структур лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в группах русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера

В китайском социуме важным компонентом выступает семантический компонент *традиционная ценность*, который отмечается в группах магистрантов — 7,4%, гуманитариев — 6,9%; юношей — 4,5%, девушек — 3,7%.

На периферии семантическая структура как в русском, так и в китайском языках представлена одинаково: используется способ объединения семантических компонентов в блоки с равным процентным отношением. Так, у русских гуманитариев определены два блока семантических компонентов: один с процентным показателем частотности 5,9% — *бескорыстное служение делу, результативность в труде, получать наслаждение от работы*; другой с процентным показателем частотности 2,9% — *стремление к трудовой деятельности, баланс между работой и отдыхом, любить труд*. У китайских гуманитариев зафиксированы два блока семантических компонентов: один с процентным показателем частотности 6,9% — *стремление к прогрессу, традиционная ценность, многодневная работа*; другой с процентным показателем частотности 3,4% — *отдавать все силы делу, результативность в труде, совершение действия вопреки другому, баланс между работой и отдыхом, отрицательное отношение к трудолюбию*.

В целом материал исследования у русских информантов представлен 11 подобными блоками, в то время как в материале китайских информантов таких блоков девять.

Данные показывают, что русские информанты определяют трудолюбие как потребность к трудовой деятельности, а китайские информанты рассматривают эту лексему как традиционную ценность в китайской культуре.

5.4. Выводы

Проведенный анализ экспериментальных данных позволил выделить следующие ценностные аспекты в структуре лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в русском и китайском социумах.

1. На уровне семантики отметим сходство и различие значения в понимании лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в русском и китайском социумах. Так, в лексемах ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и русские, и китайские информанты указывают на почтительное отношение к людям, считая это актуальной формой выражения этикета и элементом воспитанности. Общими ключевыми характеристиками лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 являются *усердная работа, результативность в труде, баланс между работой и отдыхом*. Для всех групп русских информантов, а также для китайских информантов-юношей важной является отмечаемая в предъядерной зоне такая характеристика ценности, как *целеполагание труда*, причем этот семантический компонент представлен в ядре во всех группах китайских информантов, кроме группы юношей.

В общем понимании обоих социумов есть нюансы. В отличие от китайского социума, в русском вежливость означает не только *уважительное отношение к людям*, но и *гуманное отношение к живым объектам природы*, которое определяется как *добрые дела*. Будучи важной чертой личности, вежливость в определенной степени зависит от уровня образованности человека. Кроме того, для русских информантов вежливость означает *желание расположить к себе, выраженное в подборе соответствующих слов* (И11). Китайские информанты считают, что вежливость выражается в том, как человек ведет себя в общении с людьми, если его поступки добросердечны и приносят пользу окружающим.

Что касается лексемы ТРУДОЛЮБИЕ, то в русском социуме оно считается *чертой «трудоголика»*, то есть определяется намерением *выполнять любую работу*. Китайский социум подчеркивает, что 勤劳 («трудолюбие») означает один из путей к прогрессу через *целеполагание; осознание труда и отдача всех сил делу* являются важными качествами этой лексемы, характерными для традиционной культуры китайского народа (см. высказывание У Сяньтао, с. 124–125 диссертации).

2. На уровне семантической структуры изучены общие и специфические компоненты лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в русском и китайском социумах с учетом уровня образования, специальности и гендера.

Ядро лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в русском и китайском социумах с учетом уровня образования, специальности и гендера характеризуется общим семантическим компонентом *уважительное отношение к людям*. Исключениями являются группы китайских гуманитариев и китайских юношей, где ядро представлено двумя семантическими компонентами: у гуманитариев — *уважительное отношение к людям и добрые поступки*, у юношей — *уважительное отношение к людям и этикет*. Самый высокий процент частотности общего семантического компонента *уважительное отношение к людям* отмечается в группе китайских девушек — 47,6%.

Ядро лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в группах русских и китайских юношей состоит из одного семантического компонента — *работать усердно*. В остальных группах китайских информантов ядро иное — *целенаправленное труд*. Самый высокий процент частотности семантического компонента *работать много и работать усердно* отмечается в группе русских негуманитариев — 34,5% (см. рисунок 47).

Русский социум видит основу трудолюбия в усердной работе, а китайский социум ориентируется на целенаправленный труд.

Предъядерная зона лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 содержит почти одинаковое количество семантических компонентов. Самый высокий процентный показатель частотности в лексемах ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 наблюдается в группе китайских магистрантов — 26,1%: он определяется семантическим компонентом *добрые поступки*. Самый высокий процентный показатель частотности в лексемах ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 наблюдается в группе русских магистрантов — 18,2%:

он принадлежит семантическому компоненту *характерная черта «трудоголика»*.

В языковом сознании русских информантов частотными компонентами в предъядерной зоне лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ выступают три компонента: *этикет*, *черта индивида* и *тактичность*, которые различаются лишь процентным показателем частотности. Большим процентным показателем отличается семантический компонент *этикет*. В языковом сознании китайских информантов частотным отмечен семантический компонент *добрые поступки*. Кроме того, важными ценностными компонентами выступают семантические компоненты *воспитанность* (в группах китайских магистрантов, гуманитариев, юношей) и *элемент традиционной культуры* (в группах китайских студентов бакалавриата и негуманитариев).

Высоким процентным показателем лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в русском социуме отмечены семантические компоненты *результативность в труде* — 17,2% в группе негуманитариев; *целеполагание труда* — 16,7% в группах студентов бакалавриата и юношей. В китайском социуме семантический компонент *работать усердно* имеет самый высокий показатель частотности в группе гуманитариев — 17,2%. Ценятся и такие семантические компоненты, как *стремление к прогрессу* в группе магистрантов (11,1%) и *осознание труда* в группе негуманитариев (15%).

Вновь подтверждается вывод, полученный в ядре и предъядерной зоне, о разнице в понимании лексемы ТРУДОЛЮБИЕ русским и китайским социумами.

В **периферийной** зоне лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 у русских информантов фиксируется больше семантических компонентов (33), чем у китайских (16). Периферийная зона лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 русских информантов содержит 30 семантических компонентов, китайских — 38. Как видим, периферийная зона этих лексем различается большим числом семантических компонентов то в русском, то китайском языке.

Самый высокий процентный показатель частотности лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 наблюдается в группе русских юношей — 13,8%: он определяется семантическим компонентом *этикет*. Семантические компоненты *воспитанность* и *доброжелательное отношение к живым объектам природы* отмечены во всех группах русских информантов, что, очевидно, составляет важную особенность понимания вежливости в системе ценностей России. В китайском социуме таким важным компонентом считается семантический компонент *элемент традиционной культуры*, отмеченный в четырех группах информантов: магистрантов, гуманитариев, юношей и девушек, являющихся хранителями традиционной культуры Китая. В периферийной зоне значения лексемы 礼貌 («вежливость») китайские информанты отмечают семантический компонент *скромность*, правда, с низким процентом частотности (от 4,3 до 5%). На периферии компоненты *этикет*, *чуткость*, *воспитанность* и *тактичность* фиксируются как в русском, так и в китайском социуме с разными показателями частотности (от 13,8 до 3,4%) и различным определением ценностного аспекта значения.

Самый высокий процентный показатель лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 наблюдается в группе русских юношей — 10%: он принадлежит семантическому компоненту *результативность в труде*. В китайском социуме частотным семантическим компонентом выступает компонент *традиционная ценность*, который отмечается в группах китайских магистрантов, гуманитариев, юношей и девушек.

Семантические компоненты с низким процентом частотности, находящиеся на дальней периферии, определяются как дополнительные ценностные характеристики трудолюбия. Например, для русских негуманитариев такими компонентами являются *каждодневная работоспособность*, *стремление к прогрессу* и *стремление к трудовой деятельности* (каждый — по 3,4%).

3. В периферийной зоне обеих лексем русская и китайская семантическая структуры представлены единообразно: используется способ объединения семантических компонентов в блоки с равным процентным отношением (см. рисунки 34 и 49 соответственно).

4. Следует подчеркнуть, что некоторые семантические компоненты (например, *характерная черта «трудоголика», результативность в труде, инициативность, настойчивость в работе, бескорыстное служение делу*) используются информантами в предъядерной зоне и на периферии. При этом частотность компонента *характерная черта «трудоголика»* в ответах русских магистрантов выше, чем у русских студентов бакалавриата, что указывает на роль страты «уровень образования». Частотность компонента *результативность в труде* в ответах русских негуманитариев выше, чем у русских гуманитариев, что подчеркивает роль страты «специальность». Частотность компонента *инициативность, настойчивость в работе* в ответах китайских девушек выше, чем у китайских юношей, что определяет роль страты «гендер».

5. Такие семантические компоненты лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, как *результативность в труде, баланс между работой и отдыхом и любить труд*, являются общими в языковом сознании русских и китайских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера. Однако процент частотности перечисленных компонентов разный в каждой семантической структуре, что подчеркивает разную значимость компонентов для русского и китайского социумов (см. рисунок 49).

6. В исследовании отмечена роль страт в значении лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 с точки зрения суммы частотности семантических компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе проведено исследование семантических компонентов ценностного аспекта содержания и структуры лексем ДОБРО / 善 , ЗЛО / 恶 , ЛЮБОВЬ / 爱 , СЧАСТЬЕ / 幸福 , ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 в языковом сознании русского и китайского социумов.

В русской лингвистике ценность рассматривается как лингвистическая категория, отраженная в языковом сознании и оформленная терминологическим аппаратом лексической семантики. Языковое сознание формируется под влиянием таких факторов, как история и культура, с которыми оно связано; выражается через содержательные элементы и семантическую структуру лексемы. Характеристика категории ценности в лингвистике дается через определение понятия ценности, рассмотренного в аксиологии, представленность ценности в биполярной структуре, классификацию ценностей.

В настоящее время в Китае актуальна проблема исследования категории ценности как языка морали и инструмента для выражения моральных понятий, с помощью которых китайцы записывают свой моральный опыт, передают свои моральные мысли, выражают свои моральные чувства, описывают свою моральную волю и свое моральное поведение, объясняют свои моральные убеждения.

Понимание ценности в нашей работе совпадает с мнением лингвиста С. Н. Виноградова, отраженным в статье «К лингвистическому пониманию ценности»: «...идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007: 93].

В науке существуют различные классификации ценностей. Наша классификация такова: базовые ценности (*любовь — счастье*), моральные

ценности (*добро — зло*), и основанные на признаках социального поведения этнокультурные ценности (*вежливость — трудолюбие*); выделенные типы классификации определяются по тому или иному ведущему принципу.

Материал данного исследования состоит из трех частей: 1) данные «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка, из которых выбраны 138 контекстов, включающих лексемы ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶 и диада ДОБРО – ЗЛО / 善 – 恶, — определены 155 семантических компонентов; 2) экспериментальные данные, полученные от различных социальных групп, объединенных по страте «гендер»; русским и китайским информантам было предложено описать, как они понимают лексемы ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福, — выявлено 172 семантических компонента во всех ответах информантов обоих языков; 3) экспериментальные данные, полученные от различных социальных групп, объединенных по стратегам «уровень образования», «специальность» и «гендер»; русским и китайским информантам было предложено описать, как они понимают лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, — зафиксированы 209 семантических компонентов в ответах информантов обоих языков.

В целом в результате исследования материала получены 536 семантических компонентов, которые интерпретированы в русле двух подходов — социолингвистического и психолингвистического.

В третьей главе исследованы **моральные ценности** лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶 и диады ДОБРО – ЗЛО / 善 – 恶 на основе контекстов «Словаря русской ментальности» и двух Национальных корпусов китайского языка.

Добро и зло являются основными понятиями в категории ценности, репрезентирующими ценность и антиценность и служащие критерием оценки поведения. Как в русском, так и в китайском национальном языковом сознании ДОБРО / 善 воспринимается как положительная ценность, ЗЛО / 恶 — как отрицательная.

Однако своеобразные языковые и культурные фоны формируют различия в интерпретации данных лексем. В русском социуме ДОБРО ассоциируется с эмпирическим, нравственным чувством и духовной жизнью, в то время как в китайском социуме — с красотой и идеей истины. ЗЛО в русском социуме, определяемое идеальными или материальными характеристиками, можно преодолеть и исправить в жизни; в китайском социуме 惡 («зло») есть качество злодея, его следует контролировать, как это отмечается в буддийской теории причинно-следственных связей.

Лексема ДОБРО — ЗЛО в обоих социумах определяется как единство противоположностей. В русском социуме она рассматривается с точки зрения философской категории единства противоположностей, составляя основу существования добра и зла и подчеркивая борьбу между добром и злом. В китайском социуме соотношение 善 — 恶 («добро» — «зло») рассматривается с точки зрения этики, что свидетельствует о значимости этих ценностей в языке морали; 善 — 恶 («добро» — «зло») рассматривается как этическое понятие и по-разному трактуется различными религиозными течениями.

Материал корпусного и экспериментального исследований обоих языков позволяет анализировать категорию ценности в двух аспектах: философском и лингвистическом, которые рассмотрены в общем и специфическом плане.

Исследование корпусного материала дало возможность выявить ценность как философскую категорию в аспекте общечеловеческой ценности, определяемой отношением субъекта и объекта, а также представление ценности — антиценности как категории единства противоположностей.

Исследование экспериментального материала позволило определить общее и специфическое в сознании русской и китайской национальностей с помощью ценностных ориентиров и классификации ценностей.

В четвертой главе исследованы **базовые ценности** лексем ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 на основе экспериментальных данных. Любовь и счастье —

вечные темы человеческой жизни, краеугольный камень общества и одна из целей научных исследований в аспекте ценности.

В групповом сознании русских и китайских студентов ЛЮБОВЬ / 爱 понимается как *эмоциональное чувство*, включающее не только *ответственность*, но и *заботу* о себе или других. Русские девушки, а также китайские юноши и девушки связывают любовь со счастьем.

Что касается лексем СЧАСТЬЕ / 幸福, то в том и другом социуме фиксируется активный ценностный компонент значения, который толкуется как *состояние удовлетворенности (жизнью)*, приносящее *чувство радости*.

Тем не менее есть и национальные особенности понимания ценностного аспекта анализируемых лексем. Для русских информантов ЛЮБОВЬ — это *физиологическое чувство* (ответы русских юношей) и в то же время *деятельностный способ познания мира, преодоление сложностей* (ответы русских девушек). Для китайских юношей и девушек лексема 爱 («любовь») означает *отношение к людям и вещам*, а также к *членам семьи, друзьям и родственникам*. Специфическим пониманием лексемы СЧАСТЬЕ у русских информантов является *образ жизни, преодоление трудностей* (ответы русских девушек) и *личное чувство* (ответы русских юношей и девушек), возникающее от крепких связей с *семьей, друзьями и любимыми* (ответы русских юношей). Для китайских девушек 幸福 («счастье») означает *состояние отсутствия боли*, а также *быть любимым и удачливым*; китайские юноши считают главным качеством 幸福 («счастья») *быть здоровым*.

В целом специфические ценностные аспекты в толкованиях обеих лексем русского и китайского языков сосредоточены в ядерной зоне (ядро и предъядерная зона). Периферийная зона, как правило, указывает на большое количество конкретных национальных ценностных компонентов с низким процентом частотности и их вариативным употреблением в ответах русских и китайских юношей и девушек.

В пятой главе исследованы **этнокультурные ценности** лексем **ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌** и **ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳** на основе экспериментальных данных. Вежливость и трудолюбие являются не только важным проявлением личных качеств, но и традиционной добродетелью, уважаемой всеми этническими группами, и важной силой, способствующей социальному развитию и прогрессу.

Анализ и сравнение значения и структуры лексем **ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌** и **ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳** позволили отметить сходство и различие ценностных аспектов в понимании данных лексем в русском и китайском социумах.

В обоих социумах **ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌** воспринимается как почтительное отношение к людям, форма выражения этикета и элемент воспитанности. В обоих социумах **ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳** тесно связано с усердной работой, целеполаганием и результативностью в труде.

Несмотря на общие ценностные компоненты, в каждом обществе есть свои нюансы в понимании значения этих лексем. В русском языковом сознании вежливость не только означает уважение к людям, но и гуманное отношение к живым объектам природы, которое определяется как добрые дела. Китайские информанты рассматривают **礼貌** («вежливость») как проявление добросердечных поступков, приносящих пользу окружающим. Трудолюбие в русском языковом сознании рассматривается как черта «трудоголика», китайский социум воспринимает **勤劳** («трудолюбие») как характерную черту традиционной китайской культуры, верный способ достижения успеха.

На уровне семантической структуры значения анализ лексем **ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌** и **ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳** позволяет распределить семантические компоненты по зонам с целью выявления актуальных семантических ценностных аспектов в значении с учетом этноса, уровня образования, специальности и гендера.

Ядро лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 в русском и китайском социумах определяется общим ценностным компонентом *уважительное отношение к людям*, который является наиболее частотным в группе китайских девушек — 47,6%. Ядро лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 во всех группах русских информантов и китайских юношей представлено компонентом *работать усердно*, а самый высокий процент частотности этого компонента отмечен в группе русских негуманитариев — 34,5%. Кроме того, китайский социум определяет в ядре такой компонент, как *целенаправленное труд*, характерный для групп студентов бакалавриата, магистрантов, гуманитариев, негуманитариев, девушек. Следовательно, для русского социума трудолюбие — это усердная работа, а для китайского — целенаправленный труд.

В **предъядерной зоне** лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в русском социуме частотными компонентами являются *этикет, тактичность и черта индивида*, различающиеся лишь процентным показателем частотности. Большим процентным показателем обладает семантический компонент *этикет* в группах русских студентов бакалавриата (21,4%), русских магистрантов (13,8%), русских гуманитариев (24,2%), русских девушек (21,4%), китайских студентов бакалавриата (17,6%), китайских магистрантов (17,4%), китайских гуманитариев (15%), китайских негуманитариев (20%). В китайском социуме самый высокий процентный показатель частотности лексемы 礼貌 («вежливость») наблюдается в группе китайских магистрантов — 26,1%: он определяется семантическим компонентом *добрые поступки*. В китайском социуме такие компоненты, как *воспитанность и элемент традиционной культуры*, находятся в зоне внимания социума. Следует отметить, что в **предъядерной зоне** семантический компонент *этикет* существенен для обоих социумов.

В лексемах ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 самый высокий процентный показатель частотности наблюдается в группе русских магистрантов — 18,2%: он определяется семантическим компонентом *характерная черта*

«*трудоголика*». В русском социуме важными являются такие ценностные семантические компоненты, как *результативность в труде* и *целеполагание труда*. В китайском социуме в лексеме 勤劳 («трудолюбие») фиксируются следующие ценностные семантические компоненты: *работать усердно*, *стремление к прогрессу*, *осознание труда*. Семантический компонент *работать усердно* имеет самый высокий показатель в группе китайских гуманитариев — 17,2%.

В периферийной зоне лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 наиболее высокий процентный показатель частотности наблюдается в группе русских юношей — 13,8%: он определяется семантическим компонентом *этикет*. Такие ценностные семантические компоненты, как *воспитанность* и *доброжелательное отношение к живым объектам природы*, отмечаются во всех группах русских информантов, что подчеркивает особенность восприятия этой лексемы в русском социуме. В китайском социуме предпочтение отдается семантическим компонентам, связанным с традиционной культурой: ярким примером являются семантические компоненты *элемент традиционной культуры* и *этикет*, которые имеют одинаковый процент частотности — 9,5%.

На периферии такие компоненты, как *чуткость*, *воспитанность* и *тактичность*, характерны для обоих социумов.

В периферийной зоне лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 наиболее высокий процентный показатель наблюдается в группе русских юношей — 10%: он определяется семантическим компонентом *результативность в труде*. В китайском социуме частотным семантическим компонентом выступает компонент *традиционная ценность* в группах магистрантов, гуманитариев, юношей и девушек. Семантические компоненты с низким процентом частотности, находящиеся на дальней периферии, рассматриваются как дополнительные ценностные характеристики трудолюбия.

Рассмотренные в стратификационном плане лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 указали на роль страт в том и другом социумах.

Страта «этнос» в социумах проявляется при характеристике и общих, и различных значений и структур. Русская и китайская семантические структуры на периферии лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 представлены одинаково: в обеих используется объединение семантических компонентов в блоки с равным процентом употребления (см. рисунки 33, 48). Страта «этнос» различается частотностью семантических компонентов по зонам. Так, в ядре лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 сумма частоты в группах китайских информантов составляет 279,6%, а в группах русских информантов — 209,9%; в периферийной зоне суммарная частотность семантических компонентов ниже в группах китайских информантов: 90,8 % по сравнению с суммарной частотностью в группах русских информантов — 183,8%.

Страта «уровень образования» определяет различие семантических компонентов во всех группах русских и китайских информантов. Так, данные зоны ядра лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 показывают, что частотность семантического компонента у магистрантов выше, чем у бакалавров, как в русском, так и в китайском языках. Частотность такого компонента лексемы ТРУДОЛЮБИЕ, как *характерная черта «трудоголика»*, в ответах русских магистрантов намного выше (18,2%), чем в ответах русских студентов бакалавриата (3,3%).

Страта «специальность» также оказывает влияние на значение и структуру исследуемых лексем. Частотность такого компонента лексемы ТРУДОЛЮБИЕ, как *результативность в труде*, в ответах русских негуманитариев выше (17,2%), чем в ответах русских гуманитариев (5,9%).

Влияние страты «гендер» проявляется достаточно ярко при рассмотрении значения лексем ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳. Например, частотность компонента *инициативность, настойчивость в работе* в ответах китайских девушек выше (11,1%), чем в ответах китайских юношей (4,5%).

Проведенный анализ демонстрирует представление ценностей лексем ДОБРО / 善, ЗЛО / 恶, ЛЮБОВЬ / 爱, СЧАСТЬЕ / 幸福, ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳, сформированное в языковом сознании русского и китайского социумов. Он выявляет национально-специфические ценностные особенности значения, закрепленные за лексемами ДОБРО / 善 и ЗЛО / 恶; ценностные элементы, отмеченные в групповом сознании молодого поколения в лексемах ЛЮБОВЬ / 爱 и СЧАСТЬЕ / 幸福 с учетом гендера; стратификационное рассмотрение лексем ВЕЖЛИВОСТЬ / 礼貌 и ТРУДОЛЮБИЕ / 勤劳 у китайских и русских информантов с учетом уровня образования, специальности и гендера. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что ценностные аспекты значения лексем отражают социокультурные и национальные особенности восприятия мира носителями языка.

В целом данные, полученные в исследовании, следует рассматривать с учетом специфики того времени, когда эксперимент был проведен, и достоверности ответов тех информантов, которые приняли участие в эксперименте.

Направление исследования можно признать перспективным, поскольку оно дает возможность показать сходство и различие в ценностных представлениях русского и китайского социумов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абушенко, В. Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / В. Л. Абушенко; гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест: Современный литератор, 2002. – С. 21–23.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Наука, 2010. – 288 с.
3. Ан, С. А. Социальный экстремизм как нравственная проблема современности / С. А. Ан // Динамика морали в контексте современной культурной жизни России. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – 224 с.
4. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – 379 с.
5. Анисимов, С. Ф. Ценности реальные и мнимые / С. Ф. Анисимов. – М.: Мысль, 1970. – 183 с.
6. Анисимов, С. Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие для изучающих философию / С. Ф. Анисимов. – М.: Современные тетради, 2001. – 128 с.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры: Восточная литература, 1995. – Т. VIII. – 472 с.
8. Апресян, Ю. Д. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
9. Апресян, Ю. Д. Концепция активного словаря русского языка / Ю. Д. Апресян // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Sofia: Heron Press, 2007.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

11. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский; пер. с польского; отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
12. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Батмаева. – Волгоград, 2004. – 438 с.
13. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с.
14. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия / В. П. Барышков; под ред. В. Б. Устьянцева. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
15. Базылев, В. Н. Наука о языке XXI века: словарь-справочник / В. Н. Базылев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 135с.
16. Беликов, В. И. Социоллингвистика: учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 2001. – 439 с.
17. Белинский, В. Г. Статьи о Пушкине / В. Г. Белинский. – М., 1974. – 95 с.
18. Белоусов, К. И. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психоллингвистических экспериментов разных типов) / К. И. Белоусов, Е. В. Ерофеева // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 80–90.
19. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 362–372.
20. Богданова, Л. И. Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц / Л. И. Богданова // Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 1 (25). – С. 50–57.
21. Бойко, Е. С. Система частей речи в русском и китайском языках: лингводидактический аспект / Е. С. Бойко, Н. Н. Кошкарлова // Philological Class. – 2024. – Vol. 29 · №3. – С. 203-212.
22. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

23. Буякас, Т. М. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей — культурных символов в индивидуальном сознании / Т. М. Буякас, О. Г. Зевина // Вопросы психологии. — 1997. — № 5. — С. 45–57.
24. Ван, Минь. Гендерный стереотип в языковом сознании носителей китайского языка (при сопоставлении с данными носителей русского языка): дис. ... канд. филол. наук / Минь Ван. — Пермь, 2018. — 158 с.
25. Ван, Чжаося. Лингвокультурологический анализ концепта «счастье» в русской и китайской фразеологии: магистр. дис. ... филол. наук / Чжаося Ван. — Цзинань, 2017. — 71 с.
26. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. избр. ст. / Л. М. Васильев. — Уфа: РИО БашГУ, 2006. — 524 с.
27. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
28. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1983. — 268 с.
29. Виноградов, С. Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. — С. 93–97.
30. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1988. — 200 с.
31. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография. — М.: РУДН, 2008. — 336 с.
32. Выговская, Д. Г. Безопасность как ценность в российском обществе: диахронический аспект / Д. Г. Выговская, Е. В. Харченко // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 2 (60). — С. 38–46.

33. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1956. – 520 с.
34. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5–361.
35. Голованова, А. В. Ценности и оценки в языковом отражении: на материале русского и польского языков: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Голованова. – Пермь, 2002. – 236 с.
36. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации / науч. ред.: А. В. Кирилина; М. В. Гаранович. – М.: ЯСК, 2022. – 400 с.
37. Георгиева, О. Н. Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира / О. Н. Георгиева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2008. – № 2 (8). – С. 126–130.
38. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
39. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Наука, 1984. – 478 с.
40. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
41. Гуревич, П. С. Культурология. – М.: Проект, 2003. – 336 с.
42. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
43. Денисов, П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка / П. Н. Денисов // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 142–158.
44. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 381 с.

45. Дзюба, Е. В. К вопросу о формировании терминологического аппарата при изучении категоризации в языковом сознании / Е. В. Дзюба // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 8. – С. 129–135.
46. Доценко, Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания / Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 2 (8). – С. 144–155.
47. Дридзе, Т. М. Семиотический уровень как характеристика реципиента / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 200–203.
48. Дробницкий, О. Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей / О. Г. Дробницкий // Проблема ценности в философии / под ред. А. Г. Харчева. – Л.: Наука, 1966. – С. 25–40.
49. Есенова, Т. С. Концепт «труд» в китайской лингвокультуре (в сопоставлении с русской) / Т. С. Есенова, Е. Ван // Россия и Китай: взаимодействие культур. – Элиста, 2010. – С. 96–107.
50. Еременко, А. В. Языковая объективация ценностного компонента концепта Marriage в афоризмах американских и британских авторов: сравнительно-сопоставительный аспект: дис. кан. Филол. наук. – Владивосток: 2017. – 221 с.
51. Ерофеева, Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект / Е. В. Ерофеева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. – 320 с.
52. Ерофеева, Е. В. Моделирование социальных ценностей через анализ актуального лексикона / Е. В. Ерофеева // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты: материалы междунар. науч. конф. памяти проф. В. Я. Шабеса, Санкт-Петербург, 26–27 февраля 2014 г. – СПб.: Университетские образовательные округа, 2014. – С. 12–26.
53. Ерофеева, Т. И. Современная городская речь / Т. И. Ерофеева. – Пермь: ПГУ: ПСИ: ПССГК, 2004. – 316 с.

54. Ерофеева, Т. И. Социолект: стратификационное исследование: монография / Т. И. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. – 240 с.
55. Ерофеева, Т. И. Штрихи речевого портрета Прикамья / Т. И. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. – 192 с.
56. Ерофеева, Т. И. Лексика городской речи: стратификационное исследование социолектов / Т. И. Ерофеева. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 240 с.
57. Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 35–55.
58. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику: учебник / А. А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РГГУ, 2007. – 559 с.
59. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
60. Зализняк, А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / под ред. А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 153–174.
61. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 320 с.
62. Звегинцев, В. А. Новое в лингвистике / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1962. – Вып. 2. – 686 с.
63. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М.: Моск. психол. соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 432 с.
64. Каган, М. С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
65. Кадачиева, Х. М. Ценность как философская и лингвистическая категория / Х. М. Кадачиева, А. Б. Абдулкадырова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4-3. – С. 54–68.

66. Каирова, Р. Б. Отражение ценности «прекрасное» и антиценности «безобразное» в русской и английской фразеологии / Р. Б. Каирова, З. М. Габуня // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. – 2013. – № 2 (2). – С. 125–130.

67. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

68. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

69. Карасик, В. И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 59–101.

70. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

71. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.

72. Карасик, В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения / В. И. Карасик // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Калининград, 30 мая – 01 2019 года. – Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019а. – С. 22-25.

73. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. – М.: Дискурс, 2019б. – 524 с.

74. Карасик, В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры / В. И. Карасик // Общая и русская лингвоаксиология. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022. – С. 14–39.

75. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.

76. Касевич, В. Б. Язык и знание / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М.: Наука, 1990. – С. 8–25.
77. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
78. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
79. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб.: Юнайтед, 2002. – 444 с.
80. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 237 с.
81. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1: А–О / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014. – 592 с.
82. Кондрашов, В. А. Этика / А. А. Кондрашов. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 512 с.
83. Кошкарлова, Н.Н. Медиаобраз Китая в российских СМИ / Н. Н. Кошкарлова, И.В. Кожухова // Когнитивные исследования языка. – 2023. № 4 (55). – С. 436–439.
84. Коркина, М. И. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английского языков / М. И. Коркина, С. В. Шустова // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2023. № 12. – С. 58–71.
85. Корлякова, А. Ф. Оценочный аспект в языковой картине мира русского и английского социумов (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол наук / А. Ф. Корлякова. – Пермь, 2012. – 235 с.
86. Корниенко, Н. А. Методики изучения эмоциональной жизни личности / Н. А. Корниенко. – Новосибирск: СибАГС, 2004. – 123 с.
87. Коршунов, А. М. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. – М.: Политиздат, 1988. – 382 с.
88. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

89. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
90. Кропачева, М. А. Литвинова, Е. С. Анализ новейших англоязычных заимствований в молодежном жаргоне // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2023. – С. 419–424.
91. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 188 с.
92. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 888 с.
93. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
94. Кузнецова, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецова. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
95. Культурология: учебник / Т. Ю. Быстрова [и др.]; под общ. ред. О. И. Ган. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 192 с.
96. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.
97. Кулаева, З. Т. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи / З. Т. Кулаева // КАНТ. – 2018. – № 2 (27). – С. 91–94.
98. Лапин, Н. И. Пути России: социокультурные трансформации / Н. И. Лапин. – М.: Издательство РАН, 2000. – 195 с.
99. Левицкий, Ю. А. Общее языкознание / Ю. А. Левицкий. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2004. – 296 с.
100. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. – М., 1965. – 245 с.
101. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 7–19.

102. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
103. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
104. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть «чужим» / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 9–12.
105. Леонтьев, А. А. Психолингвистический аспект языкового значения / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1 (13). – С. 8–29.
106. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики: монография / А. Н. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 576 с.
107. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
108. Леонтьев, А. Н. Материалы о сознании / А. Н. Леонтьев // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1988. – № 3. – С. 6–25.
109. Ломов, Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида / Б. Ф. Ломов // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 64–93.
110. Лосский, Н. О. Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа ценностей / Н. О. Лосский. – Париж: YMCA-PRESS, 1931. – 136 с.
111. Лотце, Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии. Душа / Г. Лотце; пер. с нем. Е. В. Корша. – 2-е изд., репр. – М.: Либроком, 2012. – 160 с.
112. Луговская, Т. В. Ценностно-смысловое пространство человека / Т. В. Луговская, Г. А. Паркайкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 1 (2). – С. 71–74.
113. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

114. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
115. Матюшина, В. В. Ценностно-ориентированное сознание / В. В. Матюшина // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 1 (40). – С. 261–267.
116. Мишланов, В. А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста / В. А. Мишланов. – Пермь: ПГНИУ, 2011. – 368 с.
117. Моргун, В. Ф. Проблема периодизации развития личности в онтогенезе: учеб. пособие / В. Ф. Моргун, Н. Ю. Ткачева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 82 с.
118. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
119. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
120. Никитина, С. Е. Заметки о ценностях и языковых оценках в конфессиональных культурах (русский народный протестантизм) / С. Е. Никитина // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2015. – С. 325–343.
121. Общая и русская лингвоаксиология / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022. – 390 с.
122. Орлатых, Е. В. Лексема политик/politician в наивном представлении русских и англичан (экспериментальное исследование) / Е. В. Орлатых, Т. И. Ерофеева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 195–201.
123. Ощепкова, Е. С. Ценности «Богатство» и «Бедность» в языковом сознании русских / Е. С. Ощепкова // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 22. – С. 102–117.

124. Пенягина, Е. Б. Концепт АПТЕКА в молодежном языковом сознании: экспериментальное исследование / Е. Б. Пенягина // Глобальный научный потенциал. – 2012. – № 10. – С. 178–180.
125. Пенягина, Е. Б. Содержание и структура концептов «аптека», «деньги», «здоровье»: лингвокогнитивный анализ: дис. ... канд. филол наук / Е. Б. Пенягина. – Пермь, 2012. – 208 с.
126. Пищальникова, В. А. Введение в психопэтику: монография / В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин. – Барнаул: Алтайский гум. ун-т, 1993. – 209 с.
127. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 250 с.
128. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
129. Попова, Т. Г. Категория «ценность» как сущностная характеристика языка / Т. Г. Попова, Ю. С. Бокова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2 (261). – С. 72.
130. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
131. Раклов, Ф. В. Диахронический анализ антиценности «лень» / Ф. В. Раклов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 94–97.
132. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
133. Розин, Я. Л. К вопросу о природе ценностных явлений / Я. Л. Розин // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 34–42.
134. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292с.

135. Рокич, М. Ценностные ориентации / М. Рокич. – СПб.: Питер, 2015. – 704 с.
136. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – 626 с.
137. Рубинштейн, С. А. Основы общей психологии / С. А. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1999. – 720 с.
138. Сахарный, Л. В. Введение в психоллингвистику / Л. В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
139. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
140. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–108.
141. Серебренникова, Е. Ф. Этносемиметрия как способ лингвистического аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 7–48.
142. Синячкин, В. П. О ценности «труд» в русском языковом сознании / В. П. Синячкин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 282–289.
143. Смирницкий, А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79–89.
144. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
145. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.
146. Степанов, Ю. С. Семантика: слов. ст. / Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев // Большая российская энциклопедия. – Т. 29. – М.: БРЭ, 2015. – С. 711–713.

147. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97–112.

148. Стернин И. А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. – Тамбов, 1999. – С.69-79.

149. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И. А. Стернин // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. – М.; Воронеж: ИЯ РАН: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 44–51.

150. Стернин, И. А. Теоретические проблемы языкового сознания / И. А. Стернин // Языковое сознание теоретические и прикладные аспекты / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. – С. 36–63.

151. Стернин, И. А. Язык и национальное сознание / И. А. Стернин // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 156–171.

152. Стернин, И. А. Вопросы теории / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 4–8.

153. Стернин, И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 57–63.

154. Стернин, И. А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1 (51). – С. 112–121.

155. Суетина, Н. М. Ценность и ценностные ориентации: концептуализация различных подходов / Н. М. Суетина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 165–169.

156. Тарасов, Е. Ф. Введение / Е. Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. – С. 6–15.

157. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.
158. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование: материалы XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 3–4.
159. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000а. – С. 24–32.
160. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1. – С. 8–17.
161. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
162. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 201 с.
163. Тимофеев, В. П. Диалектный словарь личности / В. П. Тимофеев // Ученые записки Шадринского педагогического института. – 1971. – № 162. – С. 141.
164. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 344 с.
165. Уайт, Л. А. Антология исследований культуры. Т 1. Наука о культуре / Л. А. Уайт. – СПб.: Университетская книга. – 1997. – 728 с.
166. Усачева, А. К. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. К. Усачева. – Волгоград, 2002. – 167 с.
167. Уфимцева, Н. В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология / Н. В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152–170.

168. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–110.

169. Уфимцева, Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. – С. 177–188.

170. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

171. Уфимцева, Н. В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности / Н. В. Уфимцева // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / науч. ред.: И. А. Стернин, Е. Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – С. 159–172.

172. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: учебник / Р. М. Фрумкина. – 5-е изд., испр. – М.: Академия, 2014. – 336 с.

173. Хомякова, Е. Г. Лингвокультурология. Истоки и проблемы / Е. Г. Хомякова, Т. И. Петухова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 130 с.

174. Чагин, Б. А. Проблема ценности и оценки в свете трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина / Б. А. Чагин // Проблема ценности в философии. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 6–13.

175. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

176. Черноусова, А. С. Восприятие слова «Родина» в русской и китайской лингвокультурах / А. С. Черноусова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9, вып. 3. – С. 48–59.

177. Чернецов, П. И. Трудолюбие как социально-педагогическая проблема. Методологические основы его воспитания / П. И. Чернецов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001. – Т. 5, № 1. – С. 13–31.

178. Чэнь, Яо. Этногендерные стереотипы китайцев и русских: кросс-групповое социолингвистическое исследование: дис ... канд. филол. наук / Яо Чэнь. – Пермь, 2022. – 310 с.
179. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
180. Шнейдер, Л.Б. Социально-психологические особенности национального менталитета / Л.Б.Шнейдер, С.В.Вальцев. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009. – 208с.
181. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности / А. С. Штерн. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – 236 с.
182. Штерн, А. С. Введение в психологию: курс лекций / А. С. Штерн; под ред. Л. В. Сахарного, Т. И. Ерофеевой, Е. В. Глазановой. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный ин-т, 2003. – 312 с.
183. Шутова, Е. И. Проблема частей речи в китаеведении / Е. И. Шутова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 47–64.
184. Цайся, Пэй. Содержание антиценности 腐败 в современной китайской культуре: экспериментальное исследование / Пэй Цайся // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 13 (807). – С. 225–234.
185. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
186. Щерба, Л. В. Избранные труды по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 259 с.
187. Щур, Г. С. О соотношении системы и поля в языке / Г. С. Щур // Проблемы языкознания. – М.: Наука, 1967. – С. 66–70.
188. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

189. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / под ред. Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – 174 с.

190. Ярина, Е. В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» / Е. В. Ярина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (61). – С. 160–162.

191. Ярошевский, М. Г. Л. С Выготский: в поисках новой психологии / М. Г. Ярошевский. – СПб.: Изд-во Международ. фонда истории науки, 1993. – 304 с.

Словари

192. БАС – Словарь современного русского литературного языка / под ред. Л. И. Балахонова, Л. А. Воинова. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – Т. 14. – 1392 с.

193. Кубрякова, Е. С. Категория: слов. ст. / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 45.

194. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

195. НФС – Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

196. ПСЛТ – Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

197. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.

198. СТЛ – Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.

199. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшнз. – URL: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/advertising-and-pr/fc/slovar-195.htm#zag-94> (дата обращения: 14.10.2024).

200. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

201. ФС – Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.

202. РСЭ – Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: Норма: Инфра-М, 1998. – 672 с.

203. БКРС – 汉俄大词典. 顾柏林主编. – 上海外语教育出版社. – 2009 年. – 2877 页. = Большой китайско-русский словарь / под ред. Гу Болин. – Шанхай: Шанхайское издательство по образованию на иностранных языках. – 2009. – 2877 с.

204. 现代汉语词典: 双色缩印本/商务国际辞书编辑部编. – 2017 年. – 1471 页. = Словарь современного китайского языка: двухцветное фототипическое издание / под ред. коммерческого междунар. словаря. – Пекин: Коммерческое издательство, 2017. – 1471 с.

205. 现代汉语词典修订版/中国社会科学院语言研究所词典编辑室.商务印书馆 – 1998 年. – 1722 页. = Словарь современного китайского языка. изд., испр. / под ред. Ин-та языкознания Китайской академии общественных наук. – Пекин: Коммерческое издательство, 1998. – 1722 с.

Иностранные источники

206. Bromley, D. B. The Psychology of Human Ageing / D. B. Bromley. – England: Penguin Books, 1966. – 366 p.

207. Goodenough, W. H. Componential Analysis and the Study of Meaning / W. H. Goodenough // Language. – 1956. – Vol. 32. – P. 195–216.

208. Knobloch, N. The encoding of bad and evil: A crosslinguistic study using a parallel Bible corpus: Master's thesis / N. Knobloch. Stockholm: Stockholm University, 2021. – 68 p.

209. Labov, W. Sociolinguistic patterns / W. Labov. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 344 p.

210. Marchuk, O. Statistical particulars of the lexicothematic group Evil in J. K. Rowling's Harry Potter / O. Marchuk, I. Bekhta, N. Bondarchuk // Proc. 6th International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Systems "COLINS 2022" (May 12–13, 2022), Gliwice, 2022. – P. 461–470.

211. Nazarova, N. The semantic characteristic of the concepts "Good and Evil" in German and Uzbek languages / N. Nazarova // Zien Journal of Social Sciences and Humanities. – 2022. – Vol. 8. – P. 14–16.

212. Normamatov, F. K. Concepts of goodness and evil in the modern Uzbek and English linguistic image / F. K. Normamatov // Мировая наука. – 2020. – № 4 (37). – С. 64–67.

213. Normamatov, F. K.U. The concepts of "Goodness" and "Evil" in the linguistic image of the world and their nationalcultural characteristics / F. K. Normamatov // The American Journal of Social Science and Education Innovations. – 2021. – Vol. 3, iss. 5. – P. 372–379.

214. Osgood, Ch. E. Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems / Ch. E. Osgood, Th. A. Sebeok. – Indiana University Press, 1965. – 307 p.

215. Thornton, F. J. A classification of the semantic field good and evil in the vocabulary of English: PhD thesis / F. J. Thornton. – University of Glasgow, 1988. – 498 p.

216. 游汝杰, 周振鹤. 方言与中国文化 // 复旦学报社会科学版. – 1985 年. – 第 3 期. – 232–237 页. = Ю Жущэ, Чжоу Чжэньхэ. Диалекты и китайская культура // Фуданьский журнал социальных наук. – 1985. – № 3. – С. 232–237.

217. 陈承泽. 国文法草创. – 北京: 商务印书馆. – 1922 年. – 119 页. = Чэнь Чэнцзе. Начальный вариант национальной грамматики. – Пекин: Изд-во коммерческое. – 1922. – 119 с.

218. 陈建民. 语言文化社会新探. – 上海教育出版社. – 1989 年. – 264 页. = Чэнь Цзяньминь. Новое исследование языка, культуры и общества. – Изд-во Шанхайского образования, 1989. – 264 с.

219. 陈美玉, 赵秋野 俄罗斯人语言意识中的时间映象 // 黑龙江高教研究. – 2013 年. – 第 10 期. – 63–65 页. = Чэнь Мэйюй, Чжао Цюе. Отражение времени в языковом сознании россиян // Исследования по высшему образованию Хэйлунцзяна. – 2013. – № 10. – С. 63–65.

220. 陈美玉. 大学生汉语时间词自由联想实验研究 // 边疆经济与文化. – 2013 年. – 第 9 期. – 143–144 页. = Чэнь Мэйюй. Экспериментальное исследование свободной ассоциации китайских временных слов студентами колледжа // Экономика и культура приграничья. – 2013. – № 9. – С. 143–144.

221. 陈清贵, 马鑑. 从语言意识差异探讨英语教学法 // 西南科技大学学报(哲学社会科学版). – 1993 年. – 第 10 卷. – 第 1 期. – 47–50 页. = Чэнь Цингуй, Ма Цзянь. Исследование метода преподавания английского языка с точки зрения различий языкового сознания // Журнал Юго-Западного университета науки и технологии (издание по философии и социальным наукам). – 1993. – Т. 10, № 1. – С. 47–50.

222. 陈升. 道德精神、道德语言与道德适用 // 道德与文明. – 2000 年. – 第 1 期. – 8–10 页. = Чэнь Шэн. Моральный дух, моральный язык и моральное применение // Мораль и культура. – 2000. – № 2. – С. 8–10.

223. 陈望道等著. 中国文法革新论丛. – 北京: 商务印书馆. – 1987 年. – 350 页. = Чэнь Ваньдао и др. Китайская серия грамматических инноваций. Пекин: Изд-во коммерческое, 1987. – 350с.

224. 崔刚, 张岳. 儿童语言障碍的语言学研究 // 外语与外语教学. – 2002 年. – 第 11 期. – 9–12 页. = Цуй Ган, Чжан Юэ. Лингвистическое исследование детских языковых расстройств // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2002. – № 11. – С. 9–12.

225. 杜桂枝. 论语言意识 // 外语学刊. – 2006 年. – 第 4 期. 1–5+112 页. = Ду Гуйчжи. О языковом сознании // Журнал иностранных языков. – 2006. – № 4. – С. 1–5+112.

226. 范维杰, 王清华. 俄语句法语言意识探讨 // 外语学刊. – 2001 年. – 第 3 期. – 102–106 页. = Фань Вэйцзе, Ван Цинхуа. Дискуссия о синтаксическом языковом сознании в русском языке // Журнал иностранных языков. – 2001. – № 3. – С. 102–106.

227. 方光焘. 体系与方法 // 中国语法革新论丛. – 北京: 商务印书馆. – 1986 年. – 47–52 页. = Фан Гуантао. Система и метод // Серия китайских грамматических инноваций. – Пекин: Коммерческое издательство. – 1986. – С. 47–52.

228. 高名凯. 关于汉语的词类分别 // 中国语文. – 1953 年. – 第 10 期. – 13–16 页. = Гао Минкай. О разделении частей речи в китайском языке // Китайский язык. – 1953. – № 10. – С. 13–16.

229. 高名凯. 再论汉语的词类分别 // 中国语文. – 1954 年第 8 期. – 13–17 页. = Гао Минкай. Еще раз о разделении частей речи в китайском языке // Китайский язык. – 1954. – № 8. – С. 13–17.

230. 高名凯. 三论汉语的词类分别 // 中国语文. – 1955 年. – 第 1 期. = Гао Минкай. Трижды о разделении частей речи в китайском языке // Китайский язык. – 1955. – № 1.

231. 郭熙. 中国社会语言学研究的现状与前瞻 // 江苏社会科学. – 2002 年第 5 期. – 132–135 页. = Го Си. Современное состояние и перспективы социолингвистических исследований в Китае // Социальные науки Цзянсу. – 2002. – С. 132–135.

232. 黄光国. 儒家价值观的现代转化: 理论分析与实证研究 // 本土心理学研究. – 1995. – 第 3 期. – 276–338 页. = Хуан Гуанго. Современная трансформация конфуцианских ценностей: теоретический анализ и эмпирическое исследование // Исследования психологии коренных народов. – 1995. – Вып. 3. – С. 276–338.

233. 黄富峰. 论道德语言在道德思维中的地位和作用 // 伦理学研究 – 2003 年. – 16–21 页. = Хуан Фуфэн. О месте и роли языка морали в моральном мышлении // Этическое исследование. – 2003. – С. 16–21.

234. 黄天德, 柳恒爽. 俄罗斯视角: 服务跨文化交际的语言意识研究 // 中国社会科学报. – 2022 年 11 月 14 日. – 第 7 页. = Хуан Тяньдэ. Русская перспектива: исследование языкового сознания на службе межкультурной коммуникации // Китайский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 11, № 14. – С. 7.

235. 黄希庭, 张进辅, 李红. 当代中国青年价值观与教育. 四川教育出版社, 1994. – 522 页. = Хуан Ситин, Чжан Цзиньфу, Ли Хун. Ценности и воспитание современной китайской молодежи. – Изд-во Сычуань, 1994. – 522 с.

236. 姜雅明. 俄罗斯民族性格与语言意识探析 // 中外比较文学与比较文化 (国际) 研讨会论文集. – 2004 年. – 80–84 页. = Цзян Ямин. Анализ русского национального характера и языкового сознания // Материалы (Международного) симпозиума по китайской и зарубежной сопоставительной литературе и сравнительной культуре. – 2004. – С. 80–84.

237. 焦国成. “善”语词考源 // 伦理学研究. – 2013 年. – 第 2 期. – 28–34 页. = Цзяо Гочэн. Текстологическое исследование слова «добро» // Этическое исследование. – 2013. – № 2. – С. 28–34.

238. 句云生. 俄罗斯心理语言学视域下的语言意识研究 // 外语学刊. – 2022 年. – 第 1 期. – 23–28 页. = Цзюй Юньшэн. Исследование языкового сознания в области российской психолингвистики // Журнал иностранных языков. – 2022. – № 1. – С. 23–28.

239. 黎锦熙 新著国语文法. – 北京: 商务印书馆, 1924. – 422 页. = Ли Цзиньси. Новый подход к китайскому языку и литературе. – Пекин: Коммерческое издательство, 1924. – 422 с.

240. 李德顺. 价值论. – 中国人民大学出版社. – 2007 年. – 501 页. = Ли Дэшунь. Теория ценностей. – Пекин: Народное издательство, 2007. – 501 с.
241. 李剑锋. 价值: 客体主体化后的功能或属性 // 价值和价值观. 陕西师范大学出版社. – 1988 年. – 394 页. = Ли Цзяньфэн. Ценность: функция или атрибут субъективации объекта // Ценность и система ценностей. – Сиань: Изд. Шэньсиского педагогического университета, 1988. – С. 161–172.
242. 李连科. 关于价值、价值评价与科学认识 // 学习与探索. – 1985 年. – 第 3 期. – 4–8 页. = Ли Лянькэ О ценности, оценке ценности и научном понимании // Изучение и исследование. – 1985. – № 3. – С. 4–8.
243. 李连科. 世界的意义—价值论. – 人民出版社. – 1985 年. – 247 页. = Ли Лянькэ. Значение мира — аксиология. – Пекин: Народное издательство, 1985 а. – 247 с.
244. 李如龙. 百年中国语言学的两度转型 // 学术研究. – 2005 年第一期. – 118–121 = Ли Жулун. Две трансформации китайской лингвистики в столетии // Академические исследования. – 2005. – № 1. – С. 118–121.
245. 李绍山, 李志雪. 心理语言学研究在中国的发展: 回顾与展望 // 解放军外国语学院学报. – 2007 年. 第 30 卷第 2 期. – 27–33 页. = Ли Шаошань, Ли Чжисюэ. Развитие психолингвистических исследований в Китае: обзор и перспективы // Журнал Колледжа иностранных языков НОАК. – 2007 – Т. 30, №2. – С. 27–33.
246. 李阳. 关注语言意识 走进语文世界 // 辽宁教育. – 1999 年. – 30–32 页. = Ли Ян. Ориентация на языковое сознание в языковой мир // Образование Ляонина. – 1999. – С. 30–32.
247. 罗常培. – 语言与文化. – 国立北京大学出版社. – 1950 年. – 192 页. = Луо Чанпэй. Язык и культура. – Пекин: Изд-во Пекинского университета. – 1950. – 192 с.

248. 吕叔湘. 中国语法要略. – 北京:商务印书馆, 1942年. – 681页. = Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. – Пекин: Шаньбу иньшугуань, 1942. – 681 с.
249. 吕叔湘. 语法学习. – 北京:中国育年出版社. – 1953年. – 204页. = Люй Шусян. Изучение грамматики. – Пекин: Китайское издательство «Юньян». – 1953. – 204 с.
250. 吕叔湘. 关于汉语词类的一些原则性问题 // 中国语文. – 1954年. – 第9期. – 6–14页. = Люй Шусян. Некоторые принципиальные вопросы о частях речи китайского языка // Китайский язык. – 1954. – № 9. – С. 6–14.
251. 吕叔湘. 现代汉语八百词. – 北京: 商务印书馆. – 1980年. – 668页. = Люй Шусян. 800 слов современного китайского языка. – Пекин: Изд-во коммерческое, 1980. – 668 с.
252. 马建忠. 马氏文通. – 北京: 商务印书馆. – 1983年. – 447页. = Ма Цзяньчжун. Объяснение правил письменного языка господина Ма. — Пекин: Коммерческое издательство, 1983. – 447 с.
253. 马志政. 哲学价值论纲要. – 杭州大学出版社. – 1991年. – 232页. = Ма Чжичжэн. Очерк философской аксиологии. – Ханчжоу: Изд. Ханчжоуского университета, 1991. – 232 с.
254. 潘燕. 谈兼类词的判定 // 教育现代化. – 2018年. – 第5卷. – 第33期. – 310–311页. = Пань Янь. Беседа об определении слова с несколькими различными грамматическими категориями // Модернизация образования. – 2018. – Т. 5, № 33. – С. 310–311.
255. 邵敬敏. 现代汉语通论 (第二版). 上海:上海教育出版社. – 2007年. – 335页. = Шао Цзинминь. Введение в изучение современного китайского языка. – 2-е изд. – Шанхай: Издательство «Шанхайское образование», 2007. – 335 с.

256. 申小龙. 希望之路: 中国文化语言学 // 语文学习. – 1988 年. – 第 5 期. – 40–42 页. = Шэнь Сяолун. Дорога к надежде: китайская культурная лингвистика // Филологическое изучение. – 1988. – № 5. – С. 40–42.

257. 申小龙. 语言与文化的现代化思考. 河南人民出版社. – 2000 年. – 297 页. = Шэнь Сяолун. Размышления о модернизации языка и культуры. – Народное издательство Хэнань, 2000. – 297 с.

258. 沈贺. 中西核心价值观比较研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2019. – 275 页. = Шэнь Хэ. Сравнительное исследование основных ценностей Китая и Запада. – Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2019. – 275 с.

259. 沈家煊. 我看汉语的词类 // 语言科学. – 2009. – 第 1 期. – 1–12 页. = Шэнь Цзясюань. Я вижу класс слов китайского языка // Языкознание. – 2009. – № 1. – С. 1–12.

260. 沈锡伦. 表现民族文化的语言形式——文化语言学初探//语文建设. – 1987. – 第 2 期. – 18–22 页. = Шэнь Силунь. Лингвистические формы для выражения национальной культуры — предварительное исследование лингвокультурологии // Филологическое строительство. – 1987. – № 2. – С. 18–22.

261. 王力. 关于汉语有无词类//北京大学学报. – 1955 年. – 第 2 期. – 125–147 页. = Ван Ли. О том, существуют ли в китайском языке части речи слов // Журнал Пекинского университета. – 1955. – № 2. – С. 125–147.

262. 王力. 汉语语法纲要. – 北京: 中华书局. – 2015 年. – 484 页. = Ван Ли. Основы китайской грамматики. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. – С. 484.

263. 闻树国. 试说当代小说中的语言意识 // 文学自由谈. – 1987 年. – 76–85 页. = Вэнь Шуго. Тест на языковое сознание в современных романах // Литературная свободная беседа. – 1987. – С. 76–85.

264. 武利茹. 俄英语言意识核心词对比研究 // 长春大学学报. – 2007. – 17 卷, 第 6 期. – 41–43 页 = Ву Лижу. Сопоставительное исследование

ключевых слов в русском и английском языковом сознании // Журнал Чанчуньского университета. – 2007. – Т. 17, № 6. – С. 41–43.

265. 向玉乔. 汉语道德语言的构成要素及其伦理表意功能 // 道德与文明. – 2022 年. – 第 3 期. – 26–36 页. = Сян Юйцяо. Составные элементы китайского морального языка и его этическая идеографическая функция // Мораль и культура. – 2022. – № 3. – С. 26–36.

266. 新订现代汉语语法/甘玉龙, 秦克霞编著. 天津科技翻译出版公司. – 1993 年. – 500 页. = Новая грамматика современного китайского языка / под ред. Гань Юйлун и Цинь Кэся. – Тяньцзинь: Тяньцзиньская научно-техническая переводческая и издательская компания, 1993. – 500 с.

267. 许高渝. 维果茨基和苏俄心理语言学 // 心理学探新. – 2001 年. – 第 3 期. – 3–6 页. = Сюй Гаоюй. Выготский и советско-российская психоллингвистика // Психологические исследования нового. – 2001. – № 3. – С. 3–6.

268. 许高渝. 意识, 意识中的意义, 语言意识 // 俄语语言文学研究. – 2003 年. – 第 1 期. – 47–56 页. = Сюй Гаоюй. Сознание, смысл в сознании, языковое сознание // Исследования по русскому языку и литературе. – 2003. – № 1. – С. 47–56.

269. 薛文博. 中华民族情感观念“爱”的语义阐释 // 东岳论丛. – 2017 年. – 第 38 卷, 第 12 期. – 174–179 页. = Сюэ Вэньбо. Семантическая интерпретация эмоционального концепта «любовь» китайского народа // Сборник Дунъюэ. – 2017. – Т. 38, № 12. – С. 174–179.

270. 杨瑞. 俄语情感词的语言意识研究 // 吉林省教育学院学报. – 2015 年. – 第 7 期. – 115–117 页. = Ян Жуй. Исследование языкового сознания эмоциональных слов в русском языке // Журнал Цзилиньского института образования. – 2015. – № 7. – С. 115–117.

271. 杨越. 语言文化学视角下的“ добро”与“善”观念的对比分析. 硕士论文. – 2010 年. – 42 页. = Ян Юэ. Сравнительный анализ понятий «добро» и «善»

с точки зрения языкознания и культуры: дис. ... магистра филол. наук. – Сучжоу, 2010. – 42 с.

272. 姚久员. 基于“圆/круглый”联想场的中俄语言意识对比研究 // 中国民族博览. – 2019 年. – 第 16 期. – 112–113 页. = Яо Цзююань. Сопоставительное исследование китайского и русского языкового сознания на основе ассоциативного поля «圆/круглый» // Китайская этническая выставка. – 2019. – № 16. – С. 112–113.

273. 于淼. 道德语言的分类与运行: 一种对荀子名学的现代解释 // 中国文化论衡. – 2007 年. – 第 1 期. – 63–73 页. = Юй Мяо. Классификация и функционирование морального языка: современная интерпретация об учении «Исправление имени» // Исследование китайской культуры. – 2017. – № 1. – С. 63–73.

274. 于爽. 俄汉动词语言意识核心词实证研究. 哈尔滨: 哈尔滨师范大学. 硕士学位论文. – 2013 年. – 74 页. = Юй Шуан. Эмпирическое исследование стержневых слов в русско-китайском глагольном языковом сознании. – Харбин: дис. ... магистра филол. наук. – Харбин, 2013. – 74 с.

275. 张崇, 张志军. 俄汉语言文化对 добро 与善的解读 // 黑龙江教育学院学报. – 2009 年. – 第 5 期. – 104–105 页. = Чжан Чун, Чжан Чжицзюнь. Толкование добра и 善 в русском и китайском языках и культурах // Вестник Хэйлунцзянского института образования. – № 5. – 2009. – С. 104–105.

276. 张玺玺. 俄语 дом/семья 联想场折射出的语言意识民族文化特点 // 中国管理科学研究院教育科学研究所《教师教育能力建设研究》科研成果汇编 (第十一卷). – 2018 年. – 128–129 页. = Чжан Сиси. Этнокультурные особенности языкового сознания в преломлении ассоциативного поля «дом/семья» // Сборник научных результатов исследований по созданию потенциала в области педагогического образования Института педагогических наук Китайской академии наук управления. – Т. 11. – 2018. – С. 128–129.

277. 张志君, 杨茗. 基于自由联想实验的俄汉观念词 судьба/“命运”对比分析 // 中国俄语教学. – 2018 年. – 37 卷, 第 2 期. – 9–15 页. = Чжан Чжицзюнь, Ян Мин. Сравнительное исследование концепта СУДЬБА на основе свободного ассоциативного эксперимента // Русский язык в Китае. Преподавание русского языка в Китае. – 2018. – Т. 37, № 2. – С. 9–15.

278. 赵爱国. 当代俄罗斯心理认知视阈的“语言意识”问题研究 // 中国俄语教学. – 2015 年. – 第 2 期. – 1–7 页. = Чжао Айго. Исследование проблемы «языковой осведомленности» современных российских психологических когнитивных перспектив // Преподавание русского языка в Китае. – 2015. – № 2. – С. 1–7.

279. 赵坤. 中俄大学生道德核心词语言意识对比研究. 哈尔滨: 哈尔滨师范大学. 硕士学位论文. – 2015 年. – 142 页. = Чжао Кунь. Сравнительный анализ языкового сознания китайских и российских студентов (моральные ценности): дис. ... магистра филол. наук. – Харбин, 2015. – 142 с.

280. 赵秋野, 陈美玉. 从俄语面部器官词联想场看语言意识的民族文化特点 // 中国俄语教学. – 2013 年. – 第 32 卷, 第 4 期. – 38–41 页. = Чжао Цюе, Чэнь Мэйюй. Взгляд на национально-культурные особенности языкового сознания из области словесных ассоциаций органов лица // Преподавание русского языка в Китае. – 2013. – Т. 32, № 4. – С. 38–41.

281. 赵秋野, 黄天德. 中俄大学生“自己的/他人的”语言意识联想场折射出的语言哲学观 // 外国语文. – 2015 年. – 第 5 期. – 65–76 页. = Чжао Цюе, Хуан Тяньдэ. Философия языка в отражении ассоциативного поля со стимулом «свой/чужой» среди китайских и русских студентов // Зарубежная филология. – 2015. – № 5. – С. 65–76.

282. 赵秋野. 试论语言意识的民族文化特点 // 外语学刊. – 2003 年. – 第 3 期. – 69–72 页. = Чжао Цюе. Попытка обсудить национально-культурные особенности языкового сознания // Журнал иностранных языков. – 2003. – № 3. – С. 69–72.

283. 赵秋野. 俄罗斯语言意识核心词研究综述 // 解放军外国语学院学报. – 2008 年. – 第 31, 卷第 1 期. – 26–37 页. = Чжао Цюе. Обзор исследования ядерных слов в русском языковом сознании // Вестник Университета иностранных языков НОАК. – 2008. – Т. 31, № 1. – С. 26–31.

284. 赵蓉晖. 最近十年的中国社会语言学 // 新疆大学学报社会科学版. – 2005 年. – 第 3 期. – 151–157 页. = Чжао Жунхуй. Китайская социолингвистика в последнее десятилетие // Журнал Синьцзянского университета. Серия общественных наук. – 2005. – № 3. – С. 151–157.

285. 赵微. 元语言意识与儿童早期书面语言获得 // 幼儿教育(教育科学). – 2012 年. – 第 9 期. – 11–14 页. = Чжао Вэй. Металингвистическое сознание и раннее овладение письменной речью детей // Дошкольное воспитание (педагогические науки). – 2012. – № 9. – С. 11–14.

286. 中国文化语言学引论. 邢福义主编. 湖北教育出版社. – 1990 年. – 471 页. = Введение в китайскую лингвокультурологию / под ред. Син Фуи. – Ухань: Издательство Хубэйского образования. – 1990. – 471 с.

287. 钟海帆. 语言意识的觉醒及其他 // 读书小札. – 1987 年. – 116–118 页. = Чжун Хафань. Пробуждение языкового сознания и не только // Маленькие заметки о чтении. – 1987. – С. 116–118.

288. 周庆生. 中国社会语言学研究略述 // 语言文字应用. – 2010 年. – 第 4 期. – 10–21 页. = Чжоу Циншэн. Краткий обзор социолингвистических исследований в Китае // Язык и письменность. – 2010. – № 4. – С. 10–21.

289. 周振鹤, 游汝杰. 方言与中国文化. 上海人民出版社, 1986 年. – 265 页. = Чжоу Чжэньхэ, Ю Жунцзе. Диалекты и китайская культура. – Шанхайское народное издательство, 1986. – 265 с.

290. 朱德熙, 盧甲文, 马真. 关于动词形容词“名物化”的问题 // 北京大学学报. 哲学社会科学版. – 1961 年. – 第 4 期. – 53–66 页. = Чжу Дэси, Лу Цзявэнь, Ма Чжэнь. О «номинализации» отглагольных прилагательных // Журнал

Пекинского университета. Философия и социальные науки. – 1961. – № 4. – С. 53–66.

291. 朱德熙. 语法答问. 北京: 商务印书馆, 1985 年. – 84 页. = Чжу Дэси. Грамматические вопросы и ответы. – Пекин: Коммерческое издательство, 1985. – 84 с.

292. 朱德熙. 朱德熙文集. 第 2 卷. 北京: 商务印书馆, 1999 年. – 318 页. = Чжу Дэси. Избранные произведения Чжу Дэси. Т. 2. – Пекин: Коммерческое издательство, 1999. – 318 с.

293. 朱德熙. 语法分析讲稿. 北京商务印书馆, 2010 年. – 274 页. = Чжу Дэси. Конспект лекций по грамматическому анализу. – Пекин: Коммерческое издательство, 2010. – 274 с.

294. 朱瑞爽. 俄语句式中的语言意识与翻译 // 神州. – 2012 年. – 第 30 期. – 152 页. = Чжу Жуйшуан. Языковое сознание и перевод в русских предложениях // Шэньчжоу. – 2012. – № 30. – С. 152.

295. 杨宜音. 社会心理领域的价值观研究述要 // 中国社会科学. – 1998 年. – 第 2 期. – 82–93 页. = Ян Иинь. Обзор исследований ценностей в психосоциальной сфере // Китайские общественные науки. – 1998. – № 2. – С. 82–93.

296. 何兆熊. 新编语用学概要. 上海: 上海外语教育出版社, 2000 年. – 394 页. = Хэ Чжаосюн. Новый очерк прагматики. – Шанхай: Шанхайское учебно-педагогическое издательство иностранных языков, 2000. – 394 с.

297. 易鑫. 礼貌的定义与言语礼节 // 复旦外国语言文学论丛. – 2016. – 75–80 页. = И Синь. Определение вежливости и речевого этикета // Серия иностранных языков и литератур Фудань. – 2016. – С. 75–80.

298. 吴潜涛. 论中华民族精神的科学内涵 // 学校党建与思想教育. – 2003 年. – 第 2 期. – 14–17 页. = У Сяньтао. О научном значении духа

китайской нации // Формирование партии и идеологическое воспитание в учебном заведении. – 2003. – № 2. – С. 14–17.

Электронные ресурсы

299. Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник / В. П. Белянин. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2016. – 415 с. – URL: http://lib.yusu.am/disciplines_bk/e500b25109704ac96d0c0c6ce5f32c77.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

300. Красных, В. В. Роль и основные функции культурных ценностей в коммуникации. – URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/36a/ff6/3180103/Krasnyih-Rol_i_ff._tsennostej_v_komm-tsii.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

301. Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0139aad675501c7382199339> (дата обращения: 20.05.2023).

302. Сагатовский, В. Н. Философия культуры: природа и основные понятия. – URL: <https://terme.ru/termin/anticennosti.html> (дата обращения: 12.01.2025).

303. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с. – URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_slova_v_rechi.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

304. 中长期青年发展规划 (2016–2025 年). = Среднесрочный и долгосрочный план развития молодежи (2016–2025 годы). – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-04/13/content_5185555.htm#1 (дата обращения: 25.09.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ТАБЛИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ИССЛЕДУЕМЫХ ЛЕКСЕМ В РЕАКЦИЯХ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ИНФОРМАНТОВ

Таблица А1 — Семантические компоненты лексемы ЛЮБОВЬ в реакциях русских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И11	И12	И13	И14	И15	И16	И17	И18	И19	И20	Абс.	%
Эмоциональное чувство	+	+	+				+	+	+		6	33,3
Пристрастие, привязанность к чему-либо			+		+				+		3	16,7
Взаимоотношение		+				+					2	11,1
Понимание					+			+			2	11,1
Физиологическое чувство				+							1	5,6
Уважение										+	1	5,6
Доверие										+	1	5,6
Ответственность										+	1	5,6
Симпатия									+		1	5,6
Итого											18	100,0

Таблица А2 — Семантические компоненты лексемы ЛЮБОВЬ в реакциях русских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	Абс.	%
Эмоционально-психическое чувство	+	+	+		+						4	18,2
Действенное чувство				+	+				+		3	13,6
Чувство расположения к кому-либо						+	+				2	9,1
Нежность							+		+		2	9,1
Забота							+			+	2	9,1
Повышенная чувствительность	+										1	4,5
Способ познания мира		+									1	4,5
Счастье			+								1	4,5
Преодоление сложностей			+								1	4,5
Сильное чувство				+							1	4,5
Обожание							+				1	4,5
Доверие								+			1	4,5
Понимание								+			1	4,5
Спокойствие								+			1	4,5
Итого											22	100,0

Таблица А3 — Семантические компоненты лексемы 爱 («любовь») в реакциях китайских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант						Частота					
	И11	И12	И13	И14	И15	И16	И17	И18	И19	И20	Абс.	%
Эмоциональное чувство			+	+		+	+	+			5	17,9
Абстрактное чувство, альтруизм во всем	+		+	+							3	10,7
Понимание, доверие			+		+		+				3	10,7
Беречь и заботиться, беспокоиться		+			+	+					3	10,7
Взаимное чувство		+					+				2	7,1
Отношение к людям и вещам						+				+	2	7,1
Любовное отношение			+				+				2	7,1
Высшая ценность				+			+				2	7,1
Семья, друзья и родственники			+								1	3,6
Терпение			+								1	3,6
Ответственность							+				1	3,6
Противоречивое чувство				+							1	3,6
Счастье									+		1	3,6
Жертвенность				+							1	3,6
Итого											28	100,0

Таблица А4 — Семантические компоненты лексемы 爱 («любовь») в реакциях китайских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант						Частота					
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	Абс.	%
Эмоциональное чувство	+			+	+	+				+	5	22,7
Отношение к людям и вещам		+				+		+		+	4	18,2
Семья, друзья и родственники		+	+	+			+				4	18,2
Бескорыстность		+			+						2	9,1
Забота							+			+	2	9,1
Добро					+						1	4,5
Счастье			+								1	4,5
Искренность						+					1	4,5
Терпение							+				1	4,5
Быть в обществе									+		1	4,5
Итого											22	100,0

Таблица А5 — Семантические компоненты лексемы СЧАСТЬЕ в реакциях русских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И11	И12	И13	И14	И15	И16	И17	И18	И19	И20	Абс.	%
Состояние удовлетворенности	+		+	+	+		+		+		6	25,0
Достаток		+	+			+		+			4	16,7
Радость					+					+	2	8,3
Эмоциональное чувство						+				+	2	8,3
Личное чувство	+										1	4,2
Семья, друзья и любимые		+									1	4,2
Разные уровни проявления чувства			+								1	4,2
Материальные ценности			+								1	4,2
Преодоление трудностей			+								1	4,2
Спокойствие					+						1	4,2
Уверенность в будущем					+						1	4,2
Физиологическое чувство						+					1	4,2
Достижение желаний							+				1	4,2
Находить место в жизни									+		1	4,2
Итого											24	100,0

Таблица А6 — Семантические компоненты лексемы СЧАСТЬЕ в реакциях русских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	Абс.	%
Состояние удовлетворенности	+		+	+		+		+		+	6	31,6
Спокойствие	+								+		2	10,5
Высокое чувство	+							+			2	10,5
Образ жизни			+		+						2	10,5
Полнота чувства, гармонии						+		+			2	10,5
Эмоциональное чувство	+										1	5,3
Личное чувство		+									1	5,3
Преодоление трудностей					+						1	5,3
Веселье							+				1	5,3
Комфортное чувство								+			1	5,3
Итого											19	100,0

Таблица А7 — Семантические компоненты лексемы 幸福 («счастье») в реакциях китайских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И11	И12	И13	И14	И15	И16	И17	И18	И19	И20	Абс.	%
Чувство радости	+	+					+	+		+	5	27,8
Состояние удовлетворенности жизнью			+			+	+		+		4	22,2
Эмоциональное чувство				+	+						2	11,1
Беззаботность				+			+				2	11,1
Здоровье		+									1	5,6
Цельное чувство		+									1	5,6
Разные уровни проявления чувства			+								1	5,6
Устойчивость, стабильность				+							1	5,6
Комфорт, спокойствие				+							1	5,6
Итого											18	100,0

Таблица А8 — Семантические компоненты лексемы 幸福 («счастье») в реакциях китайских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант										Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	Абс.	%
Состояние удовлетворенности жизнью	+					+	+	+	+	+	6	28,6
Наслаждение в жизни	+	+	+								3	14,3
Чувство радости		+				+		+			3	14,3
Удача		+	+								2	9,5
Быть любимым		+							+		2	9,5
Забота о любимых, семье		+		+							2	9,5
Ожидание будущего	+										1	4,8
Исполнение желания, средство достижения целей					+						1	4,8
Состояние отсутствия боли							+				1	4,8
Итого											21	100,0

Таблица А9 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских студентов бакалавриата

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям		+		+	+		+		+	+	+			+			8	28,6
Этикет	+		+	+		+					+	+					6	21,4
Тактичность					+			+				+	+		+		5	17,9
Черта личности	+	+			+												3	10,7
Чуткость		+							+								2	7,1
Воспитанность												+				+	2	7,1
Доброжелательное отношение к живым объектам природы										+							1	3,6
Добрые дела															+		1	3,6
Итого																	28	100,0

Таблица А10 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских магистрантов

Семантический компонент	Информант																Частота	
	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+		+		+	12	41,4
Этикет	+					+				+	+						4	13,8
Черта личности					+	+									+		3	10,3
Тактичность									+	+			+				3	10,3
Воспитанность		+									+						2	6,9
Желание расположить к себе									+	+							2	6,9
Добрые дела						+											1	3,4
Образованность						+											1	3,4
Доброжелательное отношение к живым объектам природы					+												1	3,4
Итого																	29	100,0

Таблица А11 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских гуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И9	И10	И11	И12	А1	А2	А3	А4	А9	А10	А11	А12	Абс.	%
Уважительное отношение к людям		+		+	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	12	36,4
Этикет	+		+	+			+	+	+					+	+		8	24,2
Тактичность								+					+	+			3	9,1
Воспитанность								+		+					+		3	9,1
Черта личности	+	+															2	6,1
Чуткость		+			+												2	6,1
Желание расположить к себе													+	+			2	6,1
Доброжелательное отношение к живым объектам природы						+											1	3,0
Итого																	33	100,0

Таблица А12 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских негуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И5	И6	И7	И8	И13	И14	И15	И16	А5	А6	А7	А8	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+		+			+			+		+	+		+		+	8	33,3
Тактичность	+			+	+		+						+				5	20,8
Черта личности	+								+	+					+		4	16,7
Добрые дела							+			+							2	8,3
Этикет		+								+							2	8,3
Воспитанность								+									1	4,2
Доброжелательное отношение к живым объектам природы									+								1	4,2
Образованность										+							1	4,2
Итого																	24	100,0

Таблица А13 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+	+	+			+			+	+	+	+		+		+	10	34,5
Тактичность				+	+		+		+	+			+				6	20,7
Этикет			+	+						+	+						4	13,8
Воспитанность				+				+			+						3	10,3
Желание расположить к себе									+	+							2	6,9
Черта личности															+		1	3,4
Чуткость	+																1	3,4
Доброжелательное отношение к живым объектам природы		+															1	3,4
Добрые дела							+										1	3,4
Итого																	29	100,0

Таблица А14 — Семантические компоненты лексемы ВЕЖЛИВОСТЬ в группе русских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	Абс.	%
Уважительное отношение к людям		+		+	+		+		+		+	+	+		+	+	10	35,7
Этикет	+		+	+		+			+					+			6	21,4
Черта личности	+	+			+								+	+			5	17,9
Тактичность					+			+									2	7,1
Чуткость		+															1	3,6
Воспитанность										+							1	3,6
Доброжелательное отношение к живым объектам природы													+				1	3,6
Добрые дела														+			1	3,6
Образованность														+			1	3,6
Итого																	28	100,0

Таблица А15 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских студентов бакалавриата

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+				+	+	+	+			+						6	35,3
Добрые поступки			+							+			+				3	17,6
Этикет				+	+									+			3	17,6
Элемент традиционной культуры		+														+	2	11,8
Чуткость												+					1	5,9
Тактичность															+		1	5,9
Воспитанность									+								1	5,9
Итого																	17	100,0

Таблица А16 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских магистрантов

Семантический компонент	Информант																Частота	
	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+	+			+	+	+		+	+			+	+			9	39,1
Добрые поступки		+	+	+				+			+					+	6	26,1
Этикет										+		+			+	+	4	17,4
Воспитанность				+							+						2	8,7
Элемент традиционной культуры						+											1	4,3
Скромность					+												1	4,3
Итого																	23	100,0

Таблица А17 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских гуманитариев

Семантический компонент	Информант															Частота		
	И1	И2	И3	И4	И9	И10	И11	И12	А1	А2	А3	А4	А9	А10	А11	А12	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+						+		+	+			+	+			6	30,0
Добрые поступки			+			+				+	+	+			+		6	30,0
Этикет				+										+		+	3	15,0
Воспитанность					+							+			+		3	15,0
Элемент традиционной культуры		+															1	5,0
Чуткость								+									1	5,0
Итого																20	100,0	

Таблица А18 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских негуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И5	И6	И7	И8	И13	И14	И15	И16	А5	А6	А7	А8	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+	+	+	+					+	+	+		+	+			9	45,0
Этикет	+					+									+	+	4	20,0
Добрые поступки					+							+				+	3	15,0
Элемент традиционной культуры								+		+							2	10,0
Тактичность							+										1	5,0
Скромность									+								1	5,0
Итого																	20	100,0

Таблица А19 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Уважительное отношение к людям			+						+	+			+	+			5	26,3
Этикет						+				+		+			+	+	5	26,3
Добрые поступки		+			+						+					+	4	21,1
Воспитанность	+										+						2	10,5
Элемент традиционной культуры								+									1	5,3
Чуткость				+													1	5,3
Тактичность							+										1	5,3
Итого																	19	100,0

Таблица А20 — Семантические компоненты лексемы 礼貌 («вежливость») в группе китайских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	Абс.	%
Уважительное отношение к людям	+				+	+	+	+	+	+			+	+	+		10	47,6
Добрые поступки			+							+	+	+				+	5	23,8
Этикет				+	+												2	9,5
Элемент традиционной культуры		+												+			2	9,5
Воспитанность												+					1	4,8
Скромность													+				1	4,8
Итого																	21	100,0

Таблица А21 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских студентов бакалавриата

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	Абс.	%
Работать много и работать усердно			+	+	+	+	+	+			+	+			+	+	10	33,3
Результативность в труде					+	+						+		+	+		5	16,7
Целеполагание труда		+						+	+	+					+		5	16,7
Каждодневная работоспособность			+				+				+	+					4	13,3
Бескорыстное служение делу		+									+						2	6,7
Получать наслаждение от работы													+			+	2	6,7
Характерная черта «трудоголика»										+							1	3,3
Любить труд	+																1	3,3
Итого																	30	100,0

Таблица А22 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских магистрантов

Семантический компонент	Информант																Частота	
	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Работать много и работать усердно	+		+		+	+		+	+		+	+	+				9	27,3
Характерная черта «трудоголика»			+	+		+				+	+			+			6	18,2
Выполнять любую работу		+	+	+			+	+									5	15,2
Получать наслаждение от работы	+						+		+						+		4	12,1
Целеполагание труда						+				+	+						3	9,1
Результативность в труде				+				+									2	6,1
Стремление к трудовой деятельности							+		+								2	6,1
Стремление к прогрессу																+	1	3,0
Баланс между работой и отдыхом										+							1	3,0
Итого																	33	100,0

Таблица А23 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских гуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И9	И10	И11	И12	А1	А2	А3	А4	А9	А10	А11	А12	Абс.	%
Работать много и работать усердно			+	+			+	+	+		+		+		+	+	9	26,5
Характерная черта «трудоголика»						+					+	+		+	+		5	14,7
Целеполагание труда		+			+	+								+	+		5	14,7
Каждодневная работоспособность			+				+	+									3	8,8
Выполнять любую работу										+	+	+					3	8,8
Бескорыстное служение делу		+					+										2	5,9
Результативность в труде								+				+					2	5,9
Получать наслаждение от работы									+				+				2	5,9
Стремление к трудовой деятельности													+				1	2,9
Баланс между работой и отдыхом														+			1	2,9
Любить труд	+																1	2,9
Итого																	34	100,0

Таблица А24 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских негуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И5	И6	И7	И8	И13	И14	И15	И16	А5	А6	А7	А8	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Работать много и работать усердно	+	+	+	+			+	+	+	+		+	+				10	34,5
Результативность в труде	+	+				+	+					+					5	17,2
Получать наслаждение от работы					+			+			+				+		4	13,8
Целеполагание труда				+			+			+							3	10,3
Характерная черта «трудоголика»										+				+			2	6,9
Выполнять любую работу											+	+					2	6,9
Каждодневная работоспособность			+														1	3,4
Стремление к прогрессу																+	1	3,4
Стремление к трудовой деятельности											+						1	3,4
Итого																	29	100,0

Таблица А25 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Работать много и работать усердно			+	+			+	+	+		+	+	+				8	26,7
Целеполагание труда	+	+					+			+	+						5	16,7
Характерная черта «трудоголика»		+								+	+			+			4	13,3
Получать наслаждение от работы					+			+	+						+		4	13,3
Результативность в труде				+		+	+										3	10,0
Кажодневная работоспособность			+	+													2	6,7
Бескорыстное служение делу			+														1	3,3
Стремление к прогрессу																+	1	3,3
Стремление к трудовой деятельности									+								1	3,3
Баланс между работой и отдыхом										+							1	3,3
Итого																	30	100,0

Таблица А26 — Семантические компоненты лексемы ТРУДОЛЮБИЕ в группе русских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	Абс.	%
Работать много и работать усердно			+	+	+	+	+	+	+		+		+	+		+	11	33,3
Выполнять любую работу										+	+	+			+	+	5	15,2
Результативность в труде					+	+						+				+	4	12,1
Характерная черта «трудоголика»											+	+		+			3	9,1
Целеполагание труда		+						+						+			3	9,1
Кажодневная работоспособность			+				+										2	6,1
Получать наслаждение от работы									+						+		2	6,1
Бескорыстное служение делу		+															1	3,0
Стремление к трудовой деятельности															+		1	3,0
Любить труд	+																1	3,0
Итого																	33	100,0

Таблица А27 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских студентов бакалавриата

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	Абс.	%
Целеполагание		+	+	+			+									+	5	22,7
Бескорыстное служение делу	+		+								+						3	13,6
Работать усердно		+								+		+					3	13,6
Многодневная работа			+		+								+				3	13,6
Отдавать все силы делу								+	+					+			3	13,6
Результативность в труде											+				+		2	9,1
Совершение действия вопреки другому						+					+						2	9,1
Стремление к прогрессу									+								1	4,5
Итого																	22	100,0

Таблица А28 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских магистрантов

Семантический компонент	Информант																Частота	
	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Целеполагание	+	+	+			+	+					+					6	22,2
Инициативность, настойчивость в работе		+	+	+										+			4	14,8
Работать усердно					+				+		+						3	11,1
Стремление к прогрессу					+	+			+								3	11,1
Осознание труда						+							+			+	3	11,1
Традиционная ценность				+						+							2	7,4
Решительность в трудовых поступках							+	+									2	7,4
Баланс между работой и отдыхом												+					1	3,7
Отрицательное отношение к трудолюбию										+							1	3,7
Многодневная работа			+														1	3,7
Любить труд															+		1	3,7
Итого																	27	100,0

Таблица А29 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских гуманитариев

Семантический компонент	Информант															Частота		
	И1	И2	И3	И4	И9	И10	И11	И12	А1	А2	А3	А4	А9	А10	А11	А12	Абс.	%
Целеполагание		+	+	+					+	+	+					+	7	24,1
Работать усердно		+				+		+					+		+		5	17,2
Бескорыстное служение делу	+		+				+										3	10,3
Инициативность, настойчивость в работе										+	+	+					3	10,3
Стремление к прогрессу					+								+				2	6,9
Традиционная ценность												+		+			2	6,9
Многодневная работа			+								+						2	6,9
Отдавать все силы делу					+												1	3,4
Результативность в труде							+										1	3,4
Совершение действия вопреки другому							+										1	3,4
Баланс между работой и отдыхом																+	1	3,4
Отрицательное отношение к трудолюбию														+			1	3,4
Итого																29	100,0	

Таблица А30 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских негуманитариев

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И5	И6	И7	И8	И13	И14	И15	И16	А5	А6	А7	А8	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Целеполагание			+					+		+	+						4	20,0
Осознание труда										+			+			+	3	15,0
Многодневная работа	+				+												2	10,0
Отдавать все силы делу				+		+											2	10,0
Стремление к прогрессу									+	+							2	10,0
Решительность в трудовых поступках											+	+					2	10,0
Работать усердно									+								1	5,0
Результативность в труде							+										1	5,0
Совершение действия вопреки другому		+															1	5,0
Инициативность, настойчивость в работе														+			1	5,0
Любить труд															+		1	5,0
Итого																	20	100,0

Таблица А31 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских информантов-юношей

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И9	И10	И11	И12	И13	И14	И15	И16	А9	А10	А11	А12	А13	А14	А15	А16	Абс.	%
Работать усердно		+		+					+		+						4	18,2
Целеполагание								+				+					2	9,1
Отдавать все силы делу	+					+											2	9,1
Результативность в труде			+				+										2	9,1
Стремление к прогрессу	+								+								2	9,1
Осознание труда													+			+	2	9,1
Бескорыстное служение делу			+														1	4,5
Многодневная работа					+												1	4,5
Совершение действия вопреки другому			+														1	4,5
Инициативность, настойчивость в работе														+			1	4,5
Традиционная ценность										+							1	4,5
Баланс между работой и отдыхом												+					1	4,5
Отрицательное отношение к трудолюбию										+							1	4,5
Любить труд															+		1	4,5
Итого																	22	100,0

Таблица А32 — Семантические компоненты лексемы 勤劳 («трудолюбие») в группе китайских информантов-девушек

Семантический компонент	Информант																Частота	
	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	Абс.	%
Целеполагание		+	+	+			+		+	+	+			+	+		9	33,3
Инициативность, настойчивость в работе										+	+	+					3	11,1
Многодневная работа			+		+						-						3	11,1
Бескорыстное служение делу	+		+														2	7,4
Работать усердно		+											+				2	7,4
Стремление к прогрессу													+	+			2	7,4
Решительность в трудовых поступках															+	+	2	7,4
Отдавать все силы делу								+									1	3,7
Совершение действия вопреки другому						+											1	3,7
Осознание труда														+			1	3,7
Традиционная ценность											+						1	3,7
Итого																	27	100,0